

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2012

Содержание

1. МЕТАФИЗИКА СЕВЕРА У МАРИУША ВИЛЬКА
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ПОЛЬША — ЛИТВА: ЧТО ДАЛЬШЕ?
4. ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА
5. ГОВОРIT РАДИО «СОЛИДАРНОСТЬ»
6. СТИХОТВОРЕНИЯ
7. В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ
8. ПЕТЕРБУРГ В БИОГРАФИИ ЮЗЕФА ЧАПСКОГО: ФАКТЫ И УМОЛЧАНИЯ
9. «МАГИСТР ДЕЛОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ» В ПОЛЬШЕ
10. И КАК-ТО ТАК САМО ПОЛУЧИЛОСЬ
11. ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ
12. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
13. ПАМЯТИ АСАРА ЭППЕЛЯ
14. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛЬША АСАРА ЭППЕЛЯ
15. «МОЙ МИЛОШ» НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ
16. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
17. ПОЛЬСКИЕ ПРУССАКИ
18. МИХАИЛ ЧЕХОВ В ПОЛЬШЕ
19. МЫ — НЕ БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

МЕТАФИЗИКА СЕВЕРА У МАРИУША ВИЛЬКА

«Летят гуси» — такое название носит самая последняя книга Мариуша Вилька, польского путешественника и репортера, бывшего деятеля «Солидарности», восемнадцать лет живущего на русском Севере. Книга состоит из трех сильно отличающихся друг от друга частей: «Зеркало вод», «Котлеты из оленьего мяса» и «Зазеркалье». В первом репортаже автор описывает историю и современность Петрозаводска. Вильк исследует историю этого города и приходит к выводу, что имеет дело с нагромождением фальсификаций. Например, он открыл для себя, что повесть Константина Паустовского «Судьба Шарля Лонсевиля», написанная по настоянию Горького в 1932 г., на самом деле представляет собой литературную мистификацию. Подобным же образом обстоит дело с историей так называемой «Осударевой дороги», того легендарного тракта, по которому Петр I в 1702 г. волоком доставил два фрегата, что якобы позволило ему взять шведский Нотебург. Говоря об истории столицы Карелии, Вильк сравнивает этот город с его отражением в мерцающем зеркале Онежского озера, где трудно отличить правду от иллюзии. С увлечением, свойственным филологу (автор книги окончил полонистику во Вроцлавском университете), он изучает хронику Петрозаводска, написанную в XVIII веке Тихоном Баландиным, и убеждается, что добыча железной руды, которую окружал ореол сакральности, была основным занятием древних карелов. Надо отметить, что свою увлеченность древнерусской литературой Вильк продемонстрировал еще в 2005 г., когда был опубликован сборник его репортажей «Волок», в котором он широко использовал трактат Николая Озерецковского «Путешествие академика Н.Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя».

Репортаж «Котлеты из оленьего мяса» посвящен путешествию Вилька по канадскому Лабрадору, и в нем ясно обозначился перелом, происшедший в продолжающемся уже почти четверть века творчестве автора. Произошло это благодаря духовному покровителю автора, о котором есть упоминание в репортаже и вслед за которым репортер путешествует по Канаде, — это Кеннет Уайт, теоретик философии путешествия и сам великий путешественник, которому принадлежит

авторство понятия об «интеллектуальном кочевье». С момента увлечения Уайтом, с которым Вильк лично познакомился на фестивале путешественников в Сен-Мало в 2007 г., стало заметно, что тема России ушла у польского репортера на второй план, уступая место медитации над смыслом жизни, понимаемым как непрерывные поиски человеком собственного пути и как созерцание природы в духе философии дзен-буддизма. Разумеется, интеллектуальное кочевье в понимании обоих путешественников — это категория экзистенциальная, своеобразная панацея против выпадения человека из традиционного мирового порядка, что происходит в нашей современности. Я думаю, что отъезд из Польши в Россию на постоянное жительство был для Мариуша Вилька просто попыткой сбросить с себя ярлык, чересчур, по его мнению, правильный, — польского патриота, борющегося за свободу в рядах «Солидарности». Жизнь Мариуша Вилька на русском Севере послужила ему катализатором, позволившим полностью реализовать свое собственное призвание как мудреца и философа. Вслед за Уайтом, автор книги «Летят гуси» вводит различие между путешественником-туристом, который, лишь скользя по поверхности действительности, устремляется от одной точки к другой, и бродягой, воспринимающим мир благодаря внутренней сосредоточенности. Другие важные для Вилька противостояния: время, сакральное для первобытных жителей этого континента, — и историческое время европейской цивилизации, пространство тишины — и пространство всемирного шума, создаваемого СМИ, всевозможными электронными изобретениями, которые выхолащивают жизнь человека. Однако, описывая Лабрадор, Вильк слишком часто склонен к идеологическим упрощениям, возникающим на почве постколониального дискурса. Белые американцы выглядят у него как олицетворение всех зол. Разрушая естественную среду, они навязали индейцам свои порядки, а этой земле — христианские названия. Вильк описывает девственную красоту канадских пейзажей, среди которых явно бросаются в глаза разрушительные следы технической деятельности человека. Подобным образом Чеслав Милош в своем сборнике эссе «Видения у залива Сан-Франциско» описывал природу США. Польский репортер признался, что стихи Милоша он ежедневно читает по утрам, чтобы не утратить контакта с родным языком, так что такая аналогия вполне правомерна.

В опубликованной на страницах «Газеты выборчей» рецензии на книгу М.Вилька «Дом над озером Онего» Дариуш Новацкий отмечал присутствие в ней стихии собственной креативности

автора. Подобное замечание весьма уместно и в оценке новейшего сборника репортажей. В его последней части — «Зазеркалье» — автор надевает маски: сначала философа, возделывающего свой сад в Конде Бережной, — прямо-таки как в заключительной части «Кандида» Вольтера, — а с недавнего времени еще и отца, у которого родилась любимая дочка Мартуся. Забота о ребенке также становится предметом философских медитаций. Здесь, в Карелии, поселившись в заброшенной деревне, в тиши и покое, Вильк формулирует свои принципы метафизики Севера. Такое мышление свойственно человеку пожилому. Пустота северного пейзажа вызывает пустоту внутреннюю, тем самым обеспечивая возможность переживать сакральное время в каждодневном общении с природой. Остановившись во времени, человек начинает жить в собственном ритме.

Книги Мариуша Вилька «Летят гуси» и Яцека Хуго-Бадера «Колымский дневник» вышли в Польше с интервалом в несколько месяцев. У второго автора репортаж приближается к литературе факта. Он написан весьма сжатым и экономным стилем, а сам рассказчик редко обнаруживает себя перед читателем, только тогда, когда это необходимо. В определенном смысле он выступает в роли медиума, через посредство которого люди рассказывают истории своей жизни. Репортажи Бадера можно сравнить с куском сырого мяса, из которого читатель может приготовить себе гуляш, шашлык или ростбиф. А тексты Вилька — уже готовое блюдо, щедро приправленное интеллектуальным соусом. Автор ведет читателя по интертекстуальному лабиринту, который содержит в себе ссылки на книги, прочитанные или написанные автором. Среди своих любимых писателей он назвал Гомбровича. Действительно, и для автора «Фердидурке», и для польского репортера характерно выдвигание на первый план авторского «я» в эссе, которые оба они стилизуют под дневниковые записи. Бадер и Вильк сегодня наиболее известны в Польше как репортеры, пишущие о России. Автор «Колымского дневника» занят поисками в этой стране иного, более масштабного опыта, чем в Польше. А отъезд Вилька на русский Север носит черты продуманного и осознанного решения об эмиграции, правда, в довольно нетипичном для большинства поляков направлении. У сегодняшней Польши, где побеждают образцы потребительского общества, мало есть общего с теми идеалами, за которые боролся Вильк в «Солидарности» или в тюрьме коммунистического режима. Следует также обратить внимание на язык Вилька, насыщенный архаизмами. Благодаря тому, что, будучи студентом полонистики, он учил

старославянский, Вильк без особого труда находит общие корни русских и польских слов и создает таким образом свой собственный неповторимый стиль. Свои репортажи он разнообразит значительным количеством русских слов, считая, что они значительно глубже передают суть вещей, чем их польские эквиваленты.

Mariusz Wilk, *Lotem gęsi. Dziennik północny*. Warszawa: Noir sur Blanc, 2012.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «3 мая (...) мы собираемся, чтобы почтить память создателей и защитников эпохального основного закона — первого в Европе и второго в мире. Благодаря майской конституции Польша (...) получила возможность быстро развиваться как государство и общество (...) Невозможно оправдать решительный протест против майской конституции наших же, отечественных противников модернизации государства (...) Партийный фанатизм породил не только бешеные нападки на майскую конституцию, но и позорные послания (...) царице Екатерине с доносами на собственного короля, на польский Сейм (...) Результатом интриг стало разрушение польского государства (...) Несчастливая судьба, которую уготовили Польше враги конституции, еще раз подтверждает, что в наших польских дискуссиях и спорах нельзя стремиться к уничтожению оппонента любой ценой. Те, кто так делает, ранят весь народ и рубят сук, на котором сами сидят. Об этом уроке истории (...) нужно помнить и сегодня, в свободной, суверенной и демократической Польше», — президент Бронислав Коморовский. («Суперэкспресс», 2-3 мая)

• «По случаю Дня труда председатели Союза демократических левых сил (СДЛС) и Движения Паликота Лешек Миллер (66 лет) и Януш Паликот (48 лет) старались перещеголять друг друга в обещаниях (...) В их планы входят: ревизия капитализма, 50-процентный налог для самых богатых, ликвидация открытых пенсионных фондов, а также акции протеста против безработицы и повышения пенсионного возраста. СДЛС вместе со Всепольским соглашением профсоюзов организовал первомайскую демонстрацию (...) В это же время проходил конгресс Движения Паликота». (Камиль Шевчик, «Суперэкспресс», 2-3 мая)

• «Голосами депутатов от «Гражданской платформы» (ГП), крестьянской партии ПСЛ и Движения Паликота Сейм принял вчера закон о повышении пенсионного возраста женщин и мужчин до 67 лет. Постепенное повышение начнется с будущего года. За принятие закона высказались 268 депутатов, против — 185, двое воздержались. Сейм принял также закон, ужесточающий правила выхода на пенсию военнослужащих,

полицейских, пожарных, пограничников, таможенников и сотрудников спецслужб (...) Те из них, кто начнет служить с будущего года, выйдут на пенсию не после 15 лет службы, как сейчас, а лишь после 25-ти, по достижении 55-летнего возраста (...) Маршал Сейма Эва Копач не разрешила делегации профсоюзов присутствовать в зале заседаний во время голосования (...) чтобы обеспечить парламентариям надлежащие условия работы». (Артур Ковальский, «Наш дзенник», 12-13 мая)

• «Председатель профсоюза [«Солидарность»] Петр Дуда вынужден был остаться на улице вместе с приехавшими со всей Польши активистами (...) В ответ на ужесточение законодательства протестующие сожгли портреты членов правительства, а изображение Дональда Туска вздернули на виселицу. Затем они сковали цепями поставленные полицией металлические барьеры (...) и заявили: «Мы не выпустим депутатов, голосовавших за повышение пенсионного возраста» (...) Протест профсоюзных деятелей закончился после 18 часов». (Магдалена Михальская, Войцех Каминский, «Газета польска», 12-13 мая)

• «На сегодняшний день явно существуют две Польша. Одна из них — это Польша, описываемая в «Газете польской», «Нашем дзеннике», «Уважаем Же», на радио «Мария» и телеканале «Трвам», а также в «Жечпосполитой» (...) А еще есть Польша нормальная, ответственная и разумная (...) Не идеальная, с многочисленными проблемами, с хромающей демократией, со скверной прокуратурой и судебной системой, с бюрократией, которая отчасти не работает, отчасти коррумпирована, а в итоге ни на что не способна (...) Польша, в которой сноб, аферист и даже мракобес может стать министром, но становится им по воле большинства», — проф. Ян Видацкий. («Пшеглэнд», 6 мая)

• «Польша добилась консенсуса по вопросу контроля национальных парламентов над внешней и оборонной политикой [ЕС]. На завершившейся в Варшаве двухдневной встрече председателей парламентов стран Евросоюза было решено, что по шесть представителей национальных парламентов и 16 депутатов Европарламента будут встречаться каждые полгода, чтобы вырабатывать позицию по вопросам европейской дипломатии и безопасности. В качестве наблюдателей в т.н. межпарламентских конференциях смогут принимать участие также страны-кандидаты в ЕС и европейские страны-члены НАТО, не входящие в ЕС». (Войцех Лоренц, «Жечпосполита», 23 апр.)

- «Польский национальный банк (ПНБ) выделит 6 млрд. евро на борьбу с кризисом (...) Польские деньги — часть 200 млрд. евро, которые страны-члены ЕС передадут Международному валютному фонду на противодействие кризису (...) О том, что Польша обязалась передать МВФ 6,27 млрд. евро, сообщила вчера Кристин Лагард, директор-распорядитель фонда». («Жечпосполита», 20 апр.)

- «По данным ПНБ, в конце апреля объем валютных резервов Польши составлял более 77,6 млрд. евро. По сравнению с мартом он увеличился почти на 3 млрд. евро и достиг самого высокого уровня за всю историю. Объем валютных резервов в долларах увеличился с 99,7 до 102,8 млрд.». («Жечпосполита», 8 мая)

- «Совет монетарной политики повысил процентные ставки на 0,25% — до 4,75%». (Первая программа Польского радио, 9 мая)

- «В 2011 г. дефицит государственных финансов снизился до 5,1% ВВП. Годом раньше он составлял 7,8%. Таким образом, по темпам фискального «затягивания пояса» Польша оказалась в числе европейских лидеров. Министр финансов Яцек Ростовский торжествует: снижение дефицита превзошло прогнозы экспертов». («Дзенник — Газета правна», 24 апр.)

- «Яцек Ростовский направил Лешеку Бальцеровичу открытое письмо (...) Свое послание автору польских преобразований министр начал со слов: «Лешек, сними свои долговые часы» (...) «Можно с уверенностью сказать, что опасность для польских финансов миновала», — пишет Ростовский (...) Висящий в центре Варшавы «счетчик долга» уже почти два года показывает номинальный рост государственной задолженности. В день его запуска, 28 сентября 2010 г., наш государственный долг составлял более 724 млрд. злотых. Вчера — 811,9 млрд. (...) «Министр финансов, который хочет, чтобы государственные финансы были по-настоящему здоровыми, должен быть заинтересован в том, чтобы общественное мнение знало об их состоянии», — сказал Лешек Бальцерович. Счетчик он снимать не намерен». («Жечпосполита», 27 апр.)

- «По данным Евростата, к концу 2011 г. польский государственный долг составлял 56,3% ВВП. А по подсчетам польского министерства финансов — «всего» 53,8% (...) Согласно Евростату, в 2011 г. дефицит сектора государственных финансов составил 5,1% ВВП и был выше среднего по ЕС (4,5%). Дефицит Германии составлял лишь 1%, Финляндии — 0,5%, в Швеции был профицит. А в Польше, несмотря на то что ее экономика росла, дефицит был один из самых высоких в

Евросоюзе (...) Министр финансов не упомянул и о том, что снижение дефицита во многом стало возможно благодаря поступлению в государственную казну значительной части средств из открытых пенсионных фондов (ОПФ) (...) Если долг действительно начнет уменьшаться, счетчик это покажет», — Витольд Гадомский. («Газета wyborcza», 27 апр.)

- «За последние три года прибыль ОПФ — а значит, и будущих пенсионеров — составила 31,63% (...) В ОПФ откладывают деньги уже 16 млн. поляков. В общей сложности на их счетах лежит почти 235 млрд. злотых». («Газета wyborcza», 6 апр.)

- «В Польше экономически активны только 35% лиц в возрасте от 55 до 64 лет. Для сравнения: средняя по ЕС составляет 51%, в Чили этот показатель достигает 58%, а в Корее — 62%», — Ксавье Девиктор, менеджер Всемирного банка для Польши и стран Балтии. («Газета wyborcza», 4 мая)

- «По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 2011 г. в государственной администрации было занято 430 тыс. человек, т.е. на 2,3% больше, чем за год до этого (...) Во всей бюджетной сфере в прошлом году занятость уменьшилась на 24,7 тыс. человек, т.е. на 1,5%. Средняя зарплата в бюджетной сфере составляла 3,7 тыс. злотых, что на 5,6% выше, чем в 2010 году». («Жечпосполита», 4 мая)

- «В течение 20 лет Всепольскую школу публичной администрации окончили более тысячи выпускников (около 66% из них работают в гражданской службе). Кроме того, в ней прошли переподготовку многие работники государственной администрации (...) Дневное отделение ВШПА — это довольно высокая стоимость обучения, проблемы с трудоустройством выпускников и всё более низкие должности, предлагаемые им по окончании учебы [более высокие должности занимают ставленники правящих партий. — В.К.]. Всё больше слушателей не имеют опыта работы в управлении. Профиль выпускника ВШПА не вполне соответствует ожиданиям учреждений. Другие профессиональные группы (например, администрация органов местного самоуправления) не хотят принимать на работу выпускников этого вуза (...) Я ничего не слышал о планах ликвидации ВШПА. Наша главная задача состоит в том, чтобы в самом ближайшем будущем учреждения вновь начали бороться за выпускников школы», — Славомир Бродзинский, начальник гражданской службы. («Жечпосполита», 2-3 мая)

- «Вчера Еврокомиссия направила в Суд справедливости ЕС иск против Польши, так как наша страна не ввела в назначенный срок европейские правила, касающиеся отходов (...) Комиссия

предложила денежный штраф в размере 67 тыс. евро в день (...) Предыдущее требование соблюдать нормы ЕС Польша получила в июне 2011 года». («Жечпосполита», 27 апр.)

- «По выполнению предписаний, касающихся единого рынка, мы занимаем предпоследнее место в ЕС (...) Польша не выполнила 2,1% директив — это в два раза больше средней по Евросоюзу (...) Максимальный штраф за это — 280 тыс. евро за день промедления (...) В настоящее время Европейская комиссия предъявила Польше уже 90 исков». («Дзенник — Газета правна», 25 апр.)

- «На варшавском экономическом форуме Польша — Центральная Европа — Китай встретятся около 300 китайских, 300 польских и 150 центрально-европейских предпринимателей. Премьер-министр Китая Вэнь Цзябао представит там китайскую инвестиционную стратегию для нашего региона», — Лешек Бай. («Газета выборча», 25 апр.)

- Последние несколько лет растет число эмигрантов из Китая, в то время как число покидающих Польшу вьетнамцев исчисляется уже не сотнями, а тысячами. («Газета выборча», 19 мая)

- «Китай будет сотрудничать со странами Центральной и Восточной Европы, открывая для них (на основе взаимности) свой рынок и увеличивая торговый оборот — к 2015 г. он должен составить 100 млрд. долларов». (Хуберт Козел, «Жечпосполита», 27 апр.)

- «В прошлом году польский экспорт в Китай достиг 1,34 млрд. евро. Однако импорт из Китая был в 10 раз больше и составлял 13,24 млрд. евро (...) Больше экспортирует в Польшу только Германия». («Газета выборча», 24 апр.)

- «В варшавском Королевском замке с премьер-министром Вэнем Цзябао встретились премьеры и вице-премьеры 16 стран Центральной и Восточной Европы с населением в общей сложности 120 млн. человек». (Войцех Лоренц, «Жечпосполита», 27 апр.)

- «“Международный баланс сил меняется. Мы должны углублять политическое доверие между нашими странами”, — убеждал вчера в Варшаве премьер-министр Вэнь Цзябао (...) «Я подчеркнул, что строительство современного государства связано с защитой прав и свобод граждан», — сказал после переговоров с премьером Китая Дональд Туск». (Войцех Лоренц, «Жечпосполита», 26 апр.)

- «В связи с визитом Вэня Цзябао перед канцелярией премьер-министра выстроились борцы за свободу Тибета с транспарантами на китайском, английском и польском языках: “Свободный Тибет приветствует Вэня Цзябао” (...) “Тибет в огне, мы говорим: хватит”». («Газета wyborcza, 26 апр.)

- «“Международная амнистия”, Фонд Леха Валенсы и Фонд «Другое пространство» призвали президента Бронислава Коморовского выступить на переговорах с Вэнем Цзябао в защиту китайских политзаключенных: лауреата Нобелевской премии мира Лю Сяобо, 11-го панчен-ламы Гендуна Чокьи Ньимы и осужденной за противодействие незаконным выселениям правозащитницы Ни Юлань». («Газета wyborcza», 26 апр.)

- «Польша всегда выступала за соблюдение Украиной прав человека и демократических принципов. А теперь нам приходится делать вид, что Евро 2012 и Тимошенко в тюрьме — два совершенно не связанных между собой вопроса (...) В 2004 г., еще будучи рядовым депутатом, Бронислав Коморовский выступил на Майдане Незалежности с пламенной речью в поддержку «оранжевой революции», а Юлия Тимошенко (...) аплодировала ему (...) Сегодня президент Польши Коморовский (...) говорит так: «(...) Случалось, что и в странах с давними демократическими традициями президентов или премьеров приговаривали к тюрьме или обвиняли в разных нехороших вещах, но нигде это не вело к бойкоту подобного рода соревнований» (...) Польские политики могут лишь молиться, чтобы во время Евро 2012 состояние здоровья голодающей Юлии Тимошенко не ухудшилось. Тогда аргумент, что спорт нужно отделять от политики, будет звучать особенно подло». (Михал Маевский, Павел Решка, «Впрост», 7-13 мая)

- «Отсутствие президента Литвы Дали Грибаускайте на организованном президентом Брониславом Коморовским саммите Польши и стран Балтии стало окончательным подтверждением, что отношения между Варшавой и Вильнюсом достигли критической точки (...) Проекты сотрудничества между двумя странами (...) терпят фиаско. Споры о положении польского меньшинства в окрестностях Вильнюса продолжаются уже много лет. Перед Польшей стоит вопрос об эффективности прежней политики в отношении Литвы и всего региона. Раздаются голоса, что наша снисходительность (...) не приносит результатов. С другой стороны, многие говорят, что превращение внешней политики

в заложницу положения польского меньшинства — это путь в никуда». («Тыгодник повшехный», 29 апр. — 6 мая)

- «Можно перечислить несколько событий, ухудшивших отношения между Литвой и Польшей (...) В марте 2008 г. Польша начала выдавать т.н. карты поляка, которые по сути «дали гражданство» полякам, живущим на территории бывших «польских кресов». В конце мая 2009 г. министр Сикорский публично заявил, что, по мнению поляков, они не оккупировали Вильнюс (...) В сентябре 2011 г. на сайте МИДа появилась статья о массовых убийствах в Понарах во время Второй Мировой войны, причем в тексте этот период истории Вильнюса именовался «немецко-литовской оккупацией»», — Дангирас Мачюлис, проф. Римантас Микнис, проф. Альгидас Никженайтис. [Вышеприведенный текст был написан еще до того, как президент Польши оскорбил литовцев в 2012 г., начав свой визит в Литву по случаю Дня независимости не согласованной с литовской стороной встречей в Шальчининкае с польскими активистами (литовцев лишь известили об этом), на которой он высказывался отнюдь не в духе добрососедских отношений (см. «Хронику» в «Новой Польше», 2012, №4). — В.К.]. («Пшеглэнд повшехный», март)

- «В воскресенье сенатора от «Права и справедливости» (Пис) Станислава Гогача не пропустили в Белоруссию. Пограничники поставили в его дипломатический паспорт штамп «Въезд запрещен»». («Жечпосполита», 23 апр.)

- «Польский посол Лешек Шерепка вернулся в Белоруссию. Вместе с ним в Минск возвращаются и другие дипломаты стран-членов ЕС». («Газета wyborcza», 26 апр.)

- «К Евро 2012 будет усилен контроль на польско-немецкой границе (...) Жители немецких приграничных населенных пунктов обращают внимание на учащение краж после отмены пограничного контроля в 2007 году. «С тех пор мы отметили 250-процентный рост краж», — говорит Руди Зонтаг, пресс-секретарь правительства граничащего с Польшей Бранденбурга (...) Почти три четверти тех немногочисленных автоворов, которых удалось поймать с поличным, были поляками или литовцами (...) «По имеющейся у меня информации, в Польше базируются преступные группировки из-за вашей восточной границы», — говорит бургомистр приграничной коммуны Краушвиц Рюдигер Мёнх». (Петр Эндрощик, «Жечпосполита», 24 апр.)

- «Как заявил в интервью начальник Центрального антикоррупционного бюро (ЦАБ) Павел Войтуник, концерны по

производству программного обеспечения предлагали директору Центра компьютерных проектов взятки в размере до 5 млн. злотых». («Дзенник — Газета правна», 16 апр.)

- Согласно отчету о работе ЦАБ за 2011 г., потери государственной казны и органов местного самоуправления в результате выявленной коррупционной деятельности составили 202,5 млн. злотых. Арестованное ЦАБ имущество оценивается в 50 млн. злотых (в 2010 г. эта сумма составляла 11, а в 2009-м — 10,3 млн. злотых). Предварительные следствия, которые вело ЦАБ, касались: органов местного самоуправления (29), хозяйственного сектора (17), правоохранительных органов (8), европейских программ (6), местной судебной администрации (5), таможенных и налоговых служб (5), армии (3). («Дзенник — Газета правна», 2-3 мая)

- «Компенсации за несправедливые приговоры, аресты, задержания. Каждый год их общая сумма растет (...) В 2008 г. (...) она составила 5,3 млн. злотых, в 2010 — 11,3 млн., а в 2011 — 14,5 млн. (...) Пока что самые большие материальные претензии предъявили государству Збигнев Г., с которого было полностью снято обвинение в убийстве (17 млн. злотых компенсации за почти три года в следственном изоляторе), и Гжегож С., бывший президент нефтеперерабатывающей компании «Тшебиня», который, помимо всего прочего, подсчитал потерянные заработки и доходы (13,5 млн. злотых)». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 5-6 марта)

- «30 мая в Зале конгрессов [варшавского Дворца культуры и науки] пройдет съезд предпринимателей, пострадавших от бюрократии. Они создадут общественное движение «Непокоренные-2012» (...) Участники съезда потребуют, в частности, равенства перед законом обеих сторон, соблюдения правила презумпции невиновности (...) и принципа, согласно которому закон не имеет обратной силы (...) В своем обращении организаторы съезда и движения заявляют, что будут публиковать основные претензии к правоохранительным органам, касающиеся обвинений, выдвигаемых прокуратурой на основании непроверенных улик, а также бороться за выявление и осуждение всех случаев использования фискальным аппаратом привилегии безнаказанности при принятии ошибочных решений». (Войцех Выбрановский, «Жечпосполита», 9 мая)

- «В Польше чиновники скрывают информацию вопреки интересам общества (...) Согласно исследованиям, проведенным организациями «Access Info Europe» и «Center for Law and Democracy», мы занимаем последние места в

рейтингах, оценивающих гласность решений, принимаемых государственными и местными учреждениями. В том числе и среди стран Центральной и Восточной Европы (...) С не способствующей гласности политикой государства всё чаще не соглашаются граждане. Растет число направленных в суды жалоб. В 2007 г. было подано 183 жалобы на чиновничью бездеятельность и 118 жалоб на отказ в предоставлении информации. В 2011 г. эти цифры составили, соответственно, 816 и 177 жалоб (...) 10 тыс. злотых пришлось заплатить премьер-министру Дональду Туску за отказ в публикации отчета о деятельности ЦАБ». (Ярослав Стружик, Войцех Выбрановский, «Жечпосполита», 19 апр.)

- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 12–18 апреля (в период мемориальных церемоний, посвященных 2-й годовщине смоленской катастрофы), президенту Брониславу Коморовскому доверяют 68% поляков. Второе место разделили министр иностранных дел Радослав Сикорский и вице-премьер Вальдемар Павляк (по 48%), а третье занял представитель оппозиции Рышард Калиш из СДЛС (46%). В оценках премьер-министра Дональда Туска преобладает недоверие (доверяют 36%, не доверяют — 45%). В рейтинге недоверия впереди Ярослав Качинский (ему не доверяют 54% опрошенных, а доверяет лишь 31%). За ним следует Януш Паликот (50% недоверия), а третий — Туск. Не доверяют поляки также Антонию Мацеревичу (43%) и Збигневу Зебро (40%). («Газета wyborcza», 28–29 апр.)

- Согласно опросу TNS ЦИМО, проведенному 19–22 апреля, ГП поддерживают 27% поляков, ПиС — 25%, СДЛС и Движение Паликота — по 9%, ПСЛ — 5%. Не определились с выбором 22% опрошенных. («Газета wyborcza», 26 апр.)

- «Религиозность и приверженность правым взглядам тесно связаны друг с другом. Правые взгляды носят у нас не столько экономический, сколько культурно-этический характер. Наши правые — отнюдь не сторонники экономического либерализма. В экономическом смысле приверженцы ПиС соответствуют средним польским воззрениям — социал-демократическим и эгалитаристским. Однако у них есть очень четкие культурные и нравственные ценности. Они ценят традицию, выступают против аборт и гомосексуализма, (...) за традиционную модель семьи. Их взгляды близки к католической этике, хотя не во всем ей соответствуют (...) Избиратели ПиС видят все проявления общественной жизни в более темных тонах, чем остальные. Никакого оптимизма. Общее положение в стране — скверное. Любопытно, что эти люди говорят: «Мне живется

неплохо, но в стране дела идут плохо. Я зарабатываю прилично, но экономика в ужасном состоянии» (...) Эти люди очень сильно привязаны к Ярославу Качинскому. Его электорат не распадется», — проф. Мирослава Грабовская, директор ЦИОМа. («Газета wyborcza», 19 апр.)

- «10 тыс. человек вышли на улицы Кракова во 2 ю годовщину похорон президента Леха Качинского. Противникам шествия удалось собрать всего около 50 человек». («Жечпосполита», 19 апр.)

- «20 тыс. человек пришли на варшавскую манифестацию в защиту телеканала свящ. Рыдзыка. Они несли транспаранты: (...) «Платформа преступников и предателей — в отставку» (...) Председатель Пис Ярослав Качинский был на манифестации с самого начала. После мессы на площади Трех Крестов он выступил перед канцелярией премьер-министра и заявил, что католиков в Польше дискриминируют». («Газета wyborcza», 23 апр.)

- «Субботный марш в защиту телеканала «Трвам» стал успехом оппозиции. На манифестацию пришли по меньшей мере 50 тыс. человек». («Жечпосполита», 23 апр.)

- «В субботу я видел, как по улицам Варшавы идут 120 тыс. свободных поляков, демонстрирующих свою ответственность и живой интерес к развитию телеканала «Трвам»». («Наш дзенник», 23 апр.)

- «Возглавляемый свящ. Рыдзыком частный телеканал «Трвам» не получил лицензию на цифровое вещание (...) Телеканал Рыдзыка, как и прежде, можно будет смотреть в кабельных сетях и с помощью спутниковых антенн, но СМИ редемпториста об этом не упоминают (...) Телеканал «Трвам» не соответствует финансовым критериям [чтобы получить лицензию на цифровое вещание]: его владелец, фонд «Lux Veritatis», обременен долгами». (Катажина Вишневская, «Газета wyborcza», 21–22 апр.)

- «Мы имеем дело с новой волной хорошо продуманных, согласованных антигосударственных выступлений и манифестаций (...) Веймарскую республику погубили националистические движения (...) Качинскому при значительной помощи свящ. Рыдзыка удалось создать новое народное движение националистического толка (...) У нас появился новый вариант польского национализма. Это очень опасная смесь», — проф. Иренеуш Кшеминский. («Газета wyborcza», 25 апр.)

- «Качинский свободно говорит, что авиакатастрофа [под Смоленском] «почти наверняка» была результатом покушения, а Мацеревич добавляет, что мы уже два года находимся «в состоянии войны» с Россией и действующей в ее интересах польской пятой колонной — правительством, общественной элитой и значительной частью СМИ. Марши против «смоленской лжи» чередуются с маршами в защиту телеканала «Трвам»...» — Цезарий Михальский. («Впрост», 23 апр. — 6 мая)

- «Покушение нужно политикам Пис, как топор дровосеку. Без покушения они не наберут нужного количества голосов (...) Премьер-министру Туску выпало править в исключительно трудное время: Смоленск, шатающийся Евросоюз, угроза заражения кризисом от других экономик и Пис во главе с человеком, полным боли и жажды мести (...) Пис старательно возвращает концепцию покушения. Специальная группа в Сейме непрестанно приводит всё новые аргументы в его пользу: 200 заседаний, 80 слушаний, 150 пресс-конференций. Верят ли в это сам председатель и руководство Пис? Пожалуй, нет. Они лишь беспрепятственно пользуются теорией заговора», — Эва Милевич. («Газета wyborcza», 14-15 апр.)

- «Я за то, чтобы поручить расследование [катастрофы под Смоленском] ученым из-за границы, никак не связанным с нашей страной», — проф. Михал Клейбер, президент ПАН. («Газета wyborcza», 14-15 апр.)

- По просьбе Следственного комитета РФ Институт национальной памяти (ИНП) проверил по документам спецслужб прошлое трех поколений семей подполковника Роберта Гживны и майора Дариуша Протасюка — пилотов президентского Ту-154, разбившегося под Смоленском. («Жечпосполита», 14-15 апр.)

- Отрывок из интервью Томаша Махалы с проф. Михалом Гловинским: «Т.М.: «Можно ли назвать язык, появившийся в апреле 2010 г. смоленским новоязом?» М.Г.: «(...) Я бы назвал его языком ненависти (...) Такого языка ненависти, какой сформировался после смоленской катастрофы, не было уже давно» (...) Т.М.: «Описывают ли положение в Польше слова «ползучий путч» и «мятеж», используемые Тадеушем Мазовецким, Александром Смоляром и Дональдом Туском?» М.Г.: «Думаю, это некоторое преувеличение, но в целом оценка дана верно» (...) Т.М.: «Насколько быстро языковая агрессия может переродиться в физическую?» М.Г.: «Пример [убийства] президента Нарutowича показывает, что долго ждать не приходится»». («Ньюсуик-Польша», 23-29 апр.)

- «Сегодня многие злоупотребляют громкими и страшными словами: позор, измена, преступление, подлость. Они становятся всё более обыденными в СМИ и в сознании поляков. Гипербола, преувеличение, пафос и помпезность заливают язык и деформируют наш взгляд на страну», — сказал президент Бронислав Коморовский на варшавской Замковой площади в 221-ю годовщину Конституции 3 мая. («Газета wyborcza», 4 мая)
- «“В морду хочешь?” — спросил один депутат другого во время дебатов. В зале Сейма часто употребляются совершенно не парламентские выражения». («Жечпосполита», 28–29 апр.)
- «С огромным чувством неловкости и стыда мы наблюдаем за поведением некоторых парламентариев, пользующихся жестоким языком ненависти и демонстрирующих свое дурное воспитание. Недопустима также словесная агрессия против избранных народом высших представителей власти», — архиепископ Юзеф Михалик, отрывок из проповеди, произнесенной 3 мая на Ясной Горе в Ченстохове. («Газета польска», 4–5 мая)
- «Поляки! Нам грозит гиперинфляция бранных слов!» — Мартин Виха. («Тыгодник повсехный», 29 апр. — 6 мая)
- «Организаторы общественной кампании «Вычеркни 212 УК» написали министру юстиции открытое письмо с просьбой предпринять меры по отмене ст. 212 УК (об ответственности за клевету). Кампанию развернули Хельсинский фонд по правам человека, Палата издателей печати и Ассоциация местных газет (...) В 2010 г. число лиц, получивших приговор по ст. 212, увеличилось по сравнению с 2000 г. в пять раз. Ст. 212 УК стала орудием борьбы с критикой. Министр не разделяет мнение авторов письма и высказывается за сохранение ст. 212 в Уголовном кодексе». («Дзике жиче», май)
- «В оскорблении по национальному признаку обвиняет прокуратура владельцев магазина для болельщиков (...) В магазине продавались принадлежности и одежда с антисемитскими надписями». («Жечпосполита», 14–15 апр.)
- «Варшавский Дом встреч с историей впервые в Польше открыл доступ к знаменитому Архиву Спилберга (...) В Кракове, где Стивен Спилберг работал над фильмом «Список Шиндлера», он встретил людей, переживших Катастрофу (...) В 1994 г. он основал в Лос-Анджелесе Фонд исторических видеоматериалов «Пережившие Шоа» (...) В течение пяти лет волонтеры, прошедшие специальную историческую и психологическую

подготовку, нашли 52 тыс. таких людей (...) Общая продолжительность их отснятых рассказов — 120 тыс. часов. Из этих рассказов и состоит Visual History Archive, т.е. Архив Спилберга». (Томаш Ужиковский, «Газета wyborcza», 24 апр.)

• Европейский суд по правам человека в Страсбурге признал Катынь военным преступлением, не имеющим срока давности. Россию суд признал виновной в сокрытии документов и бесчеловечном обращении с семьями жертв, которым в ходе следствия было отказано в статусе потерпевших. В то же время суд заявил, что оценка проведенного Россией катынского следствия выходит за пределы его компетенции. («Дзенник — Газета правна», «Газета wyborcza», 17 апр.)

• «Директор ИМП Лукаш Каминский привез из Москвы копии советских приказов о расстреле 600 поляков, схваченных во время т.н. «августовской облавы» [близ города Августова] в июле 1945 года». («Газета wyborcza», 18 апр.)

• «Зал Словацкого института в Варшаве не мог вместить всех желающих посмотреть фильм о Юзефе Курасе (кличка Огонь) под названием «Богом забытые уголки», снятый братиславским Институтом национальной памяти (...) Показом в Польше снятого два года назад 33-минутного словацкого документального фильма не заинтересовались ни наш ИМП, ни Польское телевидение (...) Участники дискуссии говорили, что увидели фильм правдивый, но жестокий (...) Собравшиеся встретили аплодисментами слова ученика одного из варшавских лицеев (...) который рассказал, что 1 марта по случаю Национального дня памяти «проклятых солдат» в его школе показали фильм, представлявший Юзефа Курася героем. Лишь теперь он узнал, какие у нас национальные герои, и испытывает стыд. В конце он робко спросил, есть ли шанс показать этот фильм в школах». (Лешек Конарский, «Пшеглэнд», 13 мая)

• В 116-ю годовщину со дня рождения генерала Зигмунта Берлинга ветераны, дочь генерала (...) городские чиновники (...) члены Коммунистической партии Польши и даже представители посольства Белоруссии возложили венки к варшавскому памятнику командующему 1-й армией Войска Польского, сформированной в СССР в 1943 году. Ветераны-берлинговцы признали, что уже давно эта церемония не была столь торжественной, хотя дата даже не была круглой». «Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)

• 29 апреля умер проф. Веслав Хшановский. Родился он 20 декабря 1923 г., был маршалом Сейма первого созыва (1991–

1993), сенатором четвертого созыва (1997–2001), а в 1991 г. — министром юстиции и генеральным прокурором. В годы Второй Мировой войны — боец Национальной военной организации и Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании, затем в 1948–1954 гг. сидел в тюрьмах ПНР. В 1980 г. был советником «Солидарности» и соавтором устава профсоюза, затем — соавтором Конституции Польши. Веслав Хшановский был также первым председателем Христианско-национального объединения (1989–1994). («Суперэкспресс», 2–3 мая; «Жечпосполита», 2–3 и 4 мая)

- 4 мая умер японец Йосихо Умеда. Ему было меньше 63 лет. В 1976 г., спустя год после окончания Варшавского университета, он начал сотрудничать с Комитетом защиты рабочих (КОР). В 1980 г. стал советником «Солидарности» и представителем профсоюза в Азии. Благодаря ему японские профсоюзы установили контакт с «Солидарностью». В 1982 г. был депортирован из Польши госбезопасностью. Находясь во Франции, организовал помощь для подпольной «Солидарности». В 2006 г. президент Лех Качинский наградил его офицерским крестом ордена Возрождения Польши. («Жечпосполита», 7 мая)

- «Черный, более чем двухметровый обелиск в честь Рышарда Сивца установлен перед одним из входов на Национальный стадион. В 1968 г. во время праздника урожая на стадионе Десятилетия ПНР Рышард Сивец на глазах у партийных лидеров и 100 тыс. зрителей облил себя бензином и поджег, крича: «Протестую» [и разбрасывая листовки]. Таким образом он выразил протест против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию. Спустя несколько дней Сивец умер от полученных ожогов». («Жечпосполита», 7 мая)

- «Первому польскому премьер-министру исполнилось 85 лет (...) В среду на торжественном приеме в Президентском дворце Тадеуш Мазовецкий сказал: «(...) Мне выпало неожиданное счастье влиять на ход истории (...) Есть у меня, как и у всех собравшихся здесь, новые заботы — например, чтобы продолжающийся уже некоторое время путч не перерос во что-нибудь очень нехорошее. Но я верю в силу доброкачественной Польши — ведь нам удалось очень многое. Этого нельзя погубить, упаси нас Боже». Во вчерашнем интервью ТВП Тадеуш Мазовецкий призывал: «Я обращаюсь к Церкви с просьбой, чтобы некоторые ее круги не позволили впутать себя в политику «смоленской лжи». Из несчастного случая хотят сделать покушение. Церковь не должна это поддерживать»». («Газета wyborcza», 19 апр.)

• «Государство не в состоянии сдержать рост преступности в начальных школах и гимназиях [в Польше в гимназиях учатся подростки 13–16 лет]. Пять лет назад в них было совершено 17,5 тыс. преступлений. В прошлом году — уже 28 тысяч. (...) В первом квартале текущего года было зарегистрировано 3842 вымогательства и разбойных нападения — более чем на тысячу больше, чем в тот же период прошлого года (...) Учащаются также случаи нападения на учителей и школьный персонал — начиная с оскорблений и кончая физическим насилием (...) В первом квартале 2008 г. их было 454, а в тот же период 2012 г. — 1105». (Гражина Завадка, Артур Грабек, «Жечпосполита», 4 мая)

• «Еще в детском саду на каждого ребенка будет заведено личное дело, и на протяжении всего времени образования туда будет добавляться информация (...) Это обеспечит Система образовательной информации (СОИ). Закон о ее введении вступил в действие 30 апреля этого года». (Катажина Павляк, «Газета польска», 5–6 мая)

• «Я обращаюсь к возмущенным, прекрасно образованным молодым безработным. Большинство из вас вовсе не получило хорошее образование — вам только так кажется. Вас обманули сначала учителя, а затем преподаватели (...) Почему это произошло? Дело в том, что преподавателям платят за количество выданных дипломов, а не за качество переданных знаний (...) На протяжении последних 50 лет объем доступных знаний во много раз увеличился, однако человеческий ум (...) остался прежним. Если переполнить компьютер данными, он начинает работать очень медленно, а в конце концов может и вовсе зависнуть. Поскольку мы не можем установить себе новый мозг, нужно перепрограммировать уже имеющийся, используя его ресурсы как оперативную память с быстрым доступом к внешней — например, интернету. Это новый тип образования, основанный на логическом и безошибочном решении нетипичных проблем (а не текущих, практических вопросов) с использованием антиспамовых фильтров и антивирусных программ. Не знаю, как это осуществить на практике, но безболезненно это сделать невозможно. Однако не получилось ли так, что вас обманули, потому что вы хотели быть обманутыми? Зачем вы пошли учиться: чтобы приобрести знания и навыки или чтобы получить диплом? (...) Теперь вы возмущены, ибо считаете, что вам полагается работа. Работы много, но нет людей, способных ее выполнить», — проф. Ян Станек, Институт медицинской физики Ягеллонского университета. («Газета выборча», 28–29 апр.)

• «В 1950 г. возрастная медиана составляла в Польше 25,8 лет: половина поляков была старше этого возраста, а половина младше. Сегодня эта цифра равна 38,2 лет. В 2050 г. она составит 51 год. По мере старения общества падает численность населения: с 38,6 млн. в 1995 г. до 38 млн. в 2010 м и до предполагаемых 32 млн. в 2050 м (...) Численность населения Польши падает по причине низкой рождаемости и постоянной эмиграции (...) Польки рожают в среднем 1,3 ребенка; чтобы обеспечить смену поколений, эта цифра должна составлять 2,1 (...) В настоящее время в Польше живет около 3,2 млн. женщин 25–35 лет, т.е. самого благоприятного для произведения потомства возраста. Однако, поскольку в 1990–е годы рождаемость падала, у нас есть только 1,8 млн. девочек 5–15 лет, а ведь именно они — потенциальные матери будущего поколения. Даже если бы все они родили по 2,1 ребенка, этого было бы недостаточно, чтобы остановить демографический кризис», — Ксавье Девиктор, менеджер Всемирного банка для Польши и стран Балтии. («Газета wyborcza», 4 мая)

• «В Балтийском море живет почти 24 тыс. длинномордых тюленей. «В 70–е годы их было 3–4 тыс. Это пример успешного восстановления и охраны балтийской природы», — радуется проф. Кшиштоф Скура, директор хельской морской станции Института океанографии Гданьского университета (...) Ежегодно в рыбачьих сетях гибнет несколько сот тюленей». (Павел Шанявский, «Ньюсуик-Польша», 7–13 мая)

ПОЛЬША — ЛИТВА: ЧТО ДАЛЬШЕ?

В последнее время польско-литовские отношения плохи, и, похоже, ничто не позволяет надеяться, что в ближайшее время они улучшатся. Выступая в Сейме с речью о польской внешней политике, министр иностранных дел Сикорский сказал — даже не очень-то дипломатично, — что в отношениях с Литвой он рассчитывает на «новую открытость» после осенних выборов, когда в Литве, может быть, сменится правительство. Для главы дипломатического ведомства его высказывание было слишком откровенным и слишком мало дипломатичным. Ибо что же вытекает из этой единственной фразы? То, что с нынешним литовским правительством Польша вести переговоры уже не намерена, так как не видит в них смысла, что она рассчитывает на уход этого правительства после осенних выборов, а со следующим, составленным из сегодняшней оппозиции, — надеется договориться.

Для поляков Литва — своего рода «ближнее зарубежье». Толпы польских туристов ездят в Вильнюс и в Литву. В общем и целом Литва их мало интересует, ездят они туда умиляться польской историей, искать польские следы и польские памятные объекты. Польские пилигримы совершают паломничество к чудотворной иконе Остробрамской Божией Матери. Никто в самом деле не хочет пересматривать границы, никто всерьез не собирается отбирать у литовцев Вильнюс или что бы то ни было, но поляки чувствуют себя в Литве, как дома, и дают почувствовать это литовцам.

Вопрос действительно деликатный. Главный польский национальный эпос «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича начинается словами «О Литва, моя отчизна!» (и совсем неважно, что поэт имел в виду окрестности Новогрудка, расположенного сегодня в Белоруссии), родина польского романтизма — в Вильно, городе Мицкевича и Словацкого, где разыгрывается большинство событий величайшей польской романтической драмы — «Дзядов» Мицкевича. Вдобавок, на виленском кладбище на Россе (Расу), в могиле матери Пилсудского, покоится его сердце, и это место — цель многочисленных экскурсий и паломничеств из Польши. В довершение сказанного есть смысл помнить, что Пилсудский,

польский национальный герой, — для литовцев виновник утраты ими Вильнюса в 1920 году.

Ко всему этому, в литовской столице почти 20% населения составляют поляки, а в прилегающих к Вильнюсу районах: Вильнюсском и Шальчининкском — они составляют, соответственно, 60 и 80% жителей.

Представим себе на мгновение, что Пушкин проводит молодость в Варшаве, действие «Онегина» разыгрывается в варшавском пригороде Прушкове, а сердце Ленина покойся на кладбище в варшавских Повонзках. Правда, Ленин ненавистен полякам, но он по-прежнему кумир российских коммунистов, и, чтобы ему поклониться, они толпами посещают Повонзки.

Мало того. Представим себе, далее, что в той части Мазовецкого воеводства, которая прилегает к Варшаве с юго-востока, 60–80% жителей составляют русские, у них имеются здесь свои школы, различные организации, политические партии, причем все эти учреждения или институты получают материальную и политическую поддержку из России.

Если бы такая картина, которую мы себе на мгновение вообразили, приснилась полякам, для них это был бы ужасный, кошмарный сон. А для литовцев это действительность и повседневность.

При таком положении дел Польша в своих отношениях с Литвой должна сохранять максимальную умеренность, деликатность и огромную дипломатичность. Ситуацию значительно облегчает то обстоятельство, что и Польша, и Литва — члены НАТО и ЕС. Не будь этого или если бы только одно из двух государств состояло в названных организациях, ситуация оказалась бы еще более трудной.

Тем временем Польша добивается от Литвы, чтобы фамилии литовских граждан, по национальности поляков, сохраняли польское написание. Этот вопрос должен был регулироваться обещанным в договоре 1994 г. отдельным соглашением, которое по сей день не только не подписано, но даже проект его не составлен. Польская сторона с некоторого времени вообще не произносит об этом соглашении ни слова (не говоря уже о том, чтобы самой подготовить его проект), а добивается от Литвы одностороннего урегулирования вопроса. Литовцы этого не делают.

А вопрос вообще недостойн быть предметом спора. Даже по завышенным оценкам польских организаций в Литве, в

изменении написания своих фамилий заинтересовано не больше 20% литовских поляков. Иначе говоря, 80 процентам просто чихать на это дело. Вдобавок международный трибунал признал правоту Литвы и ее доводы, что вопрос написании фамилий — это внутреннее дело Литвы и его может по своему усмотрению регулировать литовское законодательство.

Еще один вопрос, улаживания которого добивается польская сторона, — двуязычные таблички с названиями населенных пунктов и улиц на территориях, где проживает или даже количественно преобладает польское меньшинство.

В Европе на сегодняшний день двуязычные названия представляют собой стандарт. Их можно встретить и в германско-французских пограничных областях, и на итало-австрийском и украинско-румынском пограничье, и, наконец (с недавнего времени!), в Польше, на территориях, которые населены немецким, белорусским или литовским меньшинством. Литовцы о двуязычных названиях не хотят даже слышать. Надо честно признать, что в Польше меньшинства составляют небольшую долю жителей — по последней переписи населения 2011 г., лишь 2,17%, — тогда как в небольшой Литве их около 20%. Поэтому нет ничего удивительного в том, что согласие на двуязычие названий далось нам легче, хотя всё равно с трудом и лишь недавно.

В последнее время предметом польско-литовского конфликта была реформа литовской системы школьного образования, которая, наряду с прочим, предусматривает, что в школах национальных меньшинств, в том числе и в польских (школ польского меньшинства в Литве около 120), такие предметы, как история и география Литвы, а также гражданское воспитание, изучавшиеся до сих пор по-польски, должны теперь преподаваться на литовском языке. В Польше во всех школах, предназначенных для меньшинств, аналогичные предметы изучаются по-польски. Кстати говоря, в польских школах, предназначенных для некоторых меньшинств (белорусского или словацкого), все дисциплины преподаются по-польски, только родному языку уделяется повышенное количество учебных часов. Одновременно реформа в Литве предполагает ликвидацию некоторых малых школ, где не хватает учащихся; среди них — и часть польских школ. В Польше по экономическим соображениям самые малочисленные из школ тоже ликвидируются, и так же, как в Литве, против этого протестуют учителя и родители школьников. С той только разницей, что при ликвидации школ в Польше никаких национальных проблем не возникает, а

протесты родителей и учителей не получают поддержки от правительств соседних государств. В Литве как раз получают. Польская общественность в Литве протестует и против увеличения числа предметов, изучаемых на литовском языке, усматривая в этом элемент литуанизации, и против закрытия польских школ — даже таких, где учителей больше, чем учеников.

В демократической стране граждане располагают возможностью самыми разными способами выражать собственные взгляды, демонстрировать свое недовольство решениями властей, объявлять о своих протестах. Подобная возможность есть и у поляков — литовских граждан. Полякам в Литве вполне может не нравиться реформа системы литовского образования, и они имеют право протестовать против нее. Дело литовских властей — уступать или не уступать протестам, убеждать своих граждан в собственной правоте, выслушивать их аргументацию, а если понадобится, вести с ними переговоры о возможных уступках. Пока при этом не нарушаются права человека, правительствам иностранных государств нет до этого никакого дела. Между тем протест литовских поляков против образовательной реформы немедленно получил поддержку Польши. До такой степени, что в Вильнюс приехал без приглашения литовцев польский премьер-министр, вынудил Литву к переговорам об их реформе школьного образования и выступил на импровизированном митинге местных поляков возле костела.

Разумеется, если бы в Вильнюс не поехал премьер Дональд Туск, туда отправился бы лидер правой оппозиции Ярослав Качинский, который, правда, для поляков в Литве ничего бы не уладил и не решил, но для себя заработал бы в Польше очки как защитник поляков и польского духа в Литве. Не подлежит также сомнению, что он демонстрировал бы перед литовскими властями более радикальную позицию, нежели премьер-министр, устроив еще больший скандал. Но что во всем этом может интересоваться литовцев? Разве их интересует, кто именно: Туск или Качинский — изобразит себя в Польше более пламенным патриотом? Такие действия польского правительства, его вовлеченность и стремление ввязаться в спор литовских граждан (какая разница, что эти граждане — польской национальности?) с правительством Литвы путем поддержки протестующей стороны было воспринято литовской общественностью однозначно и оценено как наглое, вызывающее, не соответствующее праву и международным обычаям вмешательство во внутренние дела Литвы. Разумеется, это польское дипломатическое вмешательство

ничего не дало полякам в Литве, зато еще сильнее испортило отношения с Литвой и даже настроило литовскую общественность против Польши. Литовцы еще раз получили подтверждение того, что Польша трактует их как «ближнее зарубежье», где она имеет какие-то права, которых безусловно не имела бы в другом иностранном государстве «дальнего» или попросту зарубежья.

Такие непродуманные действия, такая попытка оказывать на Литву нажим с тем, чтобы она реализовала замыслы и требования лидеров польского меньшинства, порождают последствия, которые отличаются от предполагавшихся. На самом деле они возбуждают и усиливают литовские фобии. Литва иррациональным образом боится Польши. Точно так же, как значительная часть поляков боится России, а еще недавно боялась вдобавок и Германии. Литва боится повторной колонизации значительных участков своей территории, боится доминирования польской культуры. Подобная политика Польши не только вредит хорошим польско-литовским отношениям и не только ослабляет позицию Польши в Евросоюзе. Если бы Польша и Литва сумели говорить одним голосом, к примеру, в вопросах восточной политики ЕС, этот голос имел бы больше шансов быть услышанным. Но такого рода политика прежде всего вредит полякам в Литве, ибо плохое состояние польско-литовских отношений затрудняет решение реальных, а не только надуманных проблем этого сообщества. К числу таких реальных проблем, несомненно, принадлежит цивилизационное отставание литовско-белорусского пограничья, населенного главным образом поляками. Отставание, следствием которого являются бедность, низкий уровень образования, безработица, разнообразные социальные патологии. Польско-литовское сотрудничество в данной сфере могло бы способствовать решению указанных проблем. Но такое сотрудничество требует хороших взаимных отношений.

В обстоятельствах, когда мы имеем дело с взаимоотношениями между государствами, одно из которых значительно крупнее второго, и когда, помимо всего, эти отношения еще и отягощены историей, когда это меньшее государство обоснованно или необоснованно боится более крупного, на этом последнем лежит больший долг добиваться хороших отношений между ними. В данном случае этот долг лежит на Польше.

ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА

Почти четыре года спустя после выхода первого тома переписки Ежи Гедройца и Чеслава Милоша (1952–1963) вышел второй том, охватывающий 1964–1972 гг. Свыше трехсот писем, снабженных комментариями издателя, представляют собой крайне интересное чтение не только ввиду эпистолярно комментируемых событий, но еще и в силу психологических портретов обоих авторов, явленных в этой переписке.

Шестидесятые годы XX века — время, с одной стороны, стабилизации политического разделения мира, а с другой — рождающихся напряженностей и конфликтов, динамика которых свидетельствовала о слабости политически и социально господствовавшего порядка. Как Гедройц, так и Милош были не только внимательными наблюдателями и очевидцами этих обстоятельств, но и сами в них участвовали. Доказательства тому — письма, пересекавшие Атлантику между Мезон-Лаффитом и Беркли.

Ежи Гедройц, многоопытный политический стратег, замечательный организатор и сознательный эмигрант, видел культуру в широком контексте действий, предпринимаемых из политических побуждений. Прежде всего с литературой он связывал огромные надежды на перемену психологии поляков, сидящих за «железным занавесом». Он верил в силу слова, которое, лишившись двусмысленности, способно формировать независимые и свободные подходы. Поэтому для него было так важно печатать писателей и публицистов, которым цензура затыкала рот не только в Польше, но и в других коммунистических странах. Свою роль главного редактора «Культуры» он понимал весьма прагматически, но в то же время в этом прагматизме было нечто от неустрашимого и последовательного миссионерства. Гедройц знал, что должен создавать возможности публикации, что должен поддерживать преследуемых писателей и строить интеллектуальную солидарность между эмиграцией и родиной, а в более широком аспекте — между Востоком и Западом. Этой задаче он подчинил практически всю свою жизнь. Он жил действием.

Письма Гедройца — это, собственно говоря, точное документирование его трудов. Это полные конкретности, точнейших оценок и комментариев планы, призывы, напоминания, просьбы и предложения, неизменно служившие

творению политических фактов. Ему важно было прокладывать пути, соединяющие эмигрантские круги с интеллигенцией в Польше, пытающейся сопротивляться коммунистам. С Милошем он делился своими наблюдениями и замечаниями, но рассматривал его нередко в рамках «задачи». Милош, тогда укреплявший свою позицию профессора в американских университетских кругах, был для Гедройца не только источником информации о настроениях, царящих в кампусах, но и тем человеком, который мог бы повышать уровень знаний американцев о Восточной Европе, ее положении и культуре. Его знакомства, непосредственный контакт со студентами и роль писателя отлично для этого подходили. И неутомимый редактор посылал в письмах различные предложения, например: «Я хотел бы заинтересовать тебя еще одной темой. А именно: несмотря ни на что в Польше развернулась довольно интересная дискуссия о «горизонтах реализма». Которую недавно изложил Карст в «Политике» от 4 января. О ней упоминает даже Матушевский в февральском номере «Новых дрог» [«Нове дроги» — «Новые пути», теоретический орган ЦК ПОРП]. Если объединить это с книгой Жулкевского и Гароди, могла бы быть интересная тема как раз для тебя. Думаю, что независимо от «Культуры» таким эссе наверняка заинтересовалось бы не одно западное издание. Подумай об этом». Это всего лишь один из замыслов Гедройца.

Милош не всегда или даже, прямо говоря, очень редко разделял энтузиазм Гедройца. Он жил в другом ритме, в другом мире и на действительность глядел совершенно с иной — глубоко личной — точки зрения. Он, пожалуй, так никогда и не смирился со своим статусом эмигранта. Был как бы подвешен между разными пространствами, языками, культурами, возможностями выбора и решения. Это его парализовало. Он больше выживал, чем на самом деле жил. В письмах этого периода отчетливо слышен тон неуверенности, в том числе и относительно достоинств его собственного творчества. Отсюда — частые отказы и колебания. С каждым предложением Гедройца Милош должен был освоиться, нагромождал трудности и видел препятствия: «Дорогой Ежи, ты просишь меня написать об Элиоте. Конечно, я мог бы это сделать, но если уж в это погружусь, то оно займет несколько недель. А поскольку всё время есть что-то актуальное, то я целый год потратил бы на то, чтобы писать об актуальном, так что не могу обещать». Милош искал свой путь. Его оценки положения в Польше не всегда были верны, и Гедройц их прямо критиковал, обвиняя поэта в наивности.

По многим вопросам они, разумеется, были согласны. Это касалось, например, критической оценки американской интеллигенции, одобрявшей марксистскую идеологию. Милош обширно информировал Гедройца о контркультурных настроениях, царивших среди студентов и преподавателей. А это было время «университетских революций», красных книжечек Мао и протестов против войны во Вьетнаме. Милош описывал ход митингов и собраний, проводившихся тогда на факультетах, иронически и критически представляя пробелы в образовании ораторов. Гедройц был встревожен этой марксистской и левацкой индоктринацией американской молодежи. Тем более он был расположен выдвигать контрпредложения и предлагать действия, в том числе и издательские, которые дали бы реальное противоядие, способное ослабить влияние левой пропаганды на бунтующую западную элиту. Он был заинтересован в успешной деятельности, которая укрепляла бы действительную зону свободы в коммунистических странах и одновременно открывала Западу глаза на правду и ложь.

Этого гедройцевского темпа Милош не выдерживал. В письмах это видно отчетливо. Милошу в то время не хватало решимости, которая позволила бы использовать талант поэта и способности публициста ради успешной деятельности. Гедройц стремился любой ценой создавать условия, благоприятные для пропаганды польской литературы и культуры на Западе. Он писал о необходимости переводов, понимал это как одну из важнейших задач, стоящих перед польской эмиграцией. К ряду его замыслов Милош относился критически. В своих письмах на эти темы он с трудом скрывал свою неприязнь к тому или иному писателю, с которым когда-то был в дружеских отношениях. Он не умел подойти с другой точки зрения, избавленной от личных эмоций.

Их письма шестидесятых годов — это столкновение двух миров, двух личностей, в чем мое поколение, входившее во взрослую жизнь в следующем десятилетии, не до конца тогда отдавало себе отчет. Но как Гедройц, так и Милош определяли горизонт наших мечтаний и чаяний. Оба были тогда для нас одинаково важны.

Jerzy Giedroyc, Czesław Miłosz. Listy. 1964–1972. Oprac. Marek Komat. Warszawa: Czytelnik, 2011.

ГОВОРИТ РАДИО «СОЛИДАРНОСТЬ»

Подпольное радио «Солидарность» сопровождало жителей столицы Польши и многих других городов на протяжении восьми с лишним лет. Первая его передача прошла 30 лет назад, 12 апреля 1982 года.

Термин «радио “Солидарность”» повсеместно ассоциируется с периодом военного положения, наступившим после 13 декабря 1981 г. (хотя свою деятельность оно вело — под разными названиями — уже в период «карнавала “Солидарности”», в 1980–1981 гг.). Функционировало это радио не только в крупных центрах (Варшава, Вроцлав, Торунь, Седльце, Гданьск, Быдгощ, Познань, Пила, Гожув-Велькопольский, Краков, Катовице, Бельско-Бяла, Гливице, Лодзь, Кельце, Эльблонг, Кошалин, Ольштын, Конин, Щецин), но и во многих гораздо меньших населенных пунктах (Свидник, Пулавы, Пабянице, Семяновице-Шлёнске, Кендзежин-Козле, Жары, Пекары-Шлёнске, Остшешув, Закопане, Венгожево, Явожина-Шлёнска или Ясло). Радиожурналисты из более крупных центров добирались до маленьких городков и деревень по всей стране. Иногда их передачи позднее ретранслировались радиостанцией «Свободная Европа» и таким способом попадали обратно в страну.

Первую свою передачу подпольное радио «Солидарность» вело из варшавского района Охота 12 апреля 1982 г., во второй день пасхальных праздников.

«Мы стояли на крыше высотного здания в центре Варшавы. Вокруг нас — фантастическое зрелище: сотни тысяч огней, вплоть до самого горизонта, который растворялся в темноте. Пунктуально в назначенное время (пожалуй, это был 21 час) мы, полные эмоций, включаем передатчик и магнитофон со звукозаписью передачи. Один из нас держит в вытянутой руке антенну, второй стоит чуть дальше, в нескольких шагах от него, с контрольным радиоприемником. И тут — огромное облегчение: передатчик «заиграл». Мы слышим «свистульку» [мелодию оккупационной песенки «Топор да мотыга...». — Г.М.] — позывные нашего радио, а затем и первые фразы передачи. Облегчение — потому что в глубине души мы больше всего опасались, хотя вслух никто этого не говорил, одного: чтобы

непредвиденная техническая неполадка не свела на нет наши кропотливые, многонедельные испытания и приготовления и не принесла горького разочарования тысячам наших слушателей. В середине программы — пауза, перед которой мы попросили наших слушателей подтвердить приемлемую слышимость передачи, мигая светом в своих квартирах. И вот перед нами замерцала вся Варшава, до самых дальних окраин. В близлежащих домах открывались окна, люди выбегали на балконы, издавали триумфальные возгласы. Меня растрогать нелегко, но в этот момент мое горло сжалось, а в глазах стояли слезы. Это был самый прекрасный момент в моей жизни», — вспоминал Януш Клековский, который посылал эту передачу в эфир вместе с Марекком Расинским.

Авторами замысла радиостанции были Збигнев и Зофья Ромашевские. Ее корни восходили к периоду легальной деятельности профсоюза. Тогда планировали — на случай возможного кризиса, например блокирования нормальных телефонных соединений, телетайпов и т.п., — создать сеть независимой связи между промышленными предприятиями. За изготовление передатчиков взялся инженер Рышард Колышко. Работы над сетью связи задержало, разумеется, введение военного положения. После 13 декабря 1981 г. было решено использовать запроектированные передатчики уже как средство массовой информации, а не связи. Первые пробные передачи (только музыкальные программы) транслировались еще в начале 1982 г. в варшавском районе Прага. Этим занимались молодые ребята, которым не было еще и двадцати, — сыновья Колышко Дариуш и Кшиштоф. Дикторами были Ромашевская и Клековский.

В последующие недели, месяцы и годы радио «Солидарность» возникало и в других местах. К его деятельности подключались всё новые и новые люди, заменяя арестованных товарищей. Радио эволюционировало: первоначально оно чаще всего работало на УКВ, а позже — из-за глушения и риска оказаться запеленгованным — на частотах звукового сопровождения и видеоизображения Польского телевидения. Вернулись также к использованию заводских и фабричных радиоузлов. Иногда вели передачи с помощью оборудования для громкого наружного оповещения, так называемых матюгальников. Так, в частности, осуществлялось вещание в случае, пожалуй, самой громкой из всех передач, которая транслировалась в канун Нового 1982 года и предназначалась для тех, кого посадили в тюрьму на Раковецкой улице, в том числе для членов первой команды работавших на варшавском радио «Солидарность».

Очень разным было оборудование, которым располагали сотрудники этого радио: от совсем маленьких передатчиков домашнего производства мощностью в доли ватта и вплоть до больших — мощностью в несколько сот (200, 400, 600) ватт, собственной конструкции либо доставленных с Запада. Разным, следовательно, был и радиус их действия — от каких-то сотен метров до многих километров. Передачи велись по существу с любых годящихся для этого точек: от балконов и крыш домов до окрестных холмов или гор и даже вплоть, например, до башни костела св. Бригиды в Гданьске... Проводились также трансляции из движущегося автомобиля (в Пабянице) или просто с земли. Что же касается матюгальников, то их размещали на деревьях, столбах или на канатах, растянутых между домами. Пожалуй, самым нетипичным местом, в котором их как-то установили, были цветы на могиле застреленного силами правопорядка Казимежа Михальчика, 27 летнего токаря с вроцлавского завода «Эльвро».

Передачи подпольного радио (отдельные центры которого функционировали независимо друг от друга, хотя нередко сотрудничали) чаще всего носили локальный характер — например, на них выступали региональные лидеры «Солидарности». Передавались также сообщения и официальные коммюнике подпольного руководства профсоюза; кроме того, комментировались важные события общегосударственного значения, в частности выборы или заметные годовщины. Со временем появилась историческая и юбилейная тематика, экологические программы или же материалы, посвященные положению в экономике ПНР. Перед июньскими выборами 1989 г. эфир, например в Седльце, предоставлялся кандидатам Гражданского комитета «Солидарности». Иногда в передачах содержались также развлекательные элементы: песенки и юмористические сюжеты. Необычной была последняя передача, проведенная под руководством Ежи Ястшембовского (он принял варшавское радио «Солидарность» после ареста Ромашевского) 1 апреля 1983 г. неподалеку от Раковецкой (поблизости от местопребывания МВД), в которой содержалась информация о мнимых похоронах Войцеха Ярузельского... В ней даже воспроизвели уместный в данных обстоятельствах салют в честь покойного.

Подпольное радио давало слушателям важное доказательство того, что властям не удалось уничтожить «Солидарность» (хотя значительной информационной роли оно, скорее всего, не играло, тем более что его глушили, причем иногда весьма эффективно). Подпольные радиостанции имели, таким

образом, в первую очередь психологическое значение. В этом прекрасно отдавали себе отчет власти, поэтому независимое радио было одним из тех проявлений оппозиционной деятельности, с которым они боролись энергичней всего. Этой проблеме была даже посвящена рабочая встреча служб радиопротиводействия и технических органов госбезопасности социалистических стран Европы, проходившая 2–5 июля 1985 г. в Варшаве. Действия против радио «Солидарность» проводила не только госбезопасность ПНР (особенно радио- и обычная контрразведка) при поддержке милиции, армии и гражданских учреждений (во главе с Государственной инспекцией деятельности радиостанций), но и гдээрловская «Штази», которая засекала передатчики в Варшаве или во Вроцлаве.

Самый суровый приговор за независимую деятельность в области радио (4 с половиной года тюрьмы) вынесли Збигневу Ромашевскому. Его осудили (а с ним еще восемь человек, принимавших участие в деятельности варшавского радио «Солидарность») на громком процессе в начале 1983 г., а главным обвинением было «распространение посредством радио ложных сведений, которые могут вызвать публичное беспокойство и волнения» и «призыв к преступным деяниям в виде сопротивления законам и юридически обоснованным распоряжениям, принимаемым государственными властями».

Несмотря на деятельность в трудных конспиративных условиях, радио «Солидарность» развернулось на удивление быстро и широко. Более всего — в столице, где функционировали три независимых одна от другой программы, а также радио «Воля». В Варшаве же в марте 1987 г. эфирное время было предложено всем независимым профсоюзным структурам, группам и политическим партиям, а также редакциям журналов и других печатных органов и издательств Мазовии. Стоимость одной 10 минутной передачи была оценена в 500 злотых (примерно 10 руб. в советских деньгах того времени. — Пер.).

Частота выхода передач в эфир зависела от возможностей тех, кто был связан с подпольным радио (часто, кроме обычной работы, они были также вовлечены — вопреки основным принципам конспиративной «техники безопасности» — в другие формы оппозиционной деятельности), от финансовых ресурсов, от качества и количества оборудования. В некоторых городах (например, в Ольштыне, Кошалине) велись единичные передачи, в других местах — несколько, а в самых крупных центрах счет шел даже на сотни; например, в Гданьске радио «Солидарность» в течение семи лет передало около 140

программ на УКВ и около 60 ти — на телевизионной аудиочастоте, а 2 я программа варшавского радио «Солидарность» провела в течение пяти лет 99 или 100 передач.

Как мы уже упоминали, с радио «Солидарность» ассоциировалась мелодия песенки времен оккупации «Топор да мотыга», так как эти позывные сопутствовали столичному радио в качестве заставки вплоть до 1989 года. Но во Вроцлаве использовали «Роту» (патриотическую песню на стихи Марии Конопницкой, ставшая песней Легионов во время Первой Мировой войны. — Ред.), в Свиднике — мелодию из кинофильма «Царский курьер — Мишель Строгов», в Седльце — «Стены» Яцека Качмарского, а в Быдгоще — «Чтобы Польша была Польшей» Яна Петшака. В Гожуве это был сначала полонез Огинского «Прощание с родиной», а позднее (когда костяк группы, выпускавшей радиопередачи, составили активисты Движения независимой молодежи) — «Мы самые лучшие, мы самые сильные», песня квартета в составе: Войцех Моравский, Войцех Вонглевский, Анджей Новицкий, Збигнев Холдыс. В Кракове позывными первоначально служили «Стены», впоследствии — старинная застольная песня «До тех пор, пока на Вавеле...», а затем — «Топор да мотыга». Радио Силезско-Домбровского региона использовало песню «Солидарные, этот день — наш», записанную на пленку в лагере для интернированных в Лупкове, а радио «Солидарность» в Жарах — фрагмент «Баллады о Янеке Вишневском» (про юношу, застреленного при подавлении рабочих волнений декабря 1970 го. — Пер.). 2 я программа варшавского радио «Солидарность» (чтобы отметить свое отличие от первой) выбрала «Стены».

Независимое радио было обязано своим существованием множеству зачастую анонимных или же позабытых сегодня людей из самых разных кругов (рабочих, актеров, профессоров), любого возраста и с далеко расходящимися политическими симпатиями. В большинстве своем они не были, разумеется, профессиональными радиожурналистами или специалистами по электронике, что неоднократно порождало проблемы и ограничивало возможности действий: постоянным больным местом были проблемы с оборудованием и его надлежащим обслуживанием. Хотя со временем наблюдалась прогрессирующая профессионализация их деятельности.

Пока еще невозможно оценить, сколько человек было в масштабах всей страны вовлечено в деятельность радио «Солидарность» — кстати говоря, самыми разными способами: организаторы, конструкторы, редакторы, дикторы,

выпускающие, те, кто отыскивал и предоставлял помещения, те, кто обеспечивал техническую и логистическую поддержку, и т.д.). Возможно, их было даже несколько тысяч, если в одном только Гданьске деятельностью радио «Солидарность» так или иначе занималось более 500 человек.

*Автор статьи работает в Бюро общественного просвещения
Института национальной памяти.*

Богуслава Лятавец

СТИХОТВОРЕНИЯ

Площадь Свободы

В моём городе много памятных мест
лишённых памяти
о лицах виденных когда-то анфас и в профиль
утонувших под льдами витрин
о глазах горячо веривших
что память — не стена казни
а пульс бьющий в курантах
Мой город после двух вооружённых декаблей
и чёрного июня
весь в крови и бинтах
он теперь
прозрачен как воздух
сам себя не видит не слышит
он заточён в камни прусского замка
в бетонный супермаркет
и отвоёванный к счастью —
подземный

гараж на площади Свободы

Познань, январь 2009 г.

Мерцание и вспышка

Распылённый по ветру
он в этом году

на одно мерцание мрака выше
на одну каплю птицы громче
и я безрассудно
верю на рассвете
что его живучая живица
обратит вспять
пульс времени
Слышу он стучит под землёй
в корнях
бьётся в ветках
под сводом воздуха
в дробном пульсе моей крови
на сгибе ладони
в слепой но творящей свет
коре мозга
Однажды ночью вспышкой хвои
как внезапно сверкнувшим зеркалом
я охватываю целое:
всё что видела к чему прикасалась о чём думала
словно всё это мелочь
рассыпанных передо мной предметов
Крайково — Познань, май 2009

Переправа

Тишина после удара волны
здесь — глубокое дыхание света
она снова и снова опрокидывает море

вверх дном
и вздымая его песчаное сердце
вверяет глубины
вместе с зёрнами костей
щепками вёсел
и мёртвыми перьями
звёздной тьме —
на вечную переправу
Без деревьев и крови?
Без щебета мыслей и трелей пернатых?

Св. Влас, сентябрь 2009

Речь о вещах

Матери

На дне буфета
которого нет уже много лет:
стебелёк хрусталя без цветка вина
разбитого
из салатниц — самая длинная
с тенью угря
над заиленным дном
выше рассвет
двух белых розенталей в дымке пыли
и терпкий вкус грушевой эмали
поданной на серебре
бренчанье столовых приборов взлетающих
из выдвижного ящика

И только нет здесь ладоней твоих и плеч
и коленей преклоняя которые
ты вынимала в сумерках всё это лающее
звнящее, блистающее
и хрупкое до крылатости
но уже навсегда — как и я — твоё
сбережённное от войны...
речь идёт
лишь о вещах оставшихся в памяти
а не о любви
ибо любовь — самый тяжкий свет
из всего что несём мы в наших глазах

Сопот, март 2010

Летучая фреска

Сорванная с плеч Марии
она поплыла прямо в бурное
море туч
полное тонущих ангелов из кованого золота
ведь не из пуха же птичьего
свитых
Потом уже только метель штукатурки
как семена одуванчиков
Если смотреть снизу — млечный путь
идуций прямо
по своду
в животворную бесконечность

Только для стоп крылатых
а не земных
полнокровных ладоней
которые тяжким трудом
безопасно вывели
все эти святые пятки, уста поющие
одежды пенные, бороды вьющиеся
(правда из красок а не из глины) —
в высокую даль — в небеса

Рим, апрель 2010

Нелетающие птицы

Посмотри: я стою у подножья леса
Игла ели длиннее моей памяти
которую ночью я увела из плача
эта странница бодрая
вместе с живицей крови моей
бежит много лет
к самому солнцу мозга

то в мою

то в твою сторону

Посмотри: набрала я всю реку
в ладони
чтоб вытереть ею лицо
словно она — моря платок
солёный —
каждый мой грех

уносит в пространство вне жизни

и время вне времени

Когда в пути

в тумане в снегу

бьющем в мои и твои

часы и минуты (их звон беззвучен)

ты вопрошаешь —

кого вопрошаешь?

суждено ли нам — нелетающим птицам

с седыми головами

поймать ещё раз

хоть глоток сладкого воздуха

для наших сердец?

Познань, февраль 2011

В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Бренность бытия и попытка заглянуть за занавес экзистенции — один из главных мотивов поэзии Богуславы Лятавец, дебютировавшей в 1965 г. романом «Вскрываются реки». Первую книгу стихов она опубликовала пятью годами позже, а несколько лет назад вышел ее сборник «Открытки». О многозначности заглавия поэт пишет на обложке книги: это широко распространенное некогда название почтовой карточки, но в то же время — «открытие, раскрытие, снятие покрова тайны» — такое, какое возможно лишь на поэтическом языке — языке метафор. Метафорой Лятавец пользуется весьма уверенно, предлагая читателю, адресату своих открыток, то «траву времени», то «валежник букв», то «пламя слова» или «камень безумия». И уже не удивляет, что в стихотворении «Леса имеют уши, поля имеют очи», написанном «по Босху», в нашем мире появляются странные создания:

У волосатых, палевых, пугливых

вместо треска хвоста

играют наши гласные в слуховых мембранах.

Гласные играют в контексте согласных, создающих «треск хвоста»: они — наши в «их» — этих созданий — конечных слогах. Но и мы можем быть такими созданиями, если сумеем увидеть себя так, как это оказалось возможным в стихотворении «Тракт»: «два вырванных из земли / костра крови». В этой метафоре сосредоточена чуть ли не космическая энергия. Нечто подобное происходит и в другом, таинственном признании из «Седьмой волны»:

Искаленным пальцем

с каплей ещё тёплой крови

я убила на оконном стекле Полярную Звезду —

рыбу с серебряной головой.

Ничего удивительного, что в следующем стихотворении — «Придорожный камень» — Лятавец пытается (в который раз в нашей новейшей поэзии?) поговорить с камнем: «Мы смотрим друг другу прямо / в запертые сердца и тяжёлые взгляды». Мы оказываемся в мире, многократно умноженном проекциями воображения и столкновением космического пространства с концентрированной силой полевого камня. При этом возникающие в отдельных стихах аллитерационные игры (когда речь идет о созданных «волосатых, палевых, пугливых») подчеркивают музыкальность восприятия: «Всегда я в звуке (больше звук чем буква): / гонюсь за ритмом открытий и закрытий» — открытия и закрытия экзистенции, в которую, как в цикле, давшем название всей книге, врывается ритм истории: «Отцовское наследство я разделила много лет назад: / его книги: / те что заживо не сгорели в тридцать девятом» («Отцовское, материнское, моё»). Тридцать девятый — не только год начала Второй Мировой войны, но и год рождения автора.

Последняя книга стихотворений Богуславы Лятавец — «Если бы время было землёй» — возможно, больше, чем прежние, сосредоточена на познании ближайшего, интимного пространства — берегов реки Варты и Познани — города, с которым поэтесса связала свою жизнь. Обращает на себя внимание то, что она часто использует второе лицо единственного числа: эти стихи читаются как письма, адресованные конкретному адресату, как можно предположить, мужу поэтессы — поэту и литературоведу Эдварду Бальцежану. Рядом с ним она вспоминает в стихотворении «Птицы Варты» — «наш Первый Берег» над рекой, текущей вспять «до самого истока / до огня-первопричины / где буквы первые земли / превратили её некогда глухую и немую / в живой голос солнца». Героиня этих стихов «запуталась в минувшем», но в то же время остается зорким наблюдателем происходящих перемен, как в стихотворении «Ф 16», где описаны вызывающие «воплъ воздуха» полеты дислоцированных поблизости американских истребителей.

Работа памяти происходит неустанно, жизнь записывается в виде палимпсеста, где минувшее просвечивает сквозь происходящее ныне: «память — не стена казни / а пульс бьющий в курантах» («Площадь Свободы»). Эти стихи, как правило точно датированные, складываются в своего рода лирический дневник, коллекцию наблюдений и связанных с ними переживаний, благодаря которым, как в «Кремне из

Кременца» можно заметить «летучую, всю из полёта» жизнь
Юлиуша Словацкого, который камнем

метко запустил в центр

костра розы

в жар травы подожжённой

Это лирическое определение творчества Словацкого — а он один из важнейших патронов творчества Лятавец — поражает своей точностью и в то же время бросает вызов всем попыткам сциентистского понимания поэзии. Ибо поэзия, как мы читаем в заключительном стихотворении сборника, — это попытка прийти к себе и опередить время.

Особого внимания заслуживает переизданный недавно роман «Темная комната», впервые выпущенный в подпольном издательстве во время военного положения. Историческое пространство книги простирается до лет оккупации — но не по принципу частого и довольно механического сопоставления военных и современных реалий: просто сознание героини-рассказчицы начало формироваться именно в то время. Ее жизнь — непостижимое целое, до конца не проясненное: события накладываются одно на другое в каком-то внелогическом, но при этом закономерном порядке: «Когда подумаю хорошенько, осмыслю свою биографию фрагмент за фрагментом, я прихожу к выводу, что не только случай выстроил меня, не только попадание вслепую, но хуже того — меня, отдельной, как камешек, вынутый из кровоточащей, густой массы земли, вообще не существует». История этой «густой массы земли» слита с временем рассказчика — конкретного и при этом абстрактного, индивидуального и обобщенного одновременно. Через какое-то время смешиваются разные планы бытия: «Как факты биографии живут десятилетия спустя? Ведь уже нет никакой разницы между мечтами и правдой. И то и другое — только мираж, кинолента, проявленная в залитой красным светом темной комнате мозга».

Быть собой, приходить в себя, находить себя в хаосе событий — то же, что быть для других и через других. В этом конкретном случае: ради работы, ради учеников — ведь героиня и писательница, и учительница. Ответственность за то, что ты делаешь, — это ответственность за других и перед другими. Ключевая сцена романа, когда рассказчица случайно попадает в темную комнату, где ученики проявляют фотографии тех, кто их преследовал, открывает серию вопросов без ответа: «Что

делать с нежелательным знанием, с чувством ответственности за судьбы детей, которые, впрочем — дети ли уже (семнадцать лет)? Где порог взросления? Как его обозначить? Играют они в подпольщиков или уже ими стали?»

В мир военного положения вводит цитата из Норвида: «В сенях хрустели макинтоши» — до сих пор не знаю, как тогда, 13 декабря, снилась мне эта строка: то ли снились слова Норвида, то ли только их пространство». Уже это первое предложение книги Лятавец приоткрывает сложность нарративной структуры, соединяя ритм поэтического чувства с реальностью календарного времени: необъятное пространство поэтического слова «втискивается» в момент прозы жизни. Практические дела — необходимость принять конкретные профессиональные решения — коренятся в неуловимой материи бытия. Неким удивительным образом это напоминает утверждения современной физики, которая отнюдь не отрицает предмета своих исследований, но не останавливается перед утверждением, что элементарные данные не существуют. Этот тезис касается материи. В прозе Лятавец, имеющей черты дневника, элементарные данные найти можно: они принадлежат к сфере этики — они неуловимы, однако лишь на них «надстраивается» ткань бытия, материальной, событийной экзистенции. Поэтическое «связующее вещество» бытия обуславливает то, что особенное становится и личным: мы имеем дело с неустанным преобразованием «измеримой» прозы жизни в неуловимую поэзию существования. Именно в этом преобразении раскрывается смысл совершаемого человеком выбора.

В драматические моменты истории выбор приговаривает человека к изгнанию — как учительницу из «Темной комнаты», которая, будучи выставлена из школы, где преподавала, вынуждена отправиться в «ссылку» в «ремеслуху». Теперь она знает: «Я буду выходить на конечной остановке «семерки», на трамвайном круге (...). Внезапное беспокойство. Сколько еще таких кругов, таких мест, живущих собственным ритмом, которые когда-нибудь станут моими местами? На каких путях, когда я до них доберусь? Неоткрытые острова. Богатство, которое ждет меня, чтоб я завладела им, приняла его». И вот оказывается, что можно к изгнанию отнести как к странствию, к обогащению опыта. Места таковы, какими мы их делаем сами. Они наполняют пространство биографий и сами наполнены биографиями. Обо всем этом и говорит книга, прежде всего об этом — но также (в реалиях военного положения) о том, что даже в самую неблагоприятную систему возможно вписать структуры того,

что социологи и политологи называют гражданским обществом.

ПЕТЕРБУРГ В БИОГРАФИИ ЮЗЕФА ЧАПСКОГО: ФАКТЫ И УМОЛЧАНИЯ

Петербургский период жизни известного польского художника и писателя Юзефа Чапского (1896–1993) до сих пор описан лишь по биографической прозе самого Чапского и его сестры Марии^[1]. Автор первых мемуаров о катынском преступлении^[2], польский военнопленный и узник Старобельского лагеря, — сегодня Чапский известен в России прежде всего как адресат стихотворения Анны Ахматовой «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» (1959, цикл «Ташкентские тетради»).

Судя по фрагментарности и лаконичности описания своего отрочества и юности в Петербурге–Петрограде, Юзеф Чапский никогда не был «ревнивым хранителем точных фактов»^[3], редко фиксировал даты своей биографии и не питал интереса к генеалогии. Вслед за Норвидом он повторял: «Pisać można tylko procent od życia i czynów»^[4]. Из мемуарных текстов нам доступна лишь общая канва первого двадцатилетия его жизни, упоминания некоторых имен и весьма малочисленные эпизоды, описанные в нескольких эссе^[5], связанные, как правило, с духовными переживаниями или с прочитанным.

Из мемуаров известно, что в начале 1910-х Юзефа и его младшего брата Станислава отправили на учебу в Петербург под опекой их учителя Вацлава Ивановского. Юзеф и Стас учились в 12-й петербургской гимназии; после ее окончания Юзеф поступил на юридический факультет Петроградского университета, но вскоре был призван в армию. Перед отправкой на фронт он окончил ускоренные офицерские курсы при Пажеском корпусе. Затем в мемуарах упоминается удивительный эпизод первой половины 1918 года — несколько месяцев жизни Юзефа Чапского и его старших сестер Марии и Каролины в «скрытом в золотой мгле»^[6] революционном Петрограде. Здесь сослуживец Чапского по 1-му Польскому корпусу Антоний Марыльский основал религиозно-пацифистскую коммуну толстовского типа. Наконец последний эпизод петроградской биографии Чапского — его тайный приезд в город в ноябре 1918 г. для выяснения судьбы

пропавших на севере большевицкой России пятерых однополчан из 1-го полка креховецких уланов. Это свое пребывание в Петрограде Чапский многократно описал, рассказывая о знакомстве с Мережковскими и Философовым.

Архивные изыскания биографических сведений о Чапском в Петербурге начались в 1996 г., в период подготовки выставки к его 100-летию «Wnętrze. Józef Czapski. W stulecie urodzin» («Интерьеры. Юзеф Чапский: к столетию со дня рождения») в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме^[7]. С тех пор удалось найти некоторые материалы самого Юзефа Чапского, а также его деда Эммериха Чапского (1828–1896); его отца Георгия (Ежи) Чапского (1861–1930); дяди, точнее двоюродного деда по бабушке, матери отца, Александра Феликсовича Мейендорфа (1869–1964), депутата III и IV Государственной думы; его младшего брата Станислава (1898–1959) и двоюродных братьев, сыновей его дяди, Карла Александра Чапского (1860–1904), — Эммериха (1897–1979) и Войцеха (1899–1916). Как и следовало ожидать, наиболее трудными для архивных поисков и наименее представленными в документах оказались петроградские эпизоды 1918–1919 годов.

Найденные в российских архивах документы Юзефа Чапского и его родственников позволяют уточнить отдельные даты в его биографии и дают более детальное представление о периоде его учебы в Петербурге–Петрограде в 1912–1917 гг.

И в жизни, и в своих биографических текстах Юзеф Чапский избегал упоминаний о своем аристократическом происхождении. В петербургских архивах Юзеф Чапский именуется «Иосифом Георгиевичем, графом Гуттен-Чапским». В фонде Департамента герольдии Российского государственного исторического архива хранится его первое личное дело 1898 года: о его «сопричислении к графскому достоинству» отца, графа Георгия Эммериковича Захарьевича Николаевича Севериновича Гуттен-Чапского и герба Leliva «со внесением в пятую часть родословной книги дворян Минской губернии»^[8].

В копиях свидетельства о крещении^[9] на немецком и русском языках, хранящихся в этом деле, указана дата рождения Юзефа Чапского в Праге — 2 апреля 1896. Дата его крещения по римско-католическому обряду — 4 апреля 1896. Между тем, во всех опубликованных биографиях Чапского датой его рождения считается 3 апреля 1896.

За исключением российских документов 1897–1917 гг., позднее нигде не упоминается полное имя Юзефа Чапского, первый раз указанное в копии свидетельства о крещении: Иосиф Эммерих Игнатий Антон Франц де-Паула Мария. Первую часть (приставку) фамилии — Гуттен, полное имя и графский титул с именованьем родового герба Юзеф Чапский с 1918 г. не использовал.

В Российской Империи принадлежность к польской аристократии, а также семейная традиция и статус деда, графа Эммериха Захария Николая Северина Карловича Гуттен-Чапского, предопределяли его внукам необходимость получить юридическое образование в столице, независимо от их пожеланий и склонностей. «Когда меня вместе со Стасем решили выслать на учебу, мы захотели ехать во Львов, там был у нас кузен, Франусь Чапский, он учился во Львове, — вспоминал Юзеф Чапский. — Очень нам хотелось попасть в Польшу, но об этом нельзя было и заикнуться: надо кончить обучение в России, получить диплом, стать мировым судьей или кем-то в этом роде. Дело для нас непонятное и вообще не нужное»^[10]. Карьера деда — Эммериха Гуттен-Чапского, умершего вскоре после рождения Юзефа, несмотря на успешность, не была для внука примером. Выпускник юридического факультета Московского Императорского университета, кандидат юридических наук (1851), в 35 лет он стал новгородским губернатором (1863–1864), в 37 — санкт-петербургским вице-губернатором (1865–1867) и вышел на пенсию (1879) с поста директора Лесного департамента в звании камергера.

Точная дата приезда в Петербург братьев Юзефа и Станислава Чапских пока не установлена. В ежегодном справочнике «Весь Санкт-Петербург на 1910 год»^[11] указано место проживания в Петербурге некоего Вацлава Вацлавича Ивановского, личного дворянина, по адресу: Невский проспект, 116. Возможно, это и был домашний учитель Чапских — Вацлав Ивановский. В 1911 г. Вацлав Ивановский проживал на Загородном проспекте, д.13^[12]. Однако первым своим петербургским адресом в гимназический период Чапский называет дом генерала Н.В.Бибикова на Троицкой улице (ныне ул. Рубинштейна, 36).

Архив Санкт-Петербургской мужской гимназии №12 не сохранился, корпус ее разрозненных документов рассеян в фонде канцелярии попечителя С. Петербургского учебного округа^[13]. Гимназия была образована в 1901 году. В годы учебы в ней Юзефа и Станислава Чапских она находилась во дворе дома №68/40 по Невскому проспекту, принадлежавшего в те годы

З.Н.Полежаевой (т.н. лопатинского, или Литературного дома). Вход в гимназию располагался во дворе дома №40 по набережной реки Фонтанки, у Аничкова моста. (Бывшее здание гимназии, несмотря на хорошую сохранность, было снесено в январе 2011 г. вместе с домом №68 по Невскому проспекту.)

В копии аттестата об окончании гимназии Юзефа Чапского, обнаруженной в его личном студенческом деле^[14], указана дата поступления в гимназию — 18 августа 1912^[15], сразу в шестой, последний из низших гимназических классов. В это время директором гимназии был действительный статский советник К.А.Иванов. С января 1914 г. пост директора занял исполняющий обязанности инспектора математик К.Б.Пенионжкевич. Гимназия №12 была правительственной (в то время в Петербурге было несколько частных гимназий). Юзеф Чапский был «своекоштным» учащимся: его образование оплачивали родители, год обучения стоил 75 рублей.

«В Петербурге у меня появились первые проблески интеллектуальных увлечений, благодаря гимназии я открыл русскую литературу, именно русскую, не польскую, и первые сильные переживания были в основном русскими», — писал Чапский^[16]. «Помню самое значительное событие своей юности. В России выходил такой невероятно популярный журнал “Нива”, и к нему каждый год печатались сорок томов литературного приложения, которые по абонементу высылались почтой. На Рождество я получил в подарок от отца сорок томов Жюль Верна! Ощущаю и сейчас, что это было за богатство. Не скажу, чтобы Жюль Верн так уж меня волновал, главное было в том, что я стал владельцем этих томов. И тут начинается моя личная жизнь, отдельная от прочих»^[17].

Юзеф Чапский вспоминает о доме, в котором он тогда жил: «Я учился в двенадцатой гимназии на Фонтанке, а жили мы на Троицкой, в доме, который был когда-то собственностью Бибикова, кажется, бывшего варшавского генерал-губернатора»^[18]. Однако через полтора года братья Чапские со своим учителем переселились за город, в Царское Село. Именно здесь ученик 7 класса 12-й гимназии Юзеф Чапский 24 апреля 1914 г. встал на воинский учет и был «приписан по отбыванию воинской повинности к Первому участку Царскосельского уезда»^[19].

В 12-й классической гимназии было по два класса в параллели, по двадцать человек в каждом классе. Учителями Юзефа Чапского были: А.А.Виноградов (русский язык), К.Б.Пенионжкевич и П.П.Кусков (математика), Н.И.Адамович

(физика), М.Н.Куфаев и А.И.Савицкий (латинский язык), А.П.Нечаев (география, история), Е.В.Шмеллинг и В.В.Гиппиус (немецкий язык), А.Л.Моаньяр, А.Н.Новикова и Л.А.Эдель (французский язык), штабс-капитан М.В.Колобов (гимнастика) и другие. Рисование преподавалось в гимназиях до третьего класса и затем факультативно, за отдельную плату, по просьбе родителей гимназистов.

В сохранившейся копии аттестата №610 Юзефа Чапского занятия рисованием в гимназии не отмечены. Напротив, в нем указаны «отличные успехи, в особенности же в физико-математических науках»^[20]. Чапский закончил гимназию 28 апреля 1915 г. «при отличном поведении», с оценками «пять» по всем предметам. Из копии его аттестата: «...обнаружил нижеследующие познания: в Законе Божием /5/ пять. Русский язык с церковно-славянским и словесности /5/ пять. Математике /5/ пять. В Физике /5/ пять. Математической географии /5/ пять. Истории /5/ пять. Географии /5/ пять. Фр[анцузском] яз[ыке] /5/ пять. Немецком яз[ыке] /5/ пять. Законоведении /5/ пять»^[21]. За свои успехи и прилежание Педагогический совет гимназии наградил Чапского золотой медалью^[22], что давало ему право поступать в Петроградский Императорский университет без экзаменов.

17 июня 1915 г., после уплаты «двадцати пяти рублей в пользу университета», граф Иосиф Гуттен-Чапский был зачислен студентом 1-го курса юридического факультета Петроградского Императорского университета^[23]. Двоюродные братья Юзефа и Станислава, графы Эммерих и Войцех Гуттен-Чапские, дети их родного дяди, старшего брата отца – Александра Гуттен-Чапского, городского головы Минска, в это же время поступили в Императорское училище правоведения^[24].

В студенческие годы (1915–1916) местом своего проживания Юзеф Чапский указывает: «Царское Село, Безымянный переулок, дом 7, квартира 17»^[25]; он также периодически жил в доме своего дяди Александра Мейендорфа в Озерном переулке, 12.

Юридический факультет в те годы располагался в главном корпусе университета — здании Двенадцати коллегий. За два семестра 1915/1916 учебного года Юзеф Чапский прослушал курсы «Энциклопедия права», «История римского права», «История русского права», «Политическая экономия», «Государственный учет (общий учет)», «Статистика». В апреле 1916 г. Чапскому были выставлены оценки «весьма» за

политическую экономию и статистику^[26]. «Весьма» – сокращенный вариант высшей из трех возможных студенческих оценок: «весьма удовлетворительно».

В это время в университете постоянно шли отчисления на нужды войны. Студенты делали отчисления на строительство этапного лазарета имени Петроградских высших учебных заведений и лазарета Министерства народного просвещения. Лазареты были устроены в Актовом зале университета, в здании студенческой столовой и в здании Коллегии императора Александра II^[27]. В 1915 г. студентам еще давали отсрочку от исполнения обязательной воинской повинности на всё время обучения в университете. Однако 31 января 1916 г. постановление Совета Министров отменило студенческие отсрочки. При этом лица, ушедшие на фронт со студенческой скамьи и окончившие ускоренные офицерские курсы, могли увольняться в запас после трех месяцев службы в офицерском звании^[28].

В августе 1916 г. Юзеф Чапский должен был быть призванным в действующую армию. 26 мая 1916 г. он обратился к ректору Э.Д.Гримму с просьбой об увольнении из университета в связи с поступлением в Пажеский корпус на ускоренные офицерские курсы^[29].

«Отец сделал всё, чтобы я не попал в армию, — вспоминал Чапский. — О войне я думал с ужасом, потому что знал: нельзя тронуть даже муху. Я учился год в университете, ничему там не научился, сдал какие-то экзамены и тут же оказался в Корпусе. Я был убежден, что в армии мне не бывать. Потому что легкие у меня были слабые, и мне достаточно было выйти из дому без калош, чтобы подцепить воспаление легких. Я был убежден, что расхвораюсь. Но оказалось, что не только не расхворался, но совершенно выздоровел»^[30].

Чтобы попасть в уланский полк, Юзеф Чапский выбрал ускоренные курсы офицера кавалерии, которые он закончил 13 февраля 1917.

Таким образом, мы можем систематизировать и впервые представить дополненные сведения об этом этапе жизни нашего героя (даты приводятся по старому стилю):

Иосиф Эммерих Игнатий Антон Франц де-Паула Мария Георгиевич, граф Гуттен-Чапский, родился в Праге 2 апреля 1896. 18 августа 1912 поступил в 12 ю Санкт-Петербургскую гимназию и 28 апреля 1915 окончил полный ее курс с золотой медалью. 17 июня 1915

поступил на юридический факультет Петроградского Императорского университета, окончил 1-й курс, отчислен 31 мая 1916 в связи с призывом на военную службу. Состоял на учете по воинской повинности в 1-м участке Царскосельского уезда с 25 апреля 1914 до 31 мая 1916. С 1 июня 1916 по 13 февраля 1917 обучался на ускоренных офицерских курсах в Пажеском Его Императорского Величества корпусе.

В 1912–1917 в Петербурге–Петрограде проживал по следующим адресам: ул. Троицкая, 36 (Рубинштейна, 36), Озерной пер., 12; в Царском Селе – по адресу: Безымянный пер., 7, кв.17 (дом не сохранился).

Попав в советский плен в районе Львова в сентябре 1939 г., на допросах следователей НКВД ротмистр Юзеф Чапский предпочел умолчать об этих фактах своей биографии. Вот как он вспоминает о допросах в документальной повести «На бесчеловечной земле»:

«Лично меня на допросах особенно не мучили. Ни физически, ни даже морально. Длившиеся по несколько часов допросы, в основном поздним вечером, были не лишены своеобразного юмора (впрочем, так я смотрю на это сейчас, но тогда я знал, что от одного моего неосторожного слова, от перемены настроения у дознавателя зависит моя судьба). Допрос вели трое (...). Я им сказал, что в течение восьми лет жил в Париже как художник. Им это показалось весьма подозрительным.

— Какие указания вы получили от министра?

— Он понятия не имел, что я уезжаю.

— А что вам поручил заместитель министра?

— Он тоже не знал о моем отъезде, – поясняю, – ведь я выезжал как художник, не как шпион.

— Думаете, мы не понимаем, что вы как художник могли нарисовать план Парижа и переслать его министру в Варшаву?..

Я никак не мог втолковать моим собеседникам, что план Парижа можно купить там за сорок сантимов на каждом перекрестке и что польские художники, которые посещали Париж, не были шпионами, рисующими тайные планы. Из них так никто и не

поверил, что можно выезжать за границу, не имея шпионского задания»^[31].

В Центре хранения историко-документальных коллекций (Москва) историк Н.С.Лебедева нашла такой вариант биографической справки Юзефа Чапского:

Сов. секретно

СПРАВКА

на военнопленного ротмистра запаса бывшей польской армии

ЧАПСКОГО Ю. Г.

ЧАПСКИЙ Юзеф Георгиевич, 1896 г. рождения, по национальности поляк, к политическим партиям в прошлом не принадлежал. Уроженец гор. Прага (Чехословакия), происходящий из семьи графа, отец собственности не имел — был в гор. Варшава адвокатом. Образование высшее. В 1924 году окончил художественную академию в гор. Кракове, по специальности художник-живописец. С 1924 по 1931 год проживал во Франции в Париже, работал художником в своем ателье. В 1920-21 годах служил в польской армии в 1 уланском полку в чине подпоручика. За боевые действия против Красной Армии польским правительством награжден высшей наградой — крестом «Виртути Милитари» и крестом «За храбрость». В лагере Чапский проявляет себя ярким польским националистом и сторонником восстановления Польши. По отношению к Советскому Союзу настроен враждебно. Когда администрация Старобельского лагеря намеревалась Чапского использовать как художника, последний отказался и среди военнопленных высказался, что «не считаю возможным для себя сотрудничать в такой работе, после того как СССР вбил нож в плечи Польши во время войны ее с Германией». В армию мобилизован 3/IX-39 г. и определен в 8-й кавалерийский полк в гор. Кракове.

Нач[альник] ОО Грязовецкого лагеря НКВД

Ст. лейтенант гос. безопасности подпись (Эйльман)^[32]

Если бы Чапский в анкетных данных указывал проживание в Петербурге, окончание петербургской гимназии, учебу в Петроградском университете и Пажеском корпусе, его статус был бы мгновенно переквалифицирован. Из польского военнопленного он в анкетах НКВД превратился бы в «польского шпиона и врага народа», а в графе «гражданство» скорее всего стояло бы «бывш[ее] польск[ое]» или просто «СССР». И никакой запрос германского посольства не помог бы его спасению ни в Старобельском, ни в Грязовецком лагере НКВД. В январе 1940 г. с просьбой о содействии в освобождении Чапского к дипломатам Третьего Рейха в Риме обратились граф Фердинанд де Кастель и графиня Палецкая^[33]. К этому времени германский МИД сформулировал, что уроженцы территории, отошедшей к Германии, подпадают под юрисдикцию Третьего Рейха и он может выступать в защиту их интересов. К февралю 1941 г. германская сторона направила уже 1200 запросов в НКВД СССР относительно военнопленных польской армии — офицеров и рядовых^[34].

Юзеф Чапский в условиях советского плена интерпретирует свою биографию, исходя из здравого смысла и собственного лагерного опыта. И его вынужденные умолчания в очередной раз призывают

нас критически относиться к гулаговским источникам.

-
1. Главным образом, в: Józef Czapski. *Na nieludzkiej ziemi* (1949); *Wyrwane strony* (1993); Maria Czapska. *Europa w rodzinie, Czas odmieniony*
 2. *Wspomnienia starobielskie* (Рим, 1944), *Na nieludzkiej ziemi* (Париж, 1949).
 3. Цит. по: Юзеф Чапский. Об Анне Ахматовой. //Человек и место. Юзеф Чапский. К 100-летию со дня рождения (Каталог выставки на русском языке). Краков, 1996. Пер. С.Свяцкого. Józef Czapski. *Wyrwane strony*. // *Kultura*. 1968. №4.
 4. Циприан Камиль Норвид: «Описывать можно лишь часть жизни и поступков». Из письма Норвида к Марии Трембицкой 29 июля 1857 года. Цит. по: С.Norwid. *Pisma wszystkie*. Т.8. Warszawa, 1971. С. 314.
 5. Например, J.Czapski. *Jak żyć?* // *Kultura*. 1983. №5; J.Czapski. *Dorożkarz i koń* // *Zeszyty Literackie*. 1989. №26, и др.
 6. Józef Czapski. *Wyrwane strony*. Paryż, 1983. С. 211. Парафраз строки из стихотворения Леопольда Стаффа.

7. Выставка «Человек и место. Юзеф Чапский. К 100-летию со дня рождения». 12 ноября — 15 декабря 1996, Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Подготовлена Национальным музеем в Кракове, Музеем Анны Ахматовой, польским Генеральным консульством в Санкт-Петербурге и Научно-информационным центром «Мемориал». См.: Tatiana Kosinowa. Czapski w Sankt-Petersburgu. // Zeszyty Literackie. 1997. №58, S.197-169.
8. РГИА, ф.1343, оп.46. д.1160. лл. 2, 8 об.
9. Там же, лл.6 об. -7.
10. Józef Czapski. Wyrwane strony. Paris, 1983. С. 183-184. Пер. С.Свяцкого для выставки «Wnętrze. Jozef Czapski. W stulecie urodzin» (СПб., 1996).
11. Весь Санкт-Петербург на 1910 год. СПб.: А.С.Суворин, 1910.
12. Весь Санкт-Петербург на 1911 год. СПб.: А.С.Суворин, 1911.
13. ЦГИА СПб, ф.139.
14. ЦГИА СПб, ф.14, оп. 3, д.65743. Дело Императорского Петроградского его Императорского Величества университета 1915-1916 уч. года. Иосиф — Эммерих — Игнатий — Антон — Франц — де-Паула — Мария Георгиевич граф Гуттен-Чапский. 17 г. 34 листа.
15. Там же, л.4.
16. Józef Czapski. Указ. соч. Пер. С.Свяцкого. С.184.
17. Józef Czapski. Указ. соч. С.182.
18. Józef Czapski. Указ. соч. С. 184.
19. ЦГИА СПб, ф.14, оп.3, д.65743, л.11.
20. ЦГИА СПб., ф.14, оп.3, д.65743, л.4.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же, л. 1..
24. ЦГИА СПб. Ф.355. Оп.1. Д.4957. Л.Л.44, 47об.
25. ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Д.65743. Л.1 об.
26. ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Д.65743. Л.26 об.
27. Календарь для студентов всех высших учебных заведений на 1916-17 учебный год. Пг., 1916. С.222.
28. Там же. С.219.
29. ЦГИА СПб, ф.14, оп.3, д.65743, л.16 об.
30. Józef Czapski. Указ. соч. Пер. С.Свяцкого. С. 174.
31. Józef Czapski. Na nieludzkiej ziemi. Warszawa, 1990. С. 38. Пер. С.Свяцкого для выставки «Wnętrze. Jozef Czapski. W stulecie

urodzin» (СПб., 1996).

32. ЦХИДК, ф.1/п, оп.4е, д.13, л.260. См также: Lebediewa N. Jency polscy w obozach NKWD. Przypadek Jozefa Czapskiego // Zeszyty Literackie. 1995. №50. S.122-123.
33. Так фамилии приводятся в русском переводе. Цит. по: Madańczyk Cz. Dramat katynski. Warszawa, 1989. S.93-94.
34. Наталья Лебедева. Юзеф Чапский и его соотечественники в плену на «бесчеловечной земле» // Юзеф Чапский. Старобельские воспоминания. На бесчеловечной земле. М.: «Летний сад», 2012 (в печати).

«МАГИСТР ДЕЛОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ» В ПОЛЬШЕ

Беседа с руководителем курсов MBA (Master of Business Administration), профессором Дариушем Зажецким, заведующим кафедры инвестиций и оценки предприятий Института экономики и организации предприятий при факультете экономических наук и управления Щецинского университета

— MBA — это весьма престижное направление в обучении менеджеров...

— Наши курсы позволяют овладеть основополагающими принципами, методами и практическими указаниями, дающими возможность осуществлять профессиональное управление организациями. Они предназначены для лиц, занимающих на предприятиях руководящие должности, но не всегда получивших экономическое образование.

В начале 1960-х обучению в области управления приходилось преодолевать определенные трудности, когда оно боролась за свое признание университетами. Идея преподавать методы управления как отдельную специализацию родилась в Америке, а в шестидесятых ее перенесли в Великобританию. В то время менеджерское образование базировалось на университетских программах. Ученые и научные работники подчеркивали важность чистых исследований, и программы по предметам относились к уже существующим областям, таким как статистика, бухгалтерский учет и экономика.

На первых порах академические круги были глухи к мнению бизнесменов, которые от слушателей курсов управления ожидали умения внедрять инновации, легкости общения и лидерских способностей. Лишь в конце 1970-х звание MBA (магистра делового администрирования) было признано академической степенью. В Великобритании и США многие университеты учредили факультеты управления, а число учебных курсов, дающих звание MBA, росло в головокружительном темпе. В 1965 г. в Великобритании

существовали только два факультета управления (в Лондоне и Манчестере), теперь их свыше ста. В начале 60-х в США курс управления кончалось за год пять тысяч студентов, тогда как в 90-е число выпускников по специальности MBA приблизилось к 80 тысячам.

— А как всё это выглядит в Польше?

— В нашей стране заинтересованность такого рода последипломным обучением с каждым годом динамично растет. Диплом MBA стал своеобразным пропуском для дальнейшей карьеры, успеха и высоких заработков. MBA дает выпускникам фундаментальное менеджерское образование, превосходное положение на рынке труда, шансы на успех, на престижную должность и достойную заработную плату.

Учебные курсы MBA Щецинского университета — это: интернационализация учебной программы, то есть научный, дидактический и менеджерский опыт, взятый из разных стран и культур; повышенная концентрация на модулях «Стратегическое управление» и «Управление финансами»; особенно широкая опора на польскую практику (многие из преподавателей ведут консалтинговую и экспертную деятельность, состоят членами наблюдательных советов в известных фирмах и финансовых учреждениях или привлекаются в них к постоянной работе); обмен опытом со студентами и выпускниками и бизнес-контакты.

Первые школы этого типа в Польше начали свою деятельность в 1990-е, сразу же после политических перемен. Наши курсы MBA были открыты в 1998 году. Но одни лишь приготовления к торжественному открытию первого потока продолжались три года.

Курсы нашего университета по программе MBA готовят менеджеров высокого класса, способных ответить на требования, которые несет с собой поступательное преобразование польской экономики, растущая конкуренция, а также всё более сильные хозяйственные и экономические связи с Евросоюзом. Это кадры, полностью приспособленные к нуждам управления бизнесом в эпоху информационного общества, глобализации хозяйственно-экономических процессов и коммуникаций, а также взаимодействия на международном рынке.

Преобразования, идущие на польских предприятиях, часто проходят гораздо быстрее в сфере внедрения новых технологий, чем в установке современных систем управления.

Хотя наши менеджеры способны превосходно усваивать современную организационную мысль, представленную в новейших учебниках, но при столкновениях с западноевропейскими специалистами они по-прежнему чувствуют себя неуютно. Дело в том, что нашим управленцам не хватает возможностей проверять имеющиеся у них знания, сопоставлять их с трендами в сфере управления бизнесом, соответствующими новым временам. А ведь это один из основных факторов, создающих столь необходимую в бизнесе уверенность современного менеджера в своих действиях. Программа курсов MBA ориентирована на практическую проверку менеджерских знаний и умений, а также на необходимость высоко ставить упомянутые ценности в практике управления.

Возможность запуска в Щецине первых последипломных курсов по программе класса MBA появилась в тот момент, когда квалификационной комиссией Евросоюза был одобрен Joint European Project (Объединенный европейский проект) и на его осуществление были выделены средства из фондов системы PHARE («Содействие реструктуризации экономики государств Центральной и Восточной Европы»). Программа этих курсов была разработана в 1995 г. сотрудниками тогдашнего экономического факультета Щецинского университета (сегодня это факультет экономических наук и управления). Здесь нужно подчеркнуть, что решающим образом на выбор щецинской программы MBA повлияли предшествующие достижения нашего университета в осуществлении других совместных европейских проектов, финансировавшихся из средств ЕС, а также наша опытность в сотрудничестве с зарубежными и отечественными партнерами.

В результате более чем трехлетнего сотрудничества с иностранными партнерами: университетами в Лестере, Манчестере, Пассау и Афинах, — а также с отечественными учебными заведениями: тогдашней Зеленогурским и Кошалинским политехническими институтами — была разработана программа обучения на уровне MBA, согласующаяся с европейскими стандартами. Надзор за программным содержанием осуществляли зарубежные партнеры из тех центров, где разрабатывались конкретные программные модули. Однако практически наши курсы MBA начали свою деятельность лишь в 1998 году.

— Сколько в Польше школ MBA и где они находятся?

— Поскольку в Польше не было двухступенчатой системы обучения: бакалавриата и магистратуры, — а была только

полная магистратура, то слово «последипломное» означало у нас нечто совсем иное, нежели в других странах. Там «последипломное» означало «послебакалаврское», другими словами «магистерское». В наших условиях последипломное обучение означало обучение послемагистерское. В итоге у нас всё сложилось таким образом, что мы, совершенно не осознавая этого, поставили планку значительно выше. Спустя несколько лет оказались, что наши коллеги из двух частных высших учебных заведений в Лондоне хотели просить нас об авторизации своей программы MBA. Мы испытали большое удовлетворение.

На сегодняшний день таких полных программ, точнее сказать, курсов MBA в Польше существует около сорока. Несколько из них можно признать передовыми, ведущими программами. Главным образом, это программы варшавских вузов, таких как Варшавский политехнический, Главное торговое училище или Варшавский университет. Это действительно хорошие программы. Я сам имел возможность какое-то время преподавать в Варшавском политехническом. Они располагают по-настоящему сильными партнерами, в том числе и из международных фирм. Разумеется, их статус как столичных учебных заведений открывает перед ними много дополнительных возможностей.

Наша программа тоже очень хорошая. У нас занимается много студентов как из нашей страны, так и из-за границы. По сравнению с первыми годами рынок стал теперь решительно более конкурентным и требовательным. На первый поток мы приняли несколько десятков студентов. Сегодня у нас занимается в группе около 12-18 человек, что дает всем учащимся гораздо больше возможностей для непосредственного контакта с преподавателями.

Учеба у нас довольно дорогая. Щецинские курсы MBA стоят 24 тыс. злотых [примерно 6 тыс. евро] за всю двухлетнюю программу. В других вузах, особенно в США и Западной Европе, их цена выше, причем даже в несколько раз, и часто превышает сто тысяч злотых. Эти деньги, однако, рассматриваются как инвестиция в будущее. Фирмы, принимающие на работу выпускников со степенью MBA, знают, что эти люди обладают высоким уровнем знаний и отлично разбираются в управлении бизнесом. Тем самым такого выпускника можно сразу же выпустить на глубокие воды и требовать от него многого. После наших курсов найти себе хорошую работу нетрудно. Всё зависит от уровня программы, которую предлагают те или иные курсы MBA.

— **Какие предметы изучаются на ваших курсах?**

— В нашей школе преподается более десятка предметов, называемых у нас модулями, такие как экономика бизнеса, управление операциями, количественные методы в экономике, маркетинг, формы организационного поведения, управленческий бухгалтерский учет, стратегическое управление, управление финансами, управление человеческими ресурсами, информационные системы в бизнесе, стратегические игры и экономическое право.

— **А академические кадры?..**

— Курсы ведут главным образом преподаватели Щецинского университета, но и приезжие из нашей страны и из-за рубежа. Если говорить об отечественных центрах, то занятия у нас ведут преподаватели из Лодзи, Вроцлава, Катовице, Варшавы, Кошалина. Среди заграничных преподавателей назову, в частности, таких, как проф. Стюарт Барретт, проф. Берни Ледбитер, проф. Беверли Стоун, проф. Генри Паловский, проф. Стивен Тейлор — все из Манчестерского университета, или проф. Клаудио Виньяли из Лидсского университета.

Польские преподаватели ведут занятия на польском языке. Зарубежные профессора читают лекции по-английски. Однако их тексты мы все-таки переводим на польский язык. Наша программа была запроектирована таким образом с самого начала. В дальнейшем это будет, однако, постепенно меняться. Сегодня значительная доля наших студентов уже владеет английским языком, и в конечном итоге мы планируем весь комплекс занятий вести по-английски.

— **Как оценивать уровень программ МВА?**

— Существуют различные рейтинги. Каждый из них обладает своими достоинствами и недостатками. На мой взгляд, рейтинги закрепляют существующие стереотипы. По определению, столичные программы оцениваются очень высоко. Наши места в рейтингах можно назвать хорошими. «Финансовая газета» дала нам в своем рейтинге шестое место, еженедельник «Впрост» — седьмое. Обычно мы располагаемся в головной группе и практически всегда значительно выше среднего уровня по стране.

Занятия у нас проходят по уик-эндам, обычно два раза в месяц. Наши студенты многое усваивают самостоятельно. На курсах предусматривается много самостоятельной работы. По каждому модулю необходимо получить зачет. Имеются разные

формы зачета того или иного модуля. Это зависит от лидера. Лишь после сдачи всех модулей пишется заключительная работа, которая представляет собой своего рода практический проект. Мы побуждаем наших студентов решать в нем их собственные проблемы — либо возникающие там, где они работают, либо связанных с их будущими профессиональными планами. Между прочим, маршал Западно-Поморского воеводства [глава местного парламента, или сеймика] — тоже наш студент. А среди выпускников, которых у нас уже насчитывается более полутысячи, фигурирует, в частности, министр здравоохранения.

— А студенты-иностранцы...

— Были и такие, хотя немного, из-за языкового барьера. У нас обучалось несколько человек из Германии, а также из других стран со всего мира: из Сирии, Ливана, Иордании, Италии, Болгарии. Мы приглашаем всех, кто знает польский язык, — следовательно, помимо поляков из нашей страны, это еще и представители Полонии, а также говорящие по-польски иностранцы. Мы думаем о расширении нашей программы путем включения в него такой тематики, как управление здравоохранением. Это обширная сфера, нуждающаяся в обустройстве, а в Польше — огромная практическая потребность. Продолжается также набор на очередной, уже 19-й поток наших курсов.

Беседу вел Лешек Вонтрубский

И КАК-ТО ТАК САМО ПОЛУЧИЛОСЬ

Зимой 1931 года берегом Свитези в сторону Новогрудка едут сани. В санях одиннадцатилетняя Лидия Львова, ее младший брат, отец и гостящая у них тетя Оня с мужем. Едут к друзьям в имение километров за двадцать. Взрослые поют русские студенческие песни и даже вдруг начали русский царский гимн. «А это написал мой дед», — слышит Лидия от отца. И это остается в памяти.

Мои родители были русскими, и я русская. Мой отец родился в Ровном, имении под Бобруйском, на бывших польских землях. Бабушка с дедушкой оставили всё и уехали из России во время Первой Мировой войны. Бабушка, конечно, хотела, чтобы отец тоже уехал в Польшу. В России бесновался большевизм, страшные дела творились. По линии отца у нас даже была польская кровь. В конце концов, мама, которая с Польшей вообще не имела ничего общего, заставила отца уехать. Отец выучился в Москве на агронома, а мама — на ботаника. Они познакомились на фронте, хотя отец не был военным. Как единственного сына в семье его не призвали в армию. Он был снабженцем. Очень быстро сделал маме предложение. Привез ее в имение Целевичи, где жила их семья. Хотя у мамы и был какой-то жених, она быстро с ним порвала и вышла замуж за отца. И вскоре, в ноябре 1920 года, родилась я. Мы жили тогда в Плесе, на Волге, к северу от Москвы. Уже в апреле следующего года родители приехали в Польшу и поселились в Новогрудке, тогда воеводском центре. Так что, хотя дома говорили по-русски и семья была православной, я всю жизнь провела в Польше. Может быть, поэтому я не слишком интересовалась тогда семейными историями, да и дома об этом не особенно говорили. Конечно, отец рассказывал о Москве, о студенческих годах. Когда приезжала его сестра, они, случалось, разговаривали по-французски. Вот и всё. Отец был социалистом, как вся русская интеллигенция, так что никогда, кроме того самого случая на санях, ни словом не вспоминал князя Львова, чью фамилию мы носим. Бабушка в восемнадцать лет окончила институт благородных девиц в Вильне, случайно встретила князя Львова, молодого офицера, тремя годами старше ее. Вскоре они поженились и поселились в Петербурге. Дед был картежником, бретером. Не помню, сколько у них было детей, но выжили двое — папа, младший, и

тетя, старше его года на три. Прадед очень заботился о бабушке, единственной дочери, потому что его жена и вторая дочь умерли, и уговорил ее развестись. Папе было десять лет, когда бабушка разошлась с князем Львовым. Прадед тут же повез ее в Италию, чтобы там она за год забыла о муже. Потом бабушка познакомилась со «вторым дедом». Он был немного младше ее. Они прожили вместе очень долго, счастливо, и бабушка была окружена заботой и достатком. Вместе они вырастили папу.

Когда в 1921 году семейство Львовых приехало в Польшу, отец Лидии стал учителем в русской гимназии в Новогрудке, потом агрономом и преподавателем сельскохозяйственной школы в пригороде и, наконец, с учетом его высокой квалификации, — уездным агрономом. Лидия ходила в государственную общеобразовательную школу, потом в школу монахинь-назаретянок, в 1930 году сдала экзамен в гимназию. Каникулы проводила на Виленщине, возле Нарочи, тогда самого большого польского озера.

В Новогрудке жило много русских, мама поначалу вообще не знала польского, но училась. У родителей быстро сложился круг общения. Отец как уездный агроном относился, наверное, к сливкам местного общества; у нас даже староста бывал. Люди тогда встречались, бывали на балах, ходили друг к другу в гости. Славно тогда жилось. Только с квартирами было трудно, потому что Новогрудок — небольшой город. Мы все время переезжали. Самое большее у нас было три комнаты, но преимущественно жили в двух. Это был спокойный, веселый интеллигентский дом. Мы говорили по-русски, с окружающими — по-польски, в церковь ходили два раза в году. Читалось всё, что было доступно. Когда мне было десять лет, отец записал меня в Новогрудке в библиотеку. Мне очень понравился фильм «Тарзан», на который меня сводили родители, и я тогда захотела прочитать все книги о Тарзане. Впрочем, я читала всё, что могло подойти для ребенка моего возраста. Мы жили в Новогрудке, сестра отца — в Варшаве, а дед с бабушкой кочевали по Польше. Дед был председателем Казенной палаты, сначала в Новогрудке, потом в Бресте и в Кельце. Когда он ушел на пенсию, еще работал как юрисконсульт на фабрике Дителя в Сосновце, так что они с бабушкой перебрались в Силезию.

Меня воспитывало харцерство, в Новогрудке я была даже звеньевой. Вместе с мальчишеской дружиной ездили в лагеря. Были в Залещиках на Висле, а от Вильны до Залещиков далеко. Ходили даже из Гуцульщины в Румынию. Ходили походами, ухаживали за могилами, в том числе немецкими, времен Первой Мировой войны, зажигали свечи. На уроках истории я узнавала, как цари поступали с Польшей. И все больше

чувствовала себя полькой. Случалось мне терпеть незаслуженные обиды на уроках польского языка: я иногда употребляла русизмы, а учительница ужасно этого не любила. Но все же дома мы всегда говорили по-русски. В 1935 году, после смерти Пилсудского, Польша начала меняться. Отец был откровенно православным, и вдруг неожиданно воевода велит ему сменить вероисповедание. Это было условием, чтобы он остался на должности уездного агронома. Так что отец по собственному желанию уволился и получил работу на Виленщине, но уже не уездного агронома, а районного. Я окончила пятый класс гимназии в Новогрудке, и в 1936 году мы переехали в Кобыльник под Нарочью, более чем в ста километрах от Вильны. Шестой, седьмой и восьмой класс я отучилась в гимназии с интернатом в Свентянах. Это была государственная школа имени Юзефа Пилсудского, вновь построенная, очень приятная. Я отстаивала свое православие, когда была в гимназии, батюшка приходил проводить уроки. Это была очень дружественная школа, все были друг с другом вежливы, добры, — поляки, литовцы, евреи, русские. На аттестат я сдала в 1938 году, и меня приняли на юридический факультет Университета им. Стефана Батория в Вильне. Я хотела идти на историю искусства, но дедушка противился, а кроме того, надо было пройти стажировку. Я только в университете увидела, каково отношение к евреям. В Свентянах о таком не слышали, этого не было, а в Вильне на юридическом я столкнулась с тем, что евреи не могли сидеть на скамейках, а должны были слушать лекции стоя. Но я и в университете вела себя, как в гимназии: разговаривала с еврейками, дружила. Однажды подходит ко мне однокурсник и говорит: «Если вы, коллега, будете с евреями разговаривать, то нам придется применить к вам такие же правила, как к евреям». В 1938 году Польша была удивительной страной. Впрочем, как русская, я лично не ощущала никаких притеснений. Благополучно окончила первый курс юридического, и почти сразу началась война.

В сентябре 1939 года Лидии еще не было девятнадцати лет. В Кобыльнице, не считая увеличившихся перевозок скота по узкоколейке, признаков войны не наблюдалось. Отец не был мобилизован. Первые немецкие отряды Лидия увидела в середине сентября. А вскоре в окрестностях появились и советские.

Брату еще не было шестнадцати, он подружился с одним, привел к нам на обед. Этот солдатик понимал, что он грязный, какой-то другой, и пробовал оправдаться. «Я не виноват, что я такой», — хныкал.

Советские сразу начали реорганизации, всё изменилось. Отец, конечно, потерял работу, но пока еще ничего не боялся, только в доме стало очень бедно, потому что у родителей в запасе денег не было. Иногда кто-то с нами чем-то делился, что-то давал с огорода, но начались грустные времена. Я решила, что должна зарабатывать. Поехала в Поставы, окончила там месячный педагогический курс. В Поставах были одни поляки, говорили по-польски, по-русски только уроки проводились. Проблема возникла лишь с Янеком, моей гимназической любовью. Он был сыном унтер-офицера, 120 процентным поляком. И когда узнал, что я иду на эти учительские курсы, перестал со мной разговаривать. Он считал, что я не должна идти, потому что как это я буду учить, что нет Бога? Мы расстались. Я ужасно переживала.

Первую должность я получила в пяти километрах от Кобыльника, в маленькой деревня Плетяша. Помню, как мерзла, стояла возле печки, дети были в пальто. Вела все предметы, а в субботу и воскресенье ходила в Кобыльник к родителям. Папа тоже начал работать в какой-то школе, брат еще учился, мама не работала.

Наступил 1940 год. Я уже учительствовала в другой деревне, в восемнадцати километрах от Кобыльника, и тоже пешком ходила домой. Теперь уже работала со старшими детьми, даже вела учительские курсы. Там было много шляхетских деревень, мелкой шляхты, хуторов. И мы собирались, все молодые, я их учила, мы давали представления по-русски, но говорили между собой по-польски.

Так и жили со дня на день, но всё чаще стали случаться высылки. Нам это тоже грозило. Отец хотел нас уберечь, полагал, что, если он исчезнет, семья будет в безопасности. Он поехал в Старую Вилейку и там работал как агроном. Забирали всё больше и больше, каждый об этом знал, каждый боялся, каждый был готов, но ничего нельзя было поделать. Забрали многих знакомых. Кобыльник менялся. Оставались евреи и те, у кого были свои дома. В конце концов отца тоже забрали в его Старой Вилейке, он прервал с нами связь, и мы не знали, что с ним происходит.

В июне 1941 года снова пришли немцы, все себя почувствовали немного уверенней. Мы с мамой решили выяснить, что с отцом. Пошли в Старую Вилейку. Пешком, отшагали восемьдесят километров. Немцы есть, отца нет, никаких известий нет, писем нет. Мы остановились у знакомой из Кобыльника, и она сказала, что отца сослали. Потом пришло

письмо. Отец попал аж за Урал, работал в лесах, разболелся, его перевели в колхоз. Выжил. Но всё равно оставался в ссылке.

Мы с мамой и братом уже не жили в прежней квартире, хозяйка приютила свою родню, и для нас не было места. Поселились в лесничестве. Лесничий, поляк, всех молодых собирал к себе, давал им какую-нибудь работу. Тогда немцы их на принудительные работы не забирали. В лесничество попал мой брат, которого устроили истопником, и мы с мамой тоже там как-то пристроились. Мама стала руководителем маленькой молочной фабрики в Кобыльнике. Во всяком случае, у нас было молоко, сметана — их давали вместо денег. А я работала учительницей, на этот раз в Купе, маленьком поселке возле Нарочи.

Прошел 1941 и 1942-й год. Жили в страхе. Да, фронта у нас никогда не было, Кобыльник лежал на отшибе, но появились советские партизаны. Время от времени советские забирали людей из окрестных деревень, из Кобыльника тоже. Но если не считать этого, все друг другу помогали, мы как-то управлялись. Это был маленький городок, все друг друга знали. Иногда можно было услышать разговоры о польских партизанах, но я с ними никогда не сталкивалась.

Ночью 15 августа 1943 года в Кобыльник входит партизанский отряд. Солдаты говорят по-русски. Приходят в лесничество. Будят всех, велют собираться, взять документы и ехать с ними. Лидии 23 года.

Я взяла документы. Взяла школьный аттестат, какую-то одежду. Они сказали, что забирают меня за сотрудничество с немцами. Я не понимала, в чем дело, все происходило очень быстро. Мама и брат помогали мне собраться, под прицелом, в спешке. Партизаны меня вывели, и мы пошли. Когда мы вышли на шоссе, где стояла повозка, они неожиданно начали говорить по-польски. Я уселась на телегу. К утру мы приехали в деревню на берегу Нарочи — там было полно солдат, костры, песни. Позавтракали, а потом на лодке переправились через Нарочь на лесистый берег. Там я просидела целый день. Сидела и смотрела, почти ни с кем не разговаривала. Под вечер мне завязали глаза, и мы поехали на базу польских партизан. Это было в лесу, над озером, не так далеко от берега. Они жили в палатках, в шалашах. Командовал Кмитиц, он был и в отряде, который забрал меня из дома. Как только я приехала, сразу встретила трех своих гимназических подруг. От них узнала, что это польские партизаны, отряд Кмитица. Я тогда, конечно, не понимала, что это за организация, только позже узнала, что

Кмитиц — это подпоручик Антоний Бужинский, а его отряд — это первые партизаны Армии Крайовой на Виленщине.

Меня определили на кухню, как и всех женщин, мы даже не были санитарками в отряде, а целый день готовили пищу. Парни уезжали, приезжали, а мы сидели на базе и готовили. Меня Кмитиц приблизил к себе. Когда он был в лагере, я должна была ему приносить еду. Вскоре после моего приезда отряд провел акцию в Жондзишках, километров за пятьдесят от базы, — там находилась немецкая часть. Парни разоружили немцев, привезли автоматы, боеприпасы. Возвращение отмечали с размахом. Стол, речи, флаги, много людей со стороны и гости от советских партизан, которые располагались за три километра от нас. Праздник.

Двумя неделями позже советские пригласили наше начальство, то есть Кмитица и командиров, на «pieregowory». Было 26 августа, утро. Я принесла Кмитицу завтрак, а он говорит: «Проводи меня до проселка». Сказал, что не с кем ему посоветоваться, говорить ли с Советами, идти туда или нет. Но все же поехали. Конечно, советские их тут же разоружили и задержали. К часу дня наша база была окружена советскими партизанами, и отряд был разоружен. Выступил какой-то комиссар, говорил, что никому ничего не будет, что останется по-прежнему польский отряд, даже под польским командованием, только что коммунистическим, и под советским верховенством. Потом нас построили в колонну по четыре и повели на нашу зимнюю базу, где были землянки. Мы были очень плотно окружены, стояли один возле другого, ничего нельзя было сделать без разрешения. Вдруг вижу, что из-за кольца, в которое нас замкнули советские, кто-то меня зовет. Это был учитель, белорус, всегда очень левый, я его знала еще до войны. И он говорит: «Ляля (это был мой псевдоним, но так ко мне обращались и дома), переходи к нам, на этом не закончится». Я сказала, что у них для меня все чужое, что никуда не пойду.

Был конец августа, хорошая погода, без дождей, сухо. Светило солнце, густой высокий лес. Советские с каждым проводили разговор, каждого вызывали и допрашивали. В нашем отряде было 200 человек. Уцелели, прежде всего, те ребята, которые ходили на задания, разоружали немцев и доставляли провиант. После этих допросов советские расстреляли 90 наших. А те парни неожиданно куда-то исчезли.

На третий день новый командир сказал, чтобы я с ним ехала на советскую базу. Фамилия его была Мрочковский, псевдоним Запора. У него была жена, сын и дочь, детям лет так по

семнадцать-восемнадцать. Все они тоже были на базе. Я поехала. Меня сразу привели в землянку, в которой я увидела трех наших ребят. Я плохо их знала, была в отряде всего недели две. Они уезжали, приезжали, всех я не знала. Один из них сказал, что если забирают, то никто не вернется. Я провела там одну ночь. Землянка была под караулом, выходить не разрешали. Когда мне захотелось помочиться, то советский партизан стоял надо мной. На другой день политрук, литовец, говоривший по-русски, вызвал меня на допрос. Велел рассказать о моей жизни. «Ты русская, — говорит, — переходи к нам». А я снова сказала, что для меня это чужое и что я останусь полькой. И подписала это. Меня отвели в землянку, в которой сидел Кмитиц и какой-то молодой парень, говоривший по-польски, немного с белорусским оттенком. Он очень тяжело переносил заключение, бросался на землю, к выходу. В конце концов ему как-то удалось открыть дверь, и сразу началась страшная стрельба. Советские стреляли по нас, в эту землянку; пыль, щепки, что-то сыпалось. Кмитиц велел мне лечь на землю, и я только слышала голос того паренька: «За что вы меня убили?!» Погиб. Стрельба окончилась, мы остались вдвоем с Кмитицем. Командир мне сказал, что с ним ведут беседы, а если они не придут к соглашению, то его отправят в Москву. Так ему заявили. Потом пришли за ним и приказали идти.

Он набросил шинель и вышел. Не вернулся. Я осталась одна. А наутро мне сказали, что я свободна и могу возвращаться к своим.

Я вышла из землянки, не зная, куда идти. Лес, проселочная дорога. Сижу, не знаю, где наши. Проходила пожилая женщина, деревенская. Сказала по-белорусски, что я, наверное, голодная, что она даст мне «блінчыкаў», — и принесла. Я спросила, видела ли она, куда пошел тот, кто здесь сидел. Она сказала, что его повели в направлении литовской базы, а там расстреливают, что там расстреляли ее мужа. Я блинчики съела, она ушла, а я все сижу. Вдруг вижу: едет телега, а на ней наши ребята, поляки. Когда я была на советской базе, польский партизанский отряд вместе с Советами напал на городок, в котором был немецкий штаб. Атака не удалась, было много убитых, а на телеге везли раненого, потому что у советских на их базе был полевой госпиталь. Я попросилась с ними, благодаря чему вернулась на нашу старую базу. Была там с девочками, может быть, неделю, у нас работы не было никакой.

В отряде насчитывалось едва человек сорок. В какой-то момент Запора заявил, что они уходят и уже не вернутся. Спросил,

пойду ли я с ними. Они шли искать Лупашку. Я еще не слышала о Лупашке, не знала, кто это. Запора должен был найти его отряд и доставить его Советам.

Лупашка — майор Зигмунт Шендзеляж, легенда антикоммунистического подполья, до войны поручик кавалерии, во время оборонительной войны командир 4-го эскадрона полка Занеманских уланов из Вильна, в Армии Крайовой — в группе дальневосточной разведки. В августе 1943 года руководство Виленского округа Армии Крайовой направило его принять командование отрядом Кмитица.

Я не могла возвращаться в Кобыльник, потому что расстреляли бы брата, и маму, и меня. Советские партизаны выжигали там всё, даже немецкий гарнизон выехал из городка. У меня не было через кого связаться с домом, и я пошла с отрядом. Несколько дней мы искали, ходили по лесам, в конце концов установили контакт и прибыли на место.

Лупашка был высокий, худой, лысоватый, приятный, с каждым разговаривал. Советский план не удался, Запора с отрядом присоединился к Лупашке. Командир сказал, что в отряде нет ни одной женщины и чтобы я возвращалась домой. Но я не могла вернуться. Так что мне разрешили остаться. Меня определили к Макс, кадровому унтер-офицеру, который был у Кмитица с самого начала. Когда нас разоружали советские, он как раз уходил с базы. Я получила сумку и стала санитаркой. Это была лишь первая помощь. Раненым накладывали повязки и отправляли к врачу. И ежедневно — сбитые ноги, чесотка, вши.

К концу октября 1943 года нас было уже много больше сотни. Мы меняли места стоянок, вечером нарвались на литовский патруль. Это были литовцы Плехавичюса, сотрудничавшие с немцами. Нас обстреляли, и одного из ребят ранили в ногу, очень опасно. Я должна была ему помочь, а потом отвезти на операцию. Мы шли всю ночь. Парень на телеге, я рядом. Иногда подходил Лупашка, мы разговаривали. Добрались до деревни, а там — еще один литовский патруль. Снова завязался бой. Лупашка мне приказал караулить раненого на телеге и вместе с другими побежал сражаться. Горела школа, было очень светло, рядом пустое поле. Наши разоружили литовцев, оставили их без подштанников и вернулись, никого не потеряв. Лупашка тогда первый раз меня похвалил.

Отряд растет. Лупашка делит его на две бригады — 4-ю и 5-ю. Вскоре в 5-й бригаде, которой он командовал, появляется больше женщин, они санитарки, по одной в каждом из пяти подразделений.

Лидию приписывают к кавалерии, отряду, наиболее приближенному к штабу. В кавалерии формально числится и Лупашка.

2 февраля 1944 года мы расположились в деревне. Как раз шло совещание с командиром округа. Неожиданно началась стрельба, мы выбежали в поле, откуда по нам стреляли. Лупашка говорит: «Принеси мне патроны, я забыл». У него был пистолет, остальное он оставил в хате. Я возвратилась, взяла, но, когда прибежала, их уже не было, они ушли вперед. Я побежала через открытое поле, по замерзшим бороздам, в направлении леса, до которого было километра полтора. По мне начали стрелять, я то и дело пряталась в бороздах. Когда переставали стрелять, вставала и бежала дальше. В конце концов попали в руку. К счастью, я была в довольно толстом тулупе. Попробовала пошевелить рукой, вижу, что ничего страшного, только кровь течет. Добежала, отдала патроны Лупашке, и в этот момент его ранят в руку. Но пуля прошла только так, через мышцу. Забавно, мне попали в левую руку, ему — в правую. Я занялась перевязкой раненых, бегала от одного к другому. Выглядело это страшно. Бой шел четыре часа, у нас было 19 убитых и 9 раненых. Немцы напали на нас в момент совещания, так что все командиры округа побежали к своим отрядам, вместе нам удалось немцев окружить и разбить. Об этом сражении много говорили в окрестностях, но и о потерях тоже. Почти сразу же, несколькими днями позже, на нас напали советские. Мы были у маленькой речки, а как раз начало таять, нужно было переплывать на лодке, по льду уже нельзя было пройти. За рекой мы хотели раненых передать людям, которые должны были отвезти их в Вильно. Советские напали на нас около четырех часов дня, с двух сторон. У нас были немецкие пулеметы, и мы сразу ответили огнем. Добрались до Наполеонова шляха, все время под обстрелом. Начались сумерки, Лупашка решил, что мы должны потихоньку отступить. А советские, атакуя с двух сторон, стреляли друг по другу. Мы выбрались, переправились через реку, раненые попали в Вильно.

Как раз перед пасхой 1944 года меня вызвал к себе Китек, командир отряда, который перешел к Лупашке с Запорой. Он сказал, что мне не доверяют. Как это так: я была на советской базе и вернулась? Столько ребят забрали, расстреляли, а я вернулась. Они знали, что я русская, хотя и говорю по-польски. Потом еще было обвинение, что я доставляю информацию об отряде маме и брату, а они передают советским партизанам.

3 мая мы остановились в какой-то большой деревне. Лупашка велел мне сидеть в одном из домов и никуда не выходить, что

будут меня судить. Я ждала. Меня привели в другой дом, а там уже ждали обвинитель, адвокат и два свидетеля. Обвинитель сказал, что я передаю Советам информацию через маму и брата. Мама с братом жили в Михалишках, довольно далеко, я никак не могла к ним ходить. Брат был в организации, мы вообще не встречались. Свидетели это подтвердили, обвинение оказалось беспочвенным. Все пошло очень хорошо, меня уже никто ни в чем не подозревал. Лупашка только сказал: «Если окажется, что предаешь, сама знаешь, что тебя ждет». Это значит — пуля. Но все отцепились.

С начала 1944 года виленская Армия Крайова готовилась к операции «Острая Брама», локальному сценарию операции «Буря»^[1]. Однако в этой операции 5-я бригада участия не принимает.

Мы все время бились с советскими партизанами. Лупашка попросил генерала Волка, чтобы он освободил бригаду от участия в операции «Острая Брама». Был июль, приближался фронт, слышно стало самолеты, а мы сидели в небольшом поселке. Отсюда Лупашка еще раз послал к Волку связную, чтобы получить письменный приказ освободить бригаду от участия в операции. Связная вернулась с информацией, что Волк и другие командиры арестованы Советами, которые сейчас начинают нас интенсивно искать. Лупашка сменил название бригады, всем нам изменил псевдонимы. Мы двинулись в сторону Гродно. Шли через леса, видели советских, танки, автомашины, шли пару недель. Под Гродно мы добрались к концу июля. Там нас сразу обнаружили. Приехало несколько человек из советского командования с задачей подчинить отряд и вывести его в указанное ими место. Лупашке как-то удалось их спровадить. Он сказал, что сразу перейти не может, но отдает Советам нашу кавалерию — 150 лошадей. А остальное — потом. Командиру кавалерии он приказал самому принимать решение, сказал, что сам он с отрядом никогда не перейдет. Когда советские уехали, командир нас собрал на поляне и представил ситуацию. Он распустил 5-ю бригаду, каждому развязал руки. Можно было возвращаться домой или воевать дальше. Он сказал, что с теми, кто останется, он предполагает малыми группами, по десять человек, перебраться в Августовскую пушу, чтобы продолжать сражаться.

Все происходило очень быстро. С Лупашкой осталось 16 человек, в том числе и я. Мы тронулись. Было очень трудно, без еды, среди войск, — потому что фронт уже прошел и задержался около Гродно. Полно войск, машина шла за машиной. В Августовскую пушу мы не могли пробиться. Повернули на юг,

на Волковыск, прямо, точно по компасу, без дорог. Дошли до шоссе, но не могли перейти, слишком сильное было движение советских войск. Лупашка послал одну разведку, — ничего, вторую — ничего; наконец, пошел сам с несколькими ребятами, остальные сидели в кустах. Прошло немного времени, видим: идет Лупашка, парни его поддерживают. «Боже, командир ранен, что нам теперь делать!» А он неожиданно распрямляется, целый и невредимый, и смеется, что мы так перепугались. Удивительное дело, но это очень разрядило атмосферу, сняло напряжение, которое сопровождало нас от Вильны. В конце концов перебрались мы через шоссе. Оказались под Волковыском. Остановились в деревне, сожженной немцами. Жители были расстреляны или сожжены в сараях. Не было ни одного целого дома, ничего, только вход в подвал каменной школы. Там и ночевали. В Волковыске Лупашка установил контакт с АК. Мы только тогда узнали, какова ситуация. Фронт остановился, в Варшаве продолжалось восстание, а мы должны были перейти в Беловежскую пушу и организовать отряд.

Ранней осенью мы добрались до Пуши недалеко от Свислочи, где раньше было место стоянки советских партизан. Там оставались какое-то время. Людей прибывало, нас было уже около сорока. Мы построили большой блиндаж, наполовину в земле, с крышей на поверхности, у нас были даже железные печурки. Но однажды советские нас обнаружили. Напали рано утром. Нас разбудили выстрелы, каким-то чудом удалось выбраться. К отряду присоединилось много местных. Они нас вели через луга и леса, мы спали в стогах. Лупашка решил перейти линию Керзона. Мы перешли через реку — босиком, без сапог, но удачно. С оружием, со всем. Местные члены отряда сразу разместили нас по домам, по два человека, по одному. Мы должны были там переждать зиму.

В начале ноября 1944 года Лупашка перешел под команду Белостокского округа АК, получил звание майора и принял в отряд подпоручика Леха Бейнара, офицера отдела пропаганды Виленского округа АК, впоследствии известного как Павел Ясеница — выдающийся эссеист и историк. Отряд планировал отдохнуть, увеличить численность, переждать зиму под Белостоком и весной действовать в соответствии с приказами главнокомандования.

Мы располагались в Кетриках, около деревни Янувек. В окрестностях скрывались бойцы АК из разных разбитых отрядов, не знали, что делать дальше. Когда оказалось, что здесь Лупашка, стали приходить к нам. Нас становилось всё больше, и об отряде стали много говорить. А это было опасно. Советские,

конечно, заинтересовались этой частью воеводства. Начались столкновения с советскими отрядами, один раз даже арестовали двоих наших. Мы просидели так почти месяц, а затем Лупашка решил отослать всех ребят под командованием Ясеницы куда-то в окрестности Гайнувки, для безопасности. Пошло более 40 человек, мы были с ними в контакте и ждали весны.

Вскоре после этого Лупашка захотел непременно встретиться с белостокским командиром АК. Попросил, чтобы я поехала в Белосток и договорилась о встрече. Я пошла к связной белостокского командира. Это был деревянный двухэтажный дом с огромным двором. Вхожу, двери открыты, иду наверх — а там полно людей. Понимаю, что это засада. Начала спускаться — не бежала, а потихоньку вышла во двор, уже думала, что удастся пройти, но внизу охранники потребовали документы, — один поляк и один русский. У меня было только какое-то удостоверение, с чужой фотографией. Этот поляк смотрит и говорит: «Это не ваш снимок». Я ему: «Вы присмотритесь получше, это я». Начал орать. А советский меня уже схватил за руки и спрашивает, зачем я здесь. Я говорю, что к фотографу. И действительно, рядом был фотограф. Повопили, но отпустили. Возвращаясь к Лупашке, говорю: «Там провал, связная арестована, засада». Но, несмотря на это, он все равно хотел встретиться с командиром. На следующий день до света мы вышли на шоссе, добрались до Крулёва-Моста, там контрольный пункт. Придрались, что у Лупашки документы плохо выписаны. Велели ему выйти. Я с ним. У него был пистолет, бельгийская «девятка», — на животе под свитером и кожаной курткой. Никак нельзя было спрятать это оружие в машине, которая нас везла. Его повели в какой-то дом, я за ним. Простая изба: хлебная печь, стена, стол. Лукашку спрашивают, чем он занимается. Он говорит, что снабженец, ездит по окрестностям и скупает разные вещи. Я по-русски говорю, что это всё правда, что мы с ним живем в одной местности, поэтому я вместе с ним села в машину. Похоже, мне поверили. Лукашку для порядка общупали, но сделали это так небрежно, что не нашли оружия. Отпустили. Его еще папиросой угостили. Мы остановили следующую машину и вернулись.

Наступила зима, очень снежная. На зиму отряд укрылся далеко, мы остались только вдвоем. На Кетрики всё время были налеты НКВД. Нам приходилось прятаться в бурте на картофельном поле, ближе к лесу, на краю деревни. Советские в деревне бывали едва ли не ежедневно. Искали нас. Мы сообщили ребятам, что стало очень опасно, чтобы прислали кого-то за нами — и мы присоединимся к отряду. Но мы не могли идти

сразу, потому что Лупашка ждал связного из Белостока. Тот должен был вскоре добратся с приказами. В деревне мы не могли оставаться, перебрались в лес, в яму, в которой раньше прятался еврей. Нас было двое, а в яме место на одного, нельзя было стоять, только сидеть. Лежать тоже нельзя, разве что боком. Даже не было холодно, только с едой скверно, иногда кто-то что-то нам приносил. Но вообще-то даже не хотелось есть.

Мы просидели там две недели. Не раздевались. Было тесно. Много не разговаривали. Мы жили в страшном напряжении. Я один раз подумала, что Лупашка меня задушит. Хотел закурить папироску, самокрутку такую, но спички кончились. Очень ему хотелось курить. Я начала смеяться, а он неожиданно так сильно меня схватил, словно хотел задушить. Но опомнился. Связной добрался 22 декабря. Мы могли идти в отряд. Шли целый божий день по глубокому снегу. Деревья так трещали от мороза, будто кто-то стрелял. Под вечер добрались до места, где стоял отряд, когда мы разделились. Теперь никого не было, пусто. Оттуда поздно вечером пошли в Гайнувку, потому что туда приехала теща Лупашки с его дочерью. Хотела, чтобы ребенок встретился с отцом.

Поручик Зигмунт Шендзеляж женился неполных 28-и лет в январе 1939 года. Дочь Бася родилась в ноябре. В 1944 году ей было пять лет, отца она уже много лет не видела. 23 декабря Лупашка разместил Лидию в Гайнувке, в доме, где жили три сестры, связанные с организацией, а сам решил провести Рождество с дочерью и тещей.

Жена Лупашки была из дома Сволькенов. Аристократическая семья, едва ли не князья. У них было огромное имение в Шайкунах на Виленщине. Когда пришли немцы, после 1941 года, эти имения, отобранные Советами, возвращали владельцам. В них повсеместно скрывались тогда подпольщики из разных организаций. И Зигмунт, и Ханка были в подполье. Они прятали разных людей, в том числе друга Лупашки, в которого Ханка влюбилась. Так влюбилась, что разошлась с Зигмунтом. Какое-то время все жили в этом имении вместе с тещей Зигмунта и ребенком. Лупашка потом пошел в партизаны и уже в Шайкуны не вернулся. А они остались. Как-то раз Ханка и тот мужчина возвращались с конспиративной встречи. Попали в засаду, их обстреляли. Он, тяжело раненый, там в лесу и умер. Ей как-то удалось убежать. После его смерти она уехала в Вильно, а дочь оставила с матерью. Работала в организации. Когда я узнала Лупашку, Ханка была арестована. АК хотела ее выкупить. Похоже, что удалось, потому что потом она попала в какую-то немецкую семью няней и выехала во Францию. Дочь

осталась с бабушкой. И сейчас бабушка привезла ее к отцу. Провели вместе неделю.

После Рождества мы двинулись дальше. Поехали в Керсновозле Бранска, там связной указал нам место, где мы должны были остановиться. Контакт с командиром округа поддерживался только через связных.

Не прошло и двух недель, как АК распустили. Не вполне было понятно, что делать. В феврале 1945 года из Белостока пришел приказ о создании Гражданской Армии Крайовой. Мстислав, командир из Белостока, отказался выполнить приказ главнокомандования о роспуске АК, а Лупашку назначил командиром партизан округа. В начале апреля мы объявили о мобилизации бригады. Мы вошли в лес около 5 апреля. Ввели обычную партизанскую борьбу. Кроме того, похищали у Советов коров и лошадей, потом раздавали их по деревням. Мы сражались, добывали оружие, громили отделы милиции и боролись с регулярными частями НКВД и Красной Армии. В июне пришла хорошая новость. Гражданская АК перешла под начало польского правительства в Лондоне. Бригада насчитывала уже почти триста человек.

Это недолго продлилось, в сентябре из Лондона пришел приказ распустить всё. Как раз тогда, когда мир посчитал ПНР Польшей, подлинным польским государством, Лупашка должен был расформировать отряд. Он стал отпускать ребят, давал им деньги, добываемые в банках, кооперативах. Если у кого-то была семья, тот уходил, а те, у кого не было близких и некуда было пойти, оставались в отряде. Была осень 1945 года. Я тогда познакомилась с одной знакомой Лупашки. Разговорились, и обе согласились, что хорошо было бы немного нормально пожить. Куда-то поехать, завершить учебу. Я сказала это Зигмунту, а он: «Нет, ты должна со мной остаться». Я осталась.

Зигмунт завязал контакт с кем-то в Гданьске, а через него с Лондоном. Он хотел сражаться дальше. Оставались с ним я, Метя с Виленщины, который всегда с нами был, заместитель командира, поручик Марек и Оршак, вахмистр, еще из 5 й бригады, потом связной. Мы выехали в Гданьск.

Ехали через Варшаву. Одни развалины, остовы сожженных домов. Варшавы не было. Мы ехали через Гданьский вокзал, видели совершенно пустынный город. Поезда без окон, люди лежали повсюду, в товарных вагонах, в купе, в коридорах. Доехали до Оливы. Оршак нашел пустую квартиру, и мы все там зажили. Это было в двух шагах от пани Ванды, матери

Зигмунта, и его дочки. Лупашка установил контакт с Лондоном. Встретился с последним виленским командиром АК — Погорецким. Получил от него первое задание. Возникали небольшие группы, которые хоть в штатском, но с оружием, должны были добывать деньги на конспиративную работу и дальнейшую борьбу. Деньги были нам нужны. Немного получали из Лондона, но этого не хватало. Но я в этом особенно не ориентировалась, готовила, управлялась по дому.

Однажды шла с Зигмунтом по улице и буквально столкнулась с Котом, моим очень хорошим знакомым из Новогрудка. Мы знали друг друга с детства. Кот как раз демобилизовался и учился в Политехническом. Сказал, что едет к сестре, в Новый Тарг. Пригласил: «Поезжай со мной». Зигмунт меня отпустил на неделю. Мы были с Котом очень близки, это была прекрасная неделя. В горах, без войны, без конспирации. Возвращаюсь — Лупашки нет в Оливе. Они вроде как пошли с друзьями в ресторан, пели какие-то песни, и к ним привязались. Его не узнали, отпустили всех, но Зигмунт был испуган и выехал куда-то под Штум. Его знакомый с Виленщины организовал мне там аренду хозяйства. Я поехала за ним. Новый дом, постройки, хлев — всё было. Мы поселились вместе, всё время кто-то приезжал или уезжал, было движение. Мы прожили там до февраля 1946 года. Неожиданно в течение получаса оказались вынуждены рассредоточиться — похоже, был какой-то провал, Зигмунт не хотел рисковать. Тем более он уже согласовал с Погорецким, что будет восстанавливать отряд. Мы оставили дом и устроились у знакомого с Виленщины, директора госхоза. Там были такие маленькие домики для работников. Мы поселились в двух комнатках. Очень уютных.

В конце февраля 1946 года Лупашка создал 6 ю бригаду и направился к Белостоку. В апреле воссоздана 5 я Виленская бригада, которая должна была действовать на территории Поморья и Мазурии под его командованием. Бригада делилась на три эскадрона, их возглавляли знаменитые потом командиры — Люфа, Железный и Зевс. Лидия осталась с Зигмунтом.

В 1946 году еще повсеместно говорили об очередной войне, власть коммунистов еще не окрепла. Мы рассчитывали на союзников, на мировую войну или попросту на то, что мир не уживется с Советами. Но не так было дело, чтобы какой-то отряд хотел идти в лес и шел, — всё согласовывалось. С Погорецким, даже с Лондоном. В апреле мы ушли из этого госхоза в леса группой в 60—70 человек. Но это уже не был партизанский отряд. Мы не могли вести бои. Вся округа роилась войсками — и советскими, и Армии Людовой. Мы пошли даже

в направлении Щецина, через Вислу. Но далеко нам не удалось пройти. Каждая операция, каждое разоружение, даже разбрасывание листовок завершалось немедленной крупной облавой. Нас везде подкарауливали. Даже почти не удавалось идти лесами. Отряд Железного отказался от маршей и перемещался только по шоссе на реквизированных машинах. Железный как-то провел автомобильный рейд через шесть отделов милиции. За один день всех разоружил, милиционеров и гбэшников отпустил, оружие забрал. Об этом даже передавали по Би-Би-Си.

За нами охотились и слишком многих серьезных операций не удалось провести, а трудно воевать одной отвагой. В июне Лупашка провел совещание и объявил, что идет на Подлясье. Он еще не знал, что Железный убит, даже послал за ним Люфу с отрядом.

В Подлясье мы добрались в августе, только с Люфой. Остальные два эскадрона остались в Поморье и расформировались через несколько месяцев. Возле Белостока мы оставались до марта 1947 года. Лупашка получил письмо от Радкевича, министра госбезопасности, с приглашением на встречу. За то, чтобы Лупашка прекратил борьбу, ему обещали разрешить выезд из Польши. Конечно, он не воспользовался этим, но с нас всех было уже довольно.

Так и закончилась наша война. В результате уговоров офицеров, бывших заместителей командиров, в частности Ясеницы, Лупашка начал думать о возвращении на гражданку. Полевое командование он поручил Молоту, а сам со мной выехал в Силезию. Там он получил от Погорецкого приказ распустить 6-ю бригаду. Мы скрывались. Лупашка бригаду не распустил, постоянно кто-то приезжал и докладывал о положении в Подлясье. Там только наши оставались. В конце июня погиб Молот — и всё закончилось. Организация в Подлясье перестала существовать. Мы поехали в Закопане. Зигмунт решил начать нормальную жизнь. Мы жили под Закопане как пара дачников. Шел июнь 1947 года.

29 июня я была простужена, легла спать пораньше. Зигмунт и наш хозяин сидели в комнате рядом, пили, разговаривали. Хозяин говорил, что кругом опасно, что по горам снуют энкавдешники и Корпус внутренней безопасности, что хватают людей. Я заснула. На другой день стук в дверь, какой-то убегающий паренек ищет убежища. Хозяйка его впустила, спрятала на чердаке. Издали, со стороны гор, были слышны выстрелы. Потом смолкли. Я вышла на балкон — тихо, июнь, солнце, прекрасная погода, никого нет. Прилегла ненадолго.

Проснулась оттого, что в двери ломятся. Хозяйка впустила, рыщут на чердаке, через минуту полно военных, дом окружен. Слышала, как они поднимались на чердак, выводили того паренька со связанными руками. Потом всех нас забрали, поставили у стены. Зигмунта увели на кухню, меня в другую комнату. Хозяйка с детьми осталась. Спрашивают меня о фамилиях. Я говорю, что никого не знаю, не ведаю. Привели меня в кухню, где Лупашка уже сидел со связанными руками. Оказалось, что парень, который убегал, был подставным, это нас искали. На ночную рубашку я надела пальто, посадили нас в машину и отвезли в Мысленицы, а потом в Краков. Через день усадили в самолет и вывезли в Варшаву. В тюрьму.

Я попала в подвал, а там полно людей из Вильна. Пока я там была, меня ни разу не вызвали на следствие. Со мной сидела секретарша Миколайчика. Ее вызывали каждый день, она рассказывала, что всё им говорит, потому что считает, что это правильно. Очень интеллигентная, лет за сорок, хорошо одетая. Она мне очень подчеркнуто симпатизировала. Как-то спрашиваю ее о чем-то важном. Не отвечает. Спрашиваю: «Почему вы мне не отвечаете, вы стукачка?» Двумя часами позже ее вывели, она не вернулась в камеру, а на следующий день меня посадили в помещение без окон. Потом повезли в тюрьму на Раковецкой.

Нас было несколько женщин в камере, спали на бетоне, было совсем немного соломы, мы в своих платьях, еду давали отвратную, капусту с навагой, горох с червями, черный хлеб — ели только корку, потому что мякиш был непропеченный. Никаких передач.

Начались допросы. Мне приказывали делать приседания, били так, что через неделю не могла ходить. Самое удивительное, что меня спрашивали главным образом о Коте — том парне, с которым в 1945 году я на неделю ездила в Новый Тарг. Его арестовали, он сидел во Вроцлаве. Утверждали, что он всё знал о партизанах, обо мне, о Зигмунте. А он ничего не знал, даже представления не имел. Через два дня поставили меня за это у открытой форточки, в одной рубашке, босую, на бетоне, на всю ночь, присесть не давали. Били по голове, топтали по ногам. Даже не помню, о чем еще меня спрашивали. Знала только, что Погорецкий сидит, и Лупашка сидит, и Виктор — вся верхушка. И что это они должны говорить, а я, конечно, могу говорить о боях, в которых участвовала, но о людях — нет. Да меня, впрочем, о людях особенно не выспрашивали. Сначала меня пугали, обзывались жутко, говорили страшным языком, но главный следователь всегда был вежлив. Правда, это именно он

приказал мне делать приседания. Очень хотел узнать, кто нас поженил.

Лидия не стала женой Зигмунта, как многие считают. Определение «жена Лупашки» прилипло к ней после ареста, во время процесса, — и осталось. Она провела с Лупашкой восемь самых трудных лет. С 1943 года у него не было никого ближе.

Пять последних лет мы были вместе без перерыва, изо дня в день. Я испытывала к Лупашке огромное доверие и благодарность за заботу, которой он меня окружал в партизанах. Он меня специально не выделял, но я всегда знала, что он обо мне помнит. Всегда обращалась к нему «пан командир». Не помню, когда начала называть его по имени, — может, в Керснове? Или когда сидели в этой евреевой яме? Не было там условий, чтобы думать о любви: грязь, холод, голод. Но именно тогда люди стали принимать нас за мужа с женой, тогда мы и стали жить в одном доме. Но полюбила я его раньше. И как-то так само получилось. Намного раньше. Может быть, после боя, в котором нас обоих ранило, когда мы жили в одном имении. Я была там две недели, приехал Лупашка, и тогда, наверное, мы и сблизились. Он звал меня по имени, никогда Лялей, как все.

Было такое время в 1946 году (мы тогда жили с Зигмунтом в Закопане), когда мне казалось, что за мной буквально ходит Янек, парень, которого я знала перед войной, которого любила и который так страшно оскорбился, что я учительница в советской школе. Я была с Лупашкой, а всё время видела Янека. Буквально ходил за мной, как живой человек. Я думала себе: кого выбрать — Зигмунта или Янека. Даже написала маме, которая тогда уже жила в Поморье, не слыхала ли она случайно о Янеке. Ничего не слышала. Это у меня прошло через некоторое время. Но тогда буквально чувствовала его за спиной.

В октябре 1950 года начался наш процесс. Мы сидели, ожидая входа в зал. Привели Лупашку. Он подошел, поцеловал меня, поздоровался. Его тут же схватили и оттащили. Потом, после суда, говорили, что он за это целый месяц отсидел в карцере. За плохое поведение.

На процессе судили шесть человек. Среди них Погорецкий, Лупашка и Лидия. Лупашка был спокоен, не спорил с обвинениями и не просил о снисхождении. Процесс имел показательный характер, транслировался по радио. Приговоры огласили 2 ноября 1950 года. Все мужчины, каждый по всем статьям, осуждены на смертную казнь.

Лидия получила пожизненное.

При мне не было оружия, мне дали пожизненное. В последнем слове я сказала, что прошу справедливого приговора. Сказала также, что считаю, что я правильно боролась. Недели за две до моего перевода в тюрьму в Фордоне нам с Зигмунтом разрешили свидание.

Зигмунт после процесса был очень болен. До войны он не раз принимал участие в скачках и однажды упал. Пролежал полгода, а потом его уже всегда мучил позвоночник. Особенно в тюрьме, когда лежал на холоде в карцере. Он рассказал, что в их камеру смертников зашел однажды начальник тюрьмы и Зигмунт попросил его о свидании со мной. У Виктора, осужденного на смерть на том же процессе, в тюрьме была жена. И он не получил свидания, а мы получили. Все меня считали женой Лупашки.

Меня привели в комнату, где за столом сидело трое военных. С другой стороны, рядом друг с другом, мы. Нам сказали, что мы можем разговаривать сколько хотим. Я была едва ли не в обмороке, я не надеялась на эту встречу. Зигмунт сожалел, что не помнит Баси, дочери, говорил, что больше всех в жизни любил мать. Пани Ванда еще жила в Гданьске. Мне сказал, чтобы я училась и чтобы вышла замуж.

Потом отвезли меня в Фордон. А вскоре перевели в Иновроцлав. Там я просидела почти два года. Это была тяжелая тюрьма, в одиночке, никаких прогулок, свиданий, писем — ничего. Раньше, в Фордоне, у меня было первое свидание с мамой. Она узнала из газет и приехала. Потом, кажется, ей удалось меня навестить в Иновроцлаве. Я не любила свиданий: всё такое нелепое, искусственное. Вот стоит мама, вот я, а посередине ходит солдат. О чем тут разговаривать и как? Я только узнала, что папа вернулся из ссылки.

Еще до того, как меня перевели в Иновроцлав, я очень хотела узнать, жив ли еще Зигмунт. Как-то приехали в тюрьму какие-то шишки из министерства. Говорили, что можно им задавать вопросы. Я спросила и просила ответить. Вопрос записали, но никакого ответа не дали. Зигмунта казнили в Мокотове 8 февраля 1951 года.

После смерти Сталина меня опять перевели в Фордон. Было уже по-другому, в камере нас шесть человек, на двух койках спали по двое, а на двух — по одной. Были крысы, но мы начали получать какие-то книги. Я читала первый раз за многие годы.

В 1956 году была амнистия. В ноябре я вышла из Фордона.

Это был новый мир, не тот, прежний.

Лидия Львова-Эберле, окончив университет по специальности археолога, работала в Варшаве руководителем археологического отдела в Комиссии по изучению древностей. Проводила исследования во время восстановления Королевского замка. Работала в Историческом музее города Варшавы хранителем до выхода на пенсию в 1984 году.

Янек Дроздарский, виленская любовь Лидии, погиб в Варшавском восстании. Его засыпало обломками, когда он спасал мирных жителей из руин после бомбардировки. Лидия прочитала его имя на стене Музея Варшавского восстания.

Кмитиц, подпоручик Антоний Бужинский, был расстрелян осенью 1943 года. Лидия была, вероятно, одной из последних, кто видел его живым.

Анна, жена Лупашки, погибла в Германии в случайной перестрелке в 1945 году.

Погорецкий, подполковник Антоний Олехнович, был казнен в тюрьме в Мокотове 8 февраля 1951 года, в один день с Лупашкой.

Лупашка, майор Зигмунт Шендзеляж, посмертно награжден Золотым крестом ордена Virtuti Militari и Большим крестом ордена Возрождения Польши. Реабилитирован в 1993 году. Символическое погребение Лупашки состоялось в 2008 году на воинском кладбище Повонзки в Варшаве.

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Воспоминания Лидии Львовской, подготовленные к печати Лукашем Модельским, обладают убедительной силой личного свидетельства. Их самый драматический эпизод, то есть участие в польской партизанской борьбе под командой знаменитого командира Лупашки (Зигмунта Шендзеляжа) требует нескольких поясняющих слов. Речь идет как раз о послевоенном периоде. В январе 1945 г. эмигрантское правительство в Лондоне приняло решение о роспуске Армии Крайовой. Большинство польских политиков и военных, пусть и не приемлющих новую власть, полагало, что дальнейшая борьба не имеет смысла. Те из них, кто находился в Польше, приняли решение создать конспиративную организацию, но исключительно политического характера. Так возникло объединение «Свобода и независимость».

Многие солдаты Армии Крайовой и Национальных вооруженных сил все же оставались в подполье и не сложили оружия. В разных регионах страны, прежде всего на восточных землях, от Белостока до Жешува, действовали малые и сравнительно крупные отряды, целые группировки и даже своего рода армии. Они подчинялись только своим местным командирам. И местное население их поддерживало, прежде всего в деревнях. В этот период состоялся исключительный союз — польские партизаны взаимодействовали с украинскими.

Наряду с военными вылазками и обороной подполье проводило информационные и пропагандистские акции. В 1944–1948 гг. издавалось около 230 названий газет тиражом от нескольких десятков до тысячи экземпляров.

Первый серьезный кризис подполья наступил в 1947 г., когда власти объявили амнистию. Те, кто вышел тогда из подполья, оказались обмануты, ибо по большей части попали в тюрьму. Кризис не означал конца антикоммунистического партизанского движения. «Лесные люди, — писал политик-эмигрант Зигмунт Заремба, основываясь на донесениях из Польши, — отбивались, как обложенные волками вепри. Сражения с армией и полицией всё больше приобретали форму жестокой борьбы за жизнь». Партизаны редко оказывались под судом. Их убивали на месте.

Дольше всего сражались под Белостоком. Отряд знаменитого Брудзы (Яна Табортовского) был разбит в 1954 году. Группа Рыбы (Станислава Мархевки) действовала до 1957 го. Один из его преследователей, офицер госбезопасности, вспоминал не без удивления, что Рыба «лихо налетал на государственные и общественные объекты, среди бела дня нападал на проезжающие по дорогам автомобили, а потом очень быстро уходил за несколько десятков километров от места разбоя и только тогда возвращался в свой бункер в лесу».

Позже партизан оставалось лишь несколько, а последнего из них арестовали через двадцать лет после войны, в 1965 году. Его держали в той же камере, где сидел один из организаторов «Новой оппозиции» Яцек Куронь. Надо добавить, что они не пришли друг другу по вкусу.

Некоторым из партизан удалось выжить «на гражданке», по фальшивым документам, те, кого минула смертная казнь, вышли на свободу после 1956 года.

Понятно, что до 1989 г. в официальной историографии их именовали бандитами. Позже начали всерьез исследовать их судьбы, их борьбу. Последние из оставшихся в живых партизаны рассказывали о прошлом, писали воспоминания. Вся эта история, однако, не перестала вызывать споров. Даже относительно терминологии. Не все соглашались говорить в этом случае о «гражданской войне» (коль скоро власть была навязана извне), другие не согласны принять определение «проклятые солдаты», придающее партизанам ореол героизма.

Но это уже специфика бесконечных споров об исторической памяти.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Май, как обычно, прошел прежде всего под знаком книги, но также и кино — весна в Польше изобилует кинофестивалями.

С 10 по 13 мая во Дворце культуры и науки проходила III Варшавская книжная ярмарка. Число экспонентов из двадцати стран превысило полтысячи. В числе зарубежных гостей особая роль досталась Армении и России, представленной генеральной дирекцией Московской ярмарки. Россия показала продукцию более 120 издательств.

Свои книги подписывало свыше 400 авторов, среди них Владислав Бартошевский, свящ. Адам Бонецкий, Юлиа Хартвиг, Ханна Краль, Даниэль Пассент, Анджей Сапковский, Анджей Стасюк, Мариуш Щигел, профессор Януш Тазбир, Ольга Токарчук, Казимеж Орлось, Михал Витковский, Кшиштоф Варга. В Варшаву приехали также зарубежные писатели: литовец Томас Венцлова, американец Джонатан Кэрролл и прошлогодний лауреат Нобелевской премии по литературе шведский поэт Томас Транстрёммер.

По традиции, в первый день ярмарки был объявлен список из двадцати книг, выдвинутых на литературную премию «Нике». В их числе четыре сборника поэзии (в частности, «Горькие плачи» Юлии Хартвиг и «Точка» Петра Мицнера), беллетристика (в том числе «Дровосек» Михала Витковского, «Сатурн» Яцека Денеля), репортажи и сборники эссе («Как быть художником. На примере Томаса Манна» Малгожаты Лукасевич, «Дом черепахи. Занзибар» Малгожаты Шейнерт, «Акварель» Лидии Осталовской и др.). В первый раз в истории премии на премию выдвинуто целых четыре биографических книги! Это «Нетопырь в храме. Биография Ежи Новосельского» Кристины Черни, «Милош. Биография» Анджея Франашека, «Миколаевская. Театр и ПНР» Иоанны Краковской, а также «Корчак. Попытка биографии» Иоанны Ольчак-Роникер.

— После ренессанса репортажа в Польше пришла очередь биографий, которые сегодня пишутся у нас иначе, смелее, чем еще несколько лет назад, — отметил секретарь премии Юлиуш Туркевич. — Любопытство вместо бронзы, взгляд вблизи — вместо поклонения памятникам и замалчивания изъяснов. Всё это сегодня уже не считается предательством по отношению к героям. Это скорее знак зрелости. Мы не обращаемся к нашим

великим за тем, чтобы лечить национальные комплексы, мы просто хотим их лучше узнать и понять.

Лауреат «Нике» станет известен 7 октября.

Оглашен также список из 15 книг (поэзия, проза, эссеистика), выдвинутых на литературную премию Гдыни, три из них одновременно номинированы на «Нике»: «Итальянские шпильки» Магдалены Тулли, «Медзянка. История исчезновения» Филипа Спрингера и «Нетопырь в храме. Биография Ежи Новосельского» Кристины Черни. Имя победителя будет объявлено 30 июня в Гдыне.

В третий раз присуждена премия имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж. Лауреатом стал Ляо Иву, автор книги «Провожающий умерших. Правдивые истории. Китай с перспективы общественных низин» (издательство «Чарне»). Это сборник из 28 интервью с представителями низов китайского общества, в частности с администратором общественного туалета, прокаженным, профессиональным плакальщиком. Книги Ляо Иву, популярные и ценимые на Западе, на его родине запрещены. Он неоднократно сидел в тюрьме, в прошлом году бежал из КНР, сейчас живет в Берлине.

Премия имени Рышарда Капустинского ежегодно присуждается авторам лучшего литературного репортажа, опубликованного по-польски в форме книги. Первым лауреатом в 2010 г. стал французский журналист и военный корреспондент Жан Хацфельд за репортаж о насилии в Руанде «Стратегия антилоп». В следующем году премии была удостоена белорусская писательница Светлана Алексиевич, автор книги «У войны не женское лицо» — рассказов женщин-красноармейцев о Второй Мировой войне.

Канал Польского телевидения «Культура» присудил свои ежегодные премии — «Гарантии Культуры-2012».

Специальной премии удостоена Данута Валенса за автобиографическую книгу «Мечты и тайны». В категории «литература» премию получил Анджей Стасюк за «Грохув. Сборник рассказов об умирании» — «литературную попытку напомнить, что смерть — это часть жизни». В категории «музыка» награжден вокальный дуэт сестер Барбары и Зузанны Вронских «Баллады и романсы» за вдохновенный, в частности, творчеством Чеслава Милоша альбом «Забудь». В категории «академическая музыка» премия присуждена оперной певице Александре Кужак. В категории «кино»

награжден Павел Клоц, режиссер и продюсер «Колыбельной из Пномпеня», выдающегося польского полнометражного документального фильма последних лет, «за смелость путешествия к сердцу тьмы». Премия за театральные достижения присуждена режиссеру Янушу Опрыньскому за инсценировку «Братьев Карамазовых» в люблинском театре «Провизориум», а в категории визуальных искусств победила Анда Роттенберг, куратор берлинской выставки «Рядом. Польша — Германия. 1000 лет истории в искусстве».

«Золотых львов» и главные актерские призы XXXVII Фестиваля польских художественных фильмов в Гдыне получил фильм Агнешки Холланд «В темноте» — увы, лишь кандидат на «Оскара» нынешнего года. За фильм о поляке, укрывающем во время Второй Мировой войны евреев из львовского гетто, Агнешка Холланд получила также премию в категории «лучший режиссер», а исполнители главных ролей — Роберт Венцкевич и Агнешка Гроховская — удостоены премий за лучшие роли первого плана. «Серебряными львами» награжден военный триллер «Облава» режиссера Мартина Кшишталовича с Мартином Доротинским в главной роли. «Платиновых львов» за совокупность творчества в первый раз получили не режиссеры, а выдающиеся операторы — Ежи Вуйчик и Петр Собо́тинский.

Жюри отметило также создателей двух фильмов «за смелость затронуть темы, которые до сей поры не были замечены польским кино, но которые мы считаем существенными». Это Пшемислав Войцешек — режиссер фильма «Секрет» и Владислав Пасиковский за «Последки».

Недавно законченные «Последки» были включены в конкурсную программу в Гдыне в последний момент. Сценарий фильма, написанный после того, как вышла на свет история убийства поляками еврейских соседей в деревне Едвабне в 1941 г., годами ждал реализации. Сначала фильм предполагалось назвать «Кадиш». Владислав Пасиковский героями своего фильма сделал жителей польской деревни, которые убивают евреев, а потом завладевают их имуществом.

— Фильм Пасиковского, — отмечает критик Тадеуш Соболевский, — мало что нового скажет читателям «Газеты wyborчей», Яна Т. Гросса, Анны Биконт. Он сделан с мыслью о тех, кто смотрит польские сериалы. Кто на мессе повторяет в молитве, что верят в общение живых и мертвых, «в грехов отпущение и тела воскрешение». Он должен привести к мысли, что к общности живых и мертвых принадлежат и евреи из нашей деревни.

Журналисты, аккредитованные на Гдынском фестивале, присудили свою премию *ex aequo* двум картинам — тем же «Последкам» Пасиковского и фильму «Ты — Бог» Лешека Давида. Последний фильм — это рассказ о легендарном силезском ансамбле хип-хопа «Пактофоника» и его вокалисте Петре Луцке по прозвищу Магик, который в 2000 г. покончил жизнь самоубийством. Фильм Давида получил также Премию Интернавтов Виртуальной Польши.

«Эти парни из Миколува и Богутице, — писал в репортаже из Гдыни Тадеуш Соболевский, — занимающиеся спонтанной, импровизированной поэзией хип-хопа, хотя и имеют дело с новой техникой, по сути не понимают современности, пребывают с ней в перманентном конфликте, как многие из нас. Они дикари в цивилизации купли-продажи. Сталкиваются с миром, борются, падают, поднимаются. Несмотря на грубость их языка, в них есть что-то от романтиков или первобытных людей. Такие интрузии в мире капитализма, — разве это не очень по-польски?»

Удивительный фильм. Словно бы сломанный, испорченный, но который, однако, остается в памяти. Дает пищу размышлениям, волнует своей чистотой, несмотря на то, что вульгаризмы звучат едва ли не в каждой фразе».

Свыше 30 документальных и художественных фильмов со всего мира было представлено в конкурсной программе фестиваля «Еврейские мотивы», посвященного истории, традиции, а также национальной и культурной идентичности еврейского народа.

Организатор фестиваля — объединение «Еврейские мотивы» из Варшавы, директор — Мирослав Хоецкий, а художественный директор — Магдалена Лазаркевич. Главный приз — «Золотого варшавского Феникса» — получил израильский «Консерватор» режиссера Иоси Мадмони. Фильм рассказывает историю владельца мастерской реставрации древностей и таинственного гостя, который появляется в его жизни. «Серебряного варшавского Феникса» жюри под председательством известного документалиста Анджея Титкова присудило фильмам «Отсутствующий отец» (режиссер Яир Элазар), «Моя Австралия» (режиссер Ами Дрозд) и «Аля из букваря» (режиссер Эдита Врублевская). Последний из названных — это документальный фильм, который знакомит с личностью умершей в 2008 г. Алины Марголис-Эдельман, врача, гуманитарного деятеля, в частной жизни — жены Марека Эдельмана. Когда-то она послужила прототипом

Али из самого знаменитого польского букваря Мариана Фальского.

А польский художественный фильм «Моя Австралия» — это история двух братьев, воспитанных в послевоенной Польше и не отдающих себе отчета в своем еврейском происхождении. После мартовских событий 1968 г. семья покидает Лодзь. Мальчики убеждены, что едут в Австралию, но настоящая цель поездки — Израиль, где братья должны приспособиться к новой среде и культуре.

Одну из специальных премий — для фильма, лучше всего показывающего современную еврейскую жизнь, — варшавская еврейская община присудила фильму «Луна — еврейка» (название почерпнуто из песни Мартина Светлицкого). Герой этого документального фильма Михала Ткачинского — Павел Брамсон, когда-то неистовый футбольный болельщик и крайний польский националист, а сегодня ортодоксальный иудей.

Фестиваль проходил с 25 по 29 апреля в варшавском кинотеатре «Муранов».

В Кракове прошел V Международный фестиваль независимого кино «Off Plus Camera». В главном конкурсе победил фильм «Teddy Bear» датского режиссера Мадса Маттисена.

В конкурсе польских художественных фильмов победила лента Лешека Давида «Ки» — история современной девушки, жадной до жизни, не признающей ограничений и громко заявляющей, чего она ждет от мира. Прекрасный образ создала в нем Рома Гонсёровская, награжденная за эту роль на прошлогоднем фестивале в Гдыне. «Рома Гонсёровская играет молодую женщину, какой, пожалуй, еще не было в польском кино, — писал в «Политике» Здислав Петрасик. — Мать, но отнюдь не с большой буквы. По правде сказать, случайная, но все же старается, как может, сделать свое дело, пользуясь — часто слишком нахально — помощью знакомых». Краковский «Off Plus Camera» — один из крупнейших фестивалей Восточной Европы, полностью посвященных независимому кино.

Лауреатами возобновленной после семилетнего перерыва Премии художественной критики имени Ежи Стауды стали критик молодого поколения Кароль Сенкевич и Дорота Ярецкая из «Газеты выборчей». Премия за совокупность достижений присуждена Анде Роттенберг. Премия носит имя Ежи Стауды (1936–1992) — живописца, графика, художественного критика,

одной из самых значительных фигур культурной жизни Варшавы.

Премия была учреждена в 1992 году. Лауреату вручают одну из оригинальных работ Стаюды, выбранную из его наследия. Учредители премии — семья художника и Национальная галерея искусства «Захента».

Дорота Ярецкая, лауреат премии имени Стаюды, поместила в «Газете выборчей» полную возмущения и горечи статью под названием «Позор вместо музея». Речь идет о Музее современного искусства, который должен был появиться в центре столицы. Но не появится. «Власти Варшавы разорвали договор с архитектором Музея современного искусства Христианом Керецем, — пишет Ярецкая. — Против него направлен иск. Что в нем? Вчера не хотели говорить. Пока заняты черной пропагандой: швейцарский архитектор — де отверг условия, которые предлагал ему город, требует слишком много денег, опаздывает, не выполняет поручений. Это невероятная демонстрация неприязни. Не первый раз в этой истории, но точно уж последний, представляют Кереца как демона, лентяя и лгуна, к тому же еще и жадину — этот человек посмел потребовать гонорара. Потому что хороший иностранец — тот, кто работает на нас бесплатно, ибо им, а не нам достался “план Маршалла”». Город расторг договор и требует от Кереца почти 5,5 млн. злотых неустойки. По мнению Ярецкой, это диффамация. Потерян шанс, обмануты надежды.

«Вокруг строительства этого музея удалось построить окружающую среду. Музей современного искусства, действующий во временном помещении, в нынешнем году организует выставку Алины Шапошников в нью-йоркском «МоМа», — напоминает Дорота Ярецкая. — Музей, первым из музеев нашей части Европы, будет сотрудничать с «Tate Modern». Президент Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц не понимает, что теряет, не знает, какие надежды внушал этот проект, как много уже сделано, сколько музей принес Варшаве и Польше. Это всё неважно. У нас власть, которая по собственному хотению и вопреки ожиданиям граждан убила проект Музея современного искусства».

Кажется, что много еще воды утечет в Висле, пока Варшава дождется культурного центра, сравнимого с парижским Центром Помпиду, мадридским «Paseo del Arte», «Tate Modern» в Лондоне или Музейным районом в Вене.

Прощания

25 апреля в Варшаве умер Марек Кравчик, издатель, деятель демократической оппозиции в период ПНР, сотрудник парижской «Культуры», создатель Товарищества попечения над архивом «Института литеацкогo» в Париже, в последнее время председатель Программного совета Польского телевидения. В прошлом году он был награжден офицерским крестом ордена Возрождения Польши.

В 90-е годы он был одним из основателей Польской книжной палаты и Альянса издателей исторической книги. Исполнял также функции вице-председателя правления Фонда помощи польским библиотекам. Когда началась серьезная болезнь сердца, а сложная операция могла быть выполнена только в Париже, сообщество людей книги — издатели, а также редакции газет и журналисты — собрали средства на эту дорогостоящую процедуру. Это показывает, какой симпатией и уважением пользовался Кравчик в книжном мире. Как многолетний председатель Товарищества попечения над архивом «Института литеацкогo» в Париже, он вложил много сердца в помощь «Культуре». Он не только заботился о публикации материалов о «Культуре» и о популяризации политической мысли Ежи Гедройца, но помнил об именинах, юбилеях, добывал деньги на ремонт в Мезон-Лаффите. Он был чрезвычайно предан этой среде. После смерти редактора «Культуры» была учреждена премия газеты «Жечпосполита» имени Ежи Гедройца. Марек Кравчик был одним из инициаторов этой премии, а также членом ее капитула.

Когда не стало Гедройца и Зофьи Герц, его отношения с Мезон-Лаффитом усложнились, он был беспардонно отстранен. Пережил это тяжело. Как написала в «Газете выборчей» Магдалена Гроховская в воспоминаниях, озаглавленных «Марек Кравчик, хранитель памяти “Культуры”», «в 2010 г. Товарищество попечения перестало существовать. Кравчик работал в Программном совете Польского телевидения, стал председателем совета, но потерял кураж. Пренебрегал запретами врачей. Умер неожиданно, в день своего 56-летия».

9 мая в Варшаве в возрасте 79 лет умер Анджей Чечот, выдающийся автор сатирических рисунков, иллюстраций, мультипликационных фильмов. Родился в 1933 г. в Кракове, окончил катовицкий филиал Краковской академии изящных искусств по факультету графики. Дебютировал в 1956 г. в еженедельнике «Шпильки», но публиковался также в западных сатирических журналах, в частности в немецком «Пардоне», французском «Харакири» и американском «Нью-Йоркере».

Во время военного положения был интернирован. В 1982 г. эмигрировал в США, где сотрудничал со многими изданиями, в том числе «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йоркером» и «Уолл-стрит джорнал». Он принадлежал к плеяде выдающихся польских графиков-сатириков, которые в семидесятые годы высмеивали мирок ПНР. «Газета wyborcza» вспоминает: «Коммунистическая власть его ненавидела, интеллигенция любила. Он обнажал идеологическую напыщенность властей ПНР и их лицемерие. В своих работах был смелым, злым, бескомпромиссным. Графиками более молодых поколений воспринимался как гуру».

В девяностые годы, по возвращении из эмиграции, Анджей Чечот жил в Варшаве. Печатался в «Политике» и еженедельнике «Не» («Нет») Ежи Урбана.

ПАМЯТИ АСАРА ЭППЕЛЯ

Я впервые увидел и услышал Асара Эппеля в 1970 году. Он вошел для меня в ту плеяду как бы «старших братьев», переводчиков-погодков — назову Анатолия Гелескула, Владимира Британишского, Грейнема Ратгауза, Андрея Сергеева, Евгения Солоновича, Вадима Козового, — на которых я, начав тогда понемногу переводить сам, конечно, оглядывался и у которых тому или иному исподволь учился. В позднейшем интервью Елене Калашниковой Эппель, говоря о переводческих занятиях, несколько раз называет их изысканными и вместе с тем монашескими. Это его как-то передает.

Если кому из помянутых переводчиков и подошло бы звание «мастер», то, конечно, в первую голову Эппелю: и цветаевское «я знаю ремесло», и мандельштамовский «хищный глазомер простого столяра» — про него. Хотя считать себя «простым» он бы вряд ли согласился — скорее ювелир, мозаичист или краснодеревщик. А еще вернее — говоря его собственным лексиконом, «штукарь».

Эппеля, и поэта, и прозаика, привлекал непривычный ритм, выпуклая деталь, под углом поставленное слово, всё так или иначе выбивающееся из ряда, но не хаотическое, а отсылающее к другому строю — более затейливому, узорчатому и притягивающему этим внимание. Это был словесный и смысловой порядок, который хочет быть видим (рискну назвать его барочным). Но, вместе с тем, Эппель как автор, да, кажется, и как человек предпочитал стушеваться, выдвинув вперед вместо себя ту самую упоминавшуюся выше броскую деталь, острое словцо, силлабический перебив. Он всегда был продуманно, но слегка небрежно одет, чуть церемонен в беседе, заботлив в движениях и выражениях, но смягчал это юмором и не лез на первый план, в некий фокус воображаемого фотоаппарата.

В нем — нечастая вещь во взрослом — просвечивал подросток. Как все подростки, Асар мечтал о другой стране. Он искал ее в Дрогобыче Бруно Шульца, Люблине Исаака Башевиса Зингера, Кракове Виславы Шимборской — наконец, создал ее сам из московской окраины собственного детства. Туда, на Травяную улицу, он теперь вернулся. И вместе с нею останется в нашей памяти, пока эта память будет жива.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛЬША АСАРА ЭППЕЛЯ

Сам Асар Исаевич, не доживший до выхода своей последней книги совсем чуть-чуть, успел подготовить ее к печати и написать в предисловии к ней, что названа она «задиристо и самонадеянно»: не просто полониана, а «моя», собственная! И всё-таки это высказывание в гораздо большей степени отражает внутреннюю стилистику самого Эппеля, чем характеризует сборник его польских переводов. Перед читателем — именно персональная, внутренняя, избранная Польша одного русского переводчика. Его параллельная жизнь. Его, как он признался в том же предисловии, полвека — и пять столетий польской поэзии, во множестве ее стилистических регистров и интонаций: от ренессанса до современности. От Миколая Рея, вся жизнь которого уместилась в XVI век, с его витиевато-сочными возрожденческими скабрёзностями, до эппелевского ровесника Станислава Гроховяка, горького сновидца, умершего сорокадвухлетним в середине 1970-х. Между ними — и «анонимная мещанская поэзия» польского Ренессанса, и разнообразно представленные поэты барокко (не слишком известные нашему читателю — многие ли, в самом деле, помнят сейчас давний БВЛ овский том «Европейской поэзии XVII века», где польский раздел — целиком эппелевский?) и представленные заметно более сдержанно — но и более известные русскому интересующемуся человеку — польские романтики (собственно, двое: Адам Мицкевич и Густав Зелинский). Конечно, Леопольд Стафф (небольшое его «Избранное» — чем Эппель всю жизнь гордился — он перевел и издал ещё в 1971 году); разумеется, Юлиан Тувим, Тадеуш Ружевиц, Констанций Ильдефонс Галчинский; безусловно, Вислава Шимборская — пожалуй, главная героиня Эппеля-переводчика, «поэтичнейшая из мудрейших», которой, считал он, «нет аналогов в русской поэзии», — а она не раз повторяла, что лучше Эппеля на русский язык ее не переводит никто. История польских смыслов, неотделимая от истории отношений с Польшей самого автора переводов. Важно, что теперь это наконец собрано вместе и может быть воспринято в целом — до сих пор переводы Эппеля оставались рассыпанными по разным изданиям. Это — первое «Избранное» Эппеля-переводчика.

«Полониана», строго говоря, — лишь одна из его параллельных жизней, ветвистых и множественных. Он — и это еще помимо того, что писал сам: и стихи, и мало на что похожую, сочную, штучную прозу (слава Эппеля-прозаика, говорят, в последние годы даже затмила его известность как переводчика), — переводил многое, многих, с разных языков. Петрарку и Боккаччо (и получил за это, к слову сказать, одну из важнейших итальянских премий «Гринцане Кавур»), Брехта и Кипплинга, Пазолини и Башевиса Зингера, американцев и ирландцев, шотландские баллады и сербские песни. И всё-таки польские авторы и польская культура занимали в его жизни особенное место.

С переводов польской поэзии он начинал. Книгой польских поэтических переводов он с нами простился. Так что этот сборник можно смело считать еще и автобиографией Эппеля, суммой его жизни, пересказанной текстами других авторов, — зато его собственными, особенными, эппелевскими русскими словами, словами с интенсивной культурной памятью.

В испарине коней, в глазах коров степенных,

Во влажном запахе гнилого стога

(Теплом дымят вдали трясины лога)

Была пора твоих мечтаний сокровенных.

(Станислав Гроховяк)

Здесь дело не только в личной и родовой памяти переводчика, хотя с Польшей его связывала и она. Москвич с рождения, он вначале не знал польского языка, но слышал его: мать Эппеля, выросшая в Люблине, часто напевала тамошние песенки, вставляла в русскую речь польские словечки и поговорки: «як пить, то шампана, як кохачь, то пана», «вольнощь Томку в своем домку». Возле веселого Люблина, в Майданеке, погибла бабушка Эппеля и три его тётки с маленькими детьми.

Важна тут и особость того места, которое занимала Польша в жизни наших соотечественников второй половины XX века. Она вообще была «параллельной жизнью», приоритетными ресурсами Иного для многих — и ровесников Эппеля, и более младших. Об этом, в том же предисловии, немного рассказывает и сам Эппель. Его полувековая «полониана» — это еще и отчет русской культуры XX века самой себе в некоторых своих если не корнях, то во всяком случае — источниках и стимулах.

«Нас завлекла, — вспоминает он в книге о времени своей молодости, — польская культурная экспансия» — уже третья по счёту после «проникновения на Русь поэтических приёмов и стихосложения» и «увлечения Пшибышевским и тогдашними сарматскими прозаиками». В шестидесятые «многие наши молодые пытливые граждане» начали — и продолжали, кажется, до восьмидесятых — выписывать польскую периодику — тогда как раз стало можно, — читать по-польски «и, конечно, думать». Думать по-русски, но с уже, видимо, неустранимой польской компонентой. Среди молодых и пытливых тогда как раз, к счастью, оказались — например — Бродский и Эппель. Мы в очередной раз получили основания для благодарности польской культуре за русское слово, — мир, представленный сборником Эппеля в избранных текстах, безусловно имеет отношение и к нашей культурной генеалогии.

Пик популярности (и даже прямо — моды) на польское и польскость, с ее преувеличениями и пристрастиями, теперь уже явно и безнадежно позади. В определенном смысле это и к лучшему. Значит, теперь уже есть возможность рассмотреть Польшу и ее смысловое наследие в их самооценности, без сиюминутных напластований (в случае советских шестидесятых-восьмидесятых — напряженно-идеологизированных), без — насколько возможно — собственных ценностных проекций.

Кстати, ценностные проекции — вещь, при всём их, без сомнения, искажающем воздействии на объект проекций, замечательная, — независимо от того, насколько автору этих строк были некогда близки и милы польские увлечения русских умов (а близки и милы они, признаюсь, были — и не так уж перестали). Домысливание, как ни странно, умеет способствовать пониманию. Популярность создает тягу, стимулирует внимание к своему предмету; помогает освоить, усвоить то, что некогда казалось чужим: переволновавшись «чужим», прочитайте его как имеющее отношение к нам. Вряд ли сейчас у польской литературы много русских читателей. Много ли их будет у эппелевского сборника? Во всяком случае это, несомненно, будут те, кому действительно интересно.

Тем более, что перед нами — еще и явление русской поэзии.

Асар Эппель. Моя полониана. Переводы из польской поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 448 с.

«МОЙ МИЛОШ» НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ

«Мой Милош» продолжает добрую традицию: переводчики, много и плодотворно работающие над стихами любимых авторов, выпускают книги с их произведениями и статьями о них. Давно стал значительным литературным фактом «Мой Уитмен» Чуковского. В недавнее время так поступал Григорий Кружков — и в результате мы имеем «его» Йейтса, Дикинсон, Шеймаса Хини (пусть эти книги и называются не так). Татьяна Баскакова и Марк Белорусец выпустили «своего» Целана. Ближе к этому стоят издания переводов поэзии «моей» страны: от «Моей Армении» Веры Звягинцевой до новой и, увы, посмертной книги Асара Эппеля «Моя полониана», где представлена польская поэзия от Миколая Рея до Виславы Шимборской и Станислава Гроховяка. Есть, таким образом, та верность поэту, сродни любовному чувству, которая позволяет переводчику сказать о переводимом: «мой» (заметим — не только переводчику о переводимом: «Мой Пушкин» Цветаевой, возможно, дал образец для таких названий). Первая строка стихотворения Горбаневской, вынесенного на заднюю сторону обложки, — «И тогда я влюбилась в чужие стихи...» Но это же «мой» означает и субъективность: я смотрю на поэта так; вы можете смотреть иначе, а я — так, и предлагаю вам посмотреть, как я. Понятно, что эта схема слишком упрощена и едва ли в точности осуществима, но она напоминает о многозначности подобного заглавия, о связанной с ним ответственности. А может быть, и сообщает о том, что другого варианта быть не могло.

Только что вышел еще один «Милош одного человека» — «Избранное» в переводах Анатолия Ройтмана. На наш взгляд, в книге Натальи Горбаневской польскому поэту повезло куда больше; ройтмановские переводы часто слишком буквальны, хотя поздний Милош к этому располагает (так, в двух переводах «Богословского трактата» — перевод Горбаневской впервые опубликован в «Новой Польше» в 2002 г. — есть много буквальных совпадений, что вызвано, очевидно, желанием наиболее точно передать мысль поэта). Остановимся на «везении». Горбаневская упоминает фразу Иосифа Бродского, сказанную о переводе «Поэтического трактата»: «Чеславу повезло. Тебе — тоже». Видимо, это должно отражать

взаимоотношения двух поэтов — Милоша и его переводчицы; но следует помнить, что за везением стоит долгая и тяжелая работа, иногда отчаяние («сама себе горестно вздохнула: не перевести»); «первый вариант перевода вышел у меня невероятно хромым — в нем лишь просвечивал намек на гениальную поэму»). Вот первая часть «Трактата» с медлительным, немного ироничным — это наряду с признанием, что «там наш стиль родится», — описанием жизни довоенного Кракова, его поэтов и в целом — довоенной Европы: «В плащах широких важно шли поэты». Читательское ли знание замысла «Трактата» или авторское знание в его воздухе — что-то подсказывает, что сейчас повествование сорвется в другой ритм, хотя вроде бы перед нами останется тот же ямб. На наш взгляд, полную силу русский текст «Трактата» обретает начиная с третьей части поэмы — волей-неволей подумаешь: не оттого ли это, что осмысление громадного для жизни Милоша события войны здесь совпадает с осмыслением переводчицы.

*В полях живые от себя самих
Бежали, зная, что столетье минет,
Пока вернутся. Впереди зыбучий
Песок, где превращаются деревья
В ничто, в анти-деревья, где границ
Нет между формами, где напрочь рухнул
Тот дом золотой, то слово б ы т и е ,
И — с т а н о в л е н ь е с этих пор у власти.*

(Так спрессовываются мотивы более раннего стихотворения «Бедный христианин смотрит на гетто» — чтобы уступить место другим разворачивающимся мотивам.) Далее трактат из монологического становится полифоническим, в него входят другие тексты — песня из Варшавского гетто, колядки, цитаты из Мицкевича; и другие ритмы (балладное «Когда обмотают мне шею веревкой...»). Всему этому Горбаневская находит соответствия; так, для песни из гетто «Зима пройдет...» пришлось пожертвовать «песенным» хореем (хорей далеко не всегда «песенный», но здесь это так), однако ямбическое решение позволило сохранить краткость и афористичность.

«Чеславу повезло», кроме всего прочего, потому, что Горбаневская составила комментарий к «Поэтическому

трактату» и взяла (сама у себя) интервью о нем — в этом интервью она дала, на наш взгляд, замечательную в сжатости и одновременно полноте трактовку композиции поэмы.

«Поэтический трактат» открывает книгу — но назвать его центральной публикацией тома не получается, потому что и стихи, и эссеистика важны не менее. Так, примыкающие по замыслу Горбаневской к «Поэтическому трактату» «Особая тетрадь: Звезда Полынь», «Шесть лекций стихом» и «Богословский трактат» представляют другого Милоша хотя бы с точки зрения формы: как указывает Горбаневская, поздний Милош в пространных композициях часто чередует стих и прозу. Но замечательно и то, что разговор в этих трех произведениях — в большей степени, чем в «Поэтическом трактате», разговор «от себя»; «Трактат» по преимуществу — монолог, но монолог эпический, направленный вовне (пусть и окрашенный трактовками, размышлениями, символами). «Особая тетрадь» и «Богословский трактат» — монологи внутренние; их стержень — разговор (иногда спор) с самим собой. В случае с «Богословским трактатом» это вроде бы противоречит историческим условиям заявленного жанра: говорящий проповедует не другим, а себе (но стоит вспомнить, например, труды Августина, и противоречие снимается). Разговор на «я» у Милоша может сменить разговор на «мы»:

*Когда мы жалуемся, что земля — прихожая ада,
то вообразим: могла бы она быть настоящим адом,
без единого проблеска красоты и добра.*

Решение переводчицы здесь — максимально близко следовать за оригиналом, делать почти-подстрочник. Но все-таки не подстрочник: русская фраза должна остаться русской фразой.

Вообще манера Милоша, менявшаяся с течением лет (исторический символизм «Поэтического трактата» и многих стихов 1940-х — совсем не то, что лапидарность «Последних стихотворений»), сильно отличается от манеры Горбаневской, которая для перевода таких текстов, как «Богословский трактат» или «Первое исполнение», должна принаравливаться к совершенно другому дыханию. (То, что в переводческой работе Горбаневская способна сохранять собственное дыхание, доказывает ее недавний перевод «Луковицы» Шимборской.) Разумеется, речь не только о нерегулярном стихе: известнейшее «Który skrzywdziłeś» («Ты человека простого измучил...») требует тона лапидарной инвективы.

Все позабудут — запомнит поэт.

Можешь убить его — явится новый.

Будет записано дело и слово.

Лучше уж выбери крепкий еловый

Сук, и веревку, и зимний рассвет.

Количественно прозаических текстов в «Моем Милоше» больше, и это кажется нам существенным плюсом книги: если в России хорошо известно, что Милош — поэт, то его проза, эссеистика и публицистика остаются в тени, хотя и краткие эссе «Придорожной собачонки», опубликованной по-русски в 2002 году, и «Порабощенный разум» (2003), и только что вышедшая в «Издательстве Ивана Лимбаха» «Долина Иссы» заполняют этот пробел. Горбаневская перевела эссе, которые различны по тематике, но объединены всегдашним, манифестированным и в Нобелевской лекции, желанием Милоша донести до мира — сделать не-мелкой частью мирового опыта — то, что было важно для него и повлияло на его становление: дружбу с Юзефом Чеховичем и Ежи Гедройцем; свою принадлежность одновременно к польской и литовской культурам; любовь к Достоевскому и постоянное чтение его книг. В значительной части этих эссе прослеживаются контуры книги о Достоевском, которую Милош так и не собрал воедино: к теме «Бесов», романа, который, по мнению Милоша, характеризовал все XX столетие, примыкали другие: Мицкевич, Сартр, Сведенборг и, в конце концов, проблема русскости. Размышления о ней вылились в одну из последних книг Милоша — «Россия».

Естественным образом для русского переводчика тема «Милош и Россия» должна быть привлекательна, и Горбаневская выбирает тексты, показывающие сложность отношения польского поэта к России: от безусловного неприятия советского тоталитаризма, от горечи осознания исторической роли России в судьбе Польши — настолько самоочевидной, что она выражается без какого-либо надрыва, — до замороженности русскими стихами, их просодией, их мелодикой. («Русская литература была массовым предметом поклонения в стране, где, не забудем, СССР считался врагом *par excellence*» — Ежи Помяновский в статье «Милош и бесы»).

И весьма сильным завершающим аккордом звучит здесь статья Адама Поморского, восстанавливающая справедливость в отношении Осипа Мандельштама, к которому в одном из своих

поздних текстов Милош отнесся с пренебрежением. Горбаневская пишет, что за перевод этой статьи берется «с горечью», но не может не включить ее в книгу «просто в силу того, что такое для нас Мандельштам» и «в силу того, что такое для меня Милош». Эта оговорка, судя по всему, была Горбаневской необходима по ее внутренним соображениям («мой Милош!»). Однако, как нам представляется, читателю такой финальный аккорд в любом случае был бы интересен: мнение Милоша, идущее вразрез с общепринятым, и отповедь поэту со стороны Поморского — всё это показывает, что слово Милоша оставалось значимой, живой частью польского культурного процесса и тогда, когда поэту было уже за восемьдесят. (В этом свете стихотворение «Девяностолетний поэт подписывает свои книги» выглядит слишком уж спокойным/трезвым, хотя это только первое впечатление.)

Вместе с тем Россия, безусловно, не главная тема эссеистики «Моего Милоша» — и переводчица, очевидно, не ставила перед собой подобной задачи. Если все же поставить цель выделить здесь главное, то — в общем — прозаическая часть (как, кстати, и «Поэтический трактат», хотя это не единственное его измерение) представляет историософию Милоша. Важнейший текст — эссе «Опыт войны», глубина которого тем восхитительнее, что оно написано в 1942 году; Милош, таким образом, умел анализировать ситуацию и просчитывать ее гуманистическое измерение — на ходу, в экстремальных условиях, будучи ограничен непосредственными переживаниями («мы осуждены читать в себе самих») и довольствуясь историческими и литературными аналогиями (наполеоновские войны, «Война и мир» — параллели к рассуждениям Толстого о силе, движущей народами). Выбор Горбаневской, который едва ли складывался как единый замысел, тем не менее рисует эволюцию историософских взглядов Милоша. В тексте «Увы — благородство» (1984)^[1] мы наблюдаем, как они сплетаются с его философией творчества («Где-то в глубине у меня таится сомнение, может ли поэт быть доброжелателен по отношению к обществу... любое общество, в котором он живет, неизбежно противоречит его сердечным потребностям»). Это высказывание на самом деле ближе к аскезе, чем к романтической позе. Поздние стихи Милоша также демонстрируют возвышение над ситуацией, отказ от страсти вовлеченности (ее заменяет беспристрастность анализа) — однако же им доступна внутренняя дрожь, почти экстаз, не связанный с внешним:

Спасенный от почестей и благ,

Спасенный от счастья и забот,

Спасенный от жизни и продления жизни,

Спасенный.

Небольшая, но существенная часть книги — тексты самой Горбаневской о Милоше. Они выделены в подраздел, но, кроме этого, есть еще предисловия и пояснения к «Поэтическому трактату». Что Горбаневской в Милоше важно? Из центрального текста подраздела — «Поэт в поисках действительности» — можно понять, что это однозначность нравственного выбора и душевное здоровье (что, вероятно, означает — здравомыслие). Что же, эти качества действительно сопутствовали Милошу, освещая его стихотворения — от страстных, хрестоматийных «Campo di Fiori» и «Ты человека простого измучил...» до иронического (и самоироничного) «Девяностолетний поэт подписывает свои книги».

Поторопленные прошлогодним милошевским юбилеем, в России выходят всё новые книги поэта; возможно, скоро Милош будет весь переведен. Он приходил в Россию фрагментами, вразнобой — но в том, что это всё-таки случилось, очень большая заслуга Натальи Горбаневской.

-
1. Должен отметить две неточности в переводе этого текста: героя романа Джойса «Портрет художника в юности» зовут не Стефан Дедалус, а Стивен Дедал; латинское «non serviam» из того же романа в книге превратилось в «not serviam», но это, видимо, опечатка. Из других неточностей книги, редакторских недочетов — персонаж комиксов Тантан (в русской традиции его принято называть Тинтин) и выражение «свобода мысли, слова и предприимчивости» (очевидно, имеется в виду — предпринимательство).

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Мне давно уже хотелось сделать обзор наиболее амбициозных периодических изданий, определяемых — по-моему, неверно — как правая пресса. Более обоснованным будет пользоваться в этом случае термином «национально ориентированная пресса», что, в общем-то, правизны не обозначает или, во всяком случае, не должно обозначать. Однако мы всё еще живем в пространстве, где доминируют языковые ловушки, поставленные на нас в период коммунизма, когда понятия «национальный» и «правый» в результате идеологических манипуляций были неразрывно связаны между собой. Отсюда и немецкая нацистская система, настойчиво представляемая у нас под вывеской «фашистской», связывается с правыми, в то время как даже сама партия Гитлера была весьма и весьма «социалистической» и «рабочей» (НСДАП — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия), что должно скорее ассоциироваться с левизной. И, наверное, пора от этого языкового обмана освободиться.

Обращаясь к этой группе журналов, следует подчеркнуть, что вне поля обзора я оставил медиа-концерн свящ. Рыдзыка, члена ордена редemptористов. Продукция концерна: «Наш дзенник», радио «Мария» и телевидение «Трвам» (единственное, транслировавшее подписание особого союза партии Ярослава Качинского с выброшенными из нынешней парламентской жизни партиями — «Самообороной» и Лигой польских семей) — составляет в Польше явление, заслуживающее отдельного рассмотрения. Тем не менее любопытно, что этот концерн пребывает в хороших отношениях с иными СМИ национального направления, такими как «Газета польская» и целый ряд изданий разной периодичности, не говоря уже об интернетовских порталах этой ориентации. Если принять во внимание факт, что многие журналисты определяют этот медиа-конгломерат как «самиздатский» и представляют его как репрезентацию «отверженных», действующих едва ли не в подполье, то тем более любопытно, как из месяца в месяц растет влияние «подпольщиков» и тиражи их изданий. Для репрессированных либералами не так уж и скверно.

В цитируемых ниже журналах мы отмечаем прежде всего публикации, преследующие цель формирования особой дефиниции польской национальной идентичности, — эта дефиниция призвана противостоять требованиям XXI века, несмотря на то что исходной точкой берется непрерывность религиозной (католической) и этнической традиции. Хорошим примером такого урока национальной мысли мне представляются материалы «апокалиптического журнала» под названием «Сорок и четыре». Эту цифру возвещает ксендз Петр из «Дзядов» Адама Мицкевича: «...Мать — из земли чужой... / А имя — сорок и четыре» (пер. В.Левика). Предполагается, что Мицкевич в этом числе, используя каббалистический шифр, назвал имя будущего спасителя Польши. То есть уже в заголовке издания мы сталкиваемся с мнением, что Польше необходимо спасение.

Конечно, вопрос о спасении Польши и поляков вписывается в более широкий, вселенский контекст, очертания которого можно найти во вступлении к очерку Рафала Тихого «Апокалипсис истории» (2011–2012, №3):

«Вопрос о промедлении пришествия Царства Божьего после прихода Христа — это вопрос о двух тысячах лет истории, о ее смысле, о том, почему она не закончилась, то есть почему и зачем продолжается далее. Таким образом, это вопрос из области богословия истории или даже шире — историософии. В сознании же христиан и, того хуже, также и христианских публицистов царит дефицит мышления о духе истории. Заботясь прежде всего о личном спасении и спасении самых близких, мы не ждем ни второго пришествия Господа на землю, ни окончания истории, нас не занимает ни жгучая проблема Его «грозной и неисповедимой» задержки, ни смысл или бессмыслица всё еще длящейся истории. Возможно, нам и хотелось бы иногда, в связи с особенно болезненными историческими событиями, спросить в контексте веры, почему так происходит, почему этот кошмар повторяется и где тогда был Бог, однако отсутствие точек опоры в богословских размышлениях и той катехизации, какую мы получаем, ведут к тому, что мы быстро отступаем и делаем вид, что проблемы нет, укрываясь за неисповедимостью горних приговоров. Эта тематика не только обычно отсутствует в наших частных разговорах, но также и осмеивается и вызывает замешательство в публичных дебатах.

Хороший тому пример — вновь и вновь возобновляемая дискуссия о Варшавском восстании. Она концентрируется на военном, политическом, даже этическом измерении этого

события, но любые попытки переместиться в сторону историософии немедленно оцениваются большинством публицистов как уход от серьезного разговора, безответственное, патологическое погружение в проблематику смерти. Так случилось недавно с «Kinderscenen» Ярослава Марека Рымкевича, который в интервью по поводу выхода книги очень остро, даже провокационно поставил вопрос исторической ценности героизма повстанцев и пролитой ими крови. Когда какое-то время назад Френсис Фукуяма провозгласил конец истории, заявляя, что либеральная демократия — это последнее слово в экономическом и общественном развитии человечества, он столкнулся с возражениями многих социологов и экономистов, которые не разделяли этой оптимистической картины, — а в сфере христианской историософии продолжалось молчание, как если бы с этой стороны данная тема не требовала никакого освещения. Когда, в свою очередь, знаток романтизма Анджей Валицкий обратился в одном из своих интервью к смоленской трагедии, он усмотрел в этом событии только «случайность», даже не дав себе труда задуматься над символическим контекстом трагедии.

Мы вообще обычно останавливаемся в молчании перед историческими катастрофами. Конечно, часто тайна истории требует от нас умолкнуть. Но молчание не может быть «последним словом» в отношении истории. (...) Кто же, если не ученики пророков и Иисуса, должен бы освещать историю? Кто имел бы на это большее право и был бы к этому более призван? Проблема задержки в приходе Христа ставит, таким образом, перед нами вопросы о смысле истории. И уж где-где, а на почве веры и мысли, основанной на Откровении, эта проблема должна ставиться и рассматривается. Ведь это Откровение и выросшая на нем иудаистская мысль подарили миру историю, но вместе с ней также и эсхатологию, показывающую смысл истории. Чтобы верить не вопреки истории, но неся ее бремя, и чтобы усматривать в ней смысл, Божий замысел, — необходима библейская вера, эсхатологическая и мессианская. Вера, которая под поверхностью истории видит ее апокалипсис».

В том же номере журнала Филип Мамхес, рассматривая область деятельности рок-музыканта Анджея Дзюбека, который пользуется в своих произведениях поэзией Циприана Камилля Норвида, в очерке «(Нео)мессианский рок — между варшавскими правыми и парижской мостовой» создает для нее вселенский контекст, дополняя свою рецензию более общими замечаниями:

«Если кто-то исходит из установки, что за патриотический поступок его ждет «щедро вознаграждающий мир», то он может болезненно разочароваться. И в результате инфантильно обидеться на свою страну. В то же время патриотизм — это не торговая операция. Не основывается он и на пребывании гордым «поляком-католиком», независимо от того, живем ли мы под немецко-советской оккупацией или в долгожданной Четвертой Речи Посполитой. Патриотизм — это служение, при котором следует считаться с возможностью личного поражения, в том числе такого, которое нанесут соотечественники, не понимающие того, что кто-то им служит. Это крестный путь. Если же, однако, мы выбираем «уютный мир», то нас ждет Сибирь. И речь здесь не исключительно о многовековой роли смертоубийственных преследований поляков московской и петербургской империей. «Вырвется кто же из вьюги смертельной, / Вернуться чтоб / В другую Сибирь — муки еженедельной, / Где вольному — гроб» («Сибирь», пер. Вяч. Вс. Иванова).

После 1989 года оказалось, что Сибирью для поляков может быть и Запад. Несмотря на общее цивилизационное продвижение общества как целого, для очень многих людей встреча с капитализмом и глобализацией, вдобавок в посткоммунистических условиях, оказалась банкротством и деградацией. Но Норвид пишет прежде всего еще об одной Сибири — той, что поработала род людской с момента первородного греха. Человек попал в такую Сибирь, когда он отвернулся от Бога и обратился к главному врагу — Сатане. Однако даже обращение к Богу (возвращение) не означает еще достижения Земли Обетованной. Сибирь — это наше земное бытие. И потому поражения в земном измерении, в том числе неприятие теми, кого мы считаем своими, самыми близкими, — неотъемлемый элемент нашего существования. (...) Норвид доводит до нашего сознания, что христианство не может быть функцией радикальных (якобы) политических действий, в том числе своеобразно понимаемого «сарматского» патриотизма, который на самом деле оказывается неоязыческим культивированием национальных героев. Такой патриотизм — это позиция, может быть, и благородная, ибо обращен к чести и отчизне (но не к христианскому Богу), но бесплодная. Вопреки тому, что провозглашают энтузиасты вешаний и резни (преимущественно на бумаге), Польша — это не самое важное. Самое важное — это Бог».

(Чтобы немного прояснить: автор имеет в виду книги Ярослава Марека Рымкевича «Вешание» и «Kinderscenen».)

А последний номер «Фронды» (2012, №62) в очерке Томаша Ровинского «Католик, не иди путем секуляризма» знакомит с его рассуждениями об отношении католиков к политике:

«Польша и верующие католики в Польше далеко не во всём вышли из-под плаща секуляризма, особенно в политике. Прибегнув к дуалистическому мышлению, Ярослав Говин пробовал некоторое время назад определить положение католического политика: «Весьма прискорбно, но политик — это не тот, кто занимается богословием и дает свидетельства верности своим убеждениям». В соответствии с такими заявлениями, верующие все чаще не могут найти своего представительства среди политического спектра. Слабость, даже бессилие католической элиты в Польше, за исключением арены внутрипартийных игр, лучше всего видны в интеллектуальной сфере. Достаточно присмотреться к католической прессе и публицистике, чтобы увидеть, что она почти не создает собственной политической или хотя бы метаполитической рефлексии. А даже если это происходит, то в большинстве случаев такая рефлексия имеет место на столь высоком уровне абстракции и обобщенности принципов, что только наиболее продвинутый читатель сумеет связать эти рассуждения с практической действительностью. Как соотносятся с текущей политикой категории мессианства, пророка или даже общего блага? (...) К тому же необходимо отметить, что случаи политической рефлексии и без того составляют небольшую часть интеллектуального продукта, создаваемого в редакциях или влиятельных католических кругах. В большинстве случаев мы встречаем три стратегии позиционирования себя в практической действительности; они — результат притяжения доминирующего секулярного мышления. (...) Первая исходит из принципиального отсутствия интереса к политике, то есть замыкает себя в пространстве проблем сугубо религиозных, в масштабах, дозволяемых светским мейнстримом (...). Вторая стратегия в ее главных чертах основывается на притяжении служебной функции по отношению к определенной политической роли в главном русле политической жизни, которое признается наиболее ценным по сравнению с иными. (...) Есть также третья позиция: стремиться преодолеть индифферентизм первой и сервильную ангажированность второй. Она создает на своих страницах открытый форум, в том числе метаполитический, на котором религия выступает как специфический арбитр, но не выносит, однако, никаких суждений о представленных взглядах или тихой сапой включается в стратегию номер два. Часто это происходит посредством ухода в политические ремарки, касающиеся эстетики высказывания на данную тему,

групповая принадлежность редакторов или подчинение общему эмоциональному настрою по отношению к партии и политикам, вне влияния оценки принципиальных вопросов католической политики, ясно выраженных в документах Церкви. В результате в каждой из этих стратегий христианство исчезает за горизонтом, его место занимает религиозный и политический либерализм или, возможно, языческая политическая религия. Так происходит, когда католики не имеют своего мнения — отодвигаются в сторону, служат мелким божкам или принимают чуждые идеи. Если именно таково фактическое положение вещей, то мы сталкиваемся с трагической интеллектуальной ошибкой. (...) Слабость христиан по отношению к общественным вопросам видна также в способе, каким описываются попытки христианской политической практики. (...) Власть, основанная на светском разуме, заинтересована, прежде всего, в получении власти, причем полной власти, без определения ее цели, за исключением только властвования. Так и польский светский мейнстрим не требует реального влияния католических принципов на облик закона. Достижение такого влияния возможно и тогда, когда силы невелики. Значение имеет репрезентация убеждений, а не только размах операционной машины, в которой неизбежным образом продолжается обычно ослабевающая игра секулярных интересов. Такую форму могло бы принять католическое мнение в Польше, если бы не оказалось в небрежении самостоятельное мышление о политике и не произошла бы своего рода политическая колонизация».

Читая вышеприведенные слова, а тем более полностью прочитывая журналы, из которых они почерпнуты, я получаю впечатление, что в тех кругах, где возникают цитированные статьи, царит не только убеждение в необходимости спасения Польши, сгибающейся под тяжкими ударами истории (наиболее очевидным выражением чего служат публикуемые этими журналами стихи, из которой можно составить очевидную уже антологию «постсмоленской поэзии» — таких особенно много можно найти в выходящем раз в два месяца журнале «Arcana») и мучающейся в перенесенной на Запад Сибири. Не пройдет мимо внимания читателя и вопрос, для элит этого круга самый существенный: невозможность выработки собственного идентификационного дискурса. Поэтому не удивляют апелляции или к «мышлению о духе истории» или к «католической рефлексии о политике». И потому под конец фрагмент обширного очерка Якуба Семянтковского «Национальное движение и правые»,

помещенного в «Политике народной» («Национальной политике», 2012, №10).

«В период начинающейся общественной мобилизации масс и радикализма национальное движение должно обратиться к своей просоциальной установке, лежащей в его основе. В риторике возрожденного польского национализма (как минимум, его главного течения) не должно быть и речи ни о возвращении людей к пассивности, в которой он угасал до XIX века, ни о добродетелях, якобы долженствующих возникать из ликвидации вмешательства государства в экономику. (...) То же касается и религиозности. Она должна быть страстной и переполняющей национализм так, как это было в национально-католических Национальной партии и в обоих крыльях Национально-радикальной организации, и при этом не впадающей в чрезмерный клерикализм. Нынешние секулярные времена, быть может, не в состоянии создать такого явления в массовом масштабе. Но давайте помнить, однако, что, написав «Церковь, народ и государство», Дмовский изменил подход всего молодого поколения к этому вопросу. Нет вещей невозможных, и уж точно — в этой сфере».

Это уж точно правда — как минимум, виртуальная. В конце концов, не случайно же журнал снабжен девизом: «...Завтра принадлежит нам!» Как минимум, так это выглядит в национальной прессе первой половины лета Господня 2012. Только почему у меня впечатление, что я читаю тексты XIX века?

ПОЛЬСКИЕ ПРУССАКИ

Фильм Войцеха Смажовского «Роза» о любви Тадеуша, бойца Армии Крайовой (АК), варшавского повстанца, и Розы Квятковской, мазурской девушки, которая предпочитала терпеть насилия и грабежи, чем уйти с родной земли, напомнил о трагедии мазурского народа — прусских поляков, которым после войны устроили кровавую баню. Только вот наверняка ли мазуры на самом деле были настоящими поляками? Как это бывает с народами пограничья — ничего не известно наверняка.

В «Розе» пастор, которого сыграл Эдвард Любашенко, говорит верующим: «Ваши предки прибыли сюда из разных стран, прежде всего из Польши». Это правда. «Мазурами» некогда называли жителей Мазовии. Крестоносцы, завоевавшие Восточную Пруссию (как впоследствии назвали этот край), перебив на границе с Польшей местные языческие племена балтийского происхождения, сохранили полосу пущи, своего рода санитарный кордон. А стягивать колонистов на земли сегодняшних мазуров начали лишь после 1525 г., когда орден подвергся секуляризации. Люди прибывали сюда отовсюду — отмечено даже присутствие французских гугенотов, — но доминировал польский элемент; поэтому и мазуры говорили на диалекте польского языка. Еще в XVII веке в Восточной Пруссии [по-польски — Княжеской] жила польская шляхта и мещанство, однако они быстро подверглись германизации.

Они молились по-польски

Польские мазуры сохранились по деревням, где жили компактными общинами. Немцами они не стали, но и поляками себя не чувствовали и, за исключением немногочисленных пропольских деятелей, по Польше не тосковали. «Хотя мазур знает и сам признаёт, что по-польски говорит, однако же редко услышишь из его уст, что он поляк, скорее он тебе ответит, что пруссак», — писал [в последней четверти XIX века] Войцех Кентшинский, польский исследователь истории мазуров.

Мазуры смешивались с немцами, литовцами, потомками языческих пруссов и другими народами. И чувствовали себя другими, потому что и были другими. «Мазуры набожны, работащи, они способные, потому что порядочны, серьезные,

потому что мыслящи, мало о себе разумеют, потому что люди дела, зажиточные, а потому неопасны, и предназначены первенствовать над народом нашим. Нету в них подлясской плутоватости, мазовецкого небрежения, хробацкого легкомыслия, силезской и великопольской сонливости — пороков, знаменующих наши племена», — писал о них польский путешественник Август Грабовский в 1844 году.

От немцев мазуры переняли этику труда, от протестантских миссионеров из Германии — религию. Мазуры в противоположность жителям Вармии были протестантами, главным образом евангеликами. Кентшинский вспоминал, что мазур «поляков уже хотя бы из-за религии не любит». Религия на протяжении столетий усиливала у них чувство обособленности от католиков из Польши. Но и от немцев они испытывали отчуждение. Наверное брали реванш за пренебрежение, которое к ним проявляли потомки пришельцев из Рейха. «Где кончается культура, там найдешь мазура», — говорилось в восточнопрусских городах. Немецкие исследователи подчеркивали типичные, по их мнению, славянские черты этого народа: суеверие, склонность к выпивке и беспорядку.

Однако протестантские пасторы льнули к мазурам, цenia их стихийную религиозность. Видя в них благодарный предмет миссионерства, пасторы часто обучались польскому. Мазуры долго имели контакт с польским языком, потому что в поветах, где они жили, его вплоть до 1871 г. можно было учить в школе. А когда обязательным языком преподавания стал немецкий, оплотом польского остались богослужения. Окончательно их запретили в июле 1940 г., но верующие всё равно тайно встречались по домам и молились по-польски.

Поляки, тем не менее, всё равно не считали мазуров своими — в фильме гэбэшник ругает бойца АК за то, что тот связался с немкой. Герой защищает Розу, говоря, что она из мазуров и говорит по-польски. Появляются также сведения, что главная героиня помогала в польской народной читальне. Гэбэшник знает лучше: из мазуров не сделать поляков. «Как они голосовали в плебисците? А ты знаешь, что НСДАП была в мазурских краях до того сильна, как ни в одном другом месте?»

Униженные бедностью

Действительно, в плебисците 1920 года мазуры и варминцы не голосовали в пользу Польши. В некоторых городках, например в Решеле, не нашлось ни одного голоса, отданного за нашу страну. В силу решения западных держав к Польше присоединили

только Дзялдово с окрестностями, и тем самым 18 тыс. мазуров оказались в Польше. До Второй Мировой войны две трети из них выехали на немецкую сторону. Проф. Анджей Саксон, социолог, автор книги «Мазуры. Община пограничья», пишет, что польские деятели припирали каждого из мазуров к стене. В учреждениях заявляли: определись — или ты поляк, или немец. А мазур этого не хотел.

Правда и то, что партия Адольфа Гитлера была чрезвычайно популярна в южной части Восточной Пруссии. В Нидзицком, Щитновском и Элкском поветах НСДАП получила свыше 60% поддержки, главным образом по социальным причинам. Эта наиболее выдвинутая на восток германская провинция была самой бедной во всём Рейхе. Большинство жителей было вынуждено выезжать на работу в Германию, обычно в Рурский бассейн. Люди чувствовали себя униженными бедностью, а Гитлер обещал ликвидировать безработицу и дать самым бедным провинциям дополнительное финансирование. Сам он, кстати, часто бывал в Вармии и Мазурии. Кроме того Гитлер говорил прямо: Мазурский край — это Германия.

Доказательства коллаборационизма

Часть мазуров была по горло сыта пренебрежением со стороны «истинных немцев», им хотелось стать гражданами первой категории.

— Гитлер в данном случае забывал об их по преимуществу славянском происхождении и признавал, что мазуры могут стать частью немецкой национальной общности. Это была награда, на которую до сих пор мазуры не могли рассчитывать, — говорит проф. Саксон. Когда Гитлер пришел к власти, в Мазурии начались большие общественные работы, там раздавали стипендии молодым людям, которых сильно накачивали нацистской доктриной. А мазурам постарше, говорившим по-польски, никаких неприятностей не чинили — в соответствии с принципом: что старое, то пусть умрет само.

Как и все мужчины в Третьем Рейхе, мазуры попадали в Вермахт. Часто их использовали в Генерал-Губернаторстве [на той территории оккупированной Польши, которая не была прямо включена в Рейх] в качестве переводчиков (так же как и силезцев), а это вызывало у поляков уверенность, что их побратимы стали предателями и выслуживаются перед гитлеровцами. Подлинная гекатомба этого народа началась зимой 1945 года. Отданный тогда приказ о массовой эвакуации населения из Восточной Пруссии закончился катастрофой —

погибло не менее полумиллиона человек, в том числе много мазуров.

Восточная Пруссия была первым немецким регионом, который захватили советские войска. И началась большая расплата — возмездие за немецкие преступления, совершенные на Востоке. Показанная в фильме сцена коллективного изнасилования советскими солдатами немецких и мазурских женщин (насилуемые лежали на морозе впритык друг к другу) правдива — на такие картины часто ссылались потом свидетели. Мужчин в возрасте 15–55 лет набивали в вагоны и вывозили на работы в Россию. По меньшей мере половина из них не вернулась. Некоторых убивали на месте — наряду с изнасилованиями это был любимый солдатский вид мести.

После бегства немцев начались также грабежи. Масштабы расхищения брошенного имущества, обирания покинутых домов и квартир, всяческого мародерства могут сегодня казаться неправдоподобными: воры даже разбирали дома, так как кирпич был в цене. Таким образом, например, в Пишском повете несколько деревень исчезло с карты. Случалось, что у расхитителей и мародеров имелись «документы», наделяющие их правом на реквизицию и выданные властями Варшавского воеводства, временами грабители приезжали в сопровождении милиции.

Но если у мазура только до нитки обобрали дом и хозяйство, а его самого оставили в покое, то он мог радоваться. В Мазурию начали прибывать переселенцы из-за Буга, а также крестьяне из северной Мазовии и Подлясья, которые силой вышвыривали мазуров из их исконных владений, унаследованных от отцов и дедов. В книге Анджея Саксона приводится сообщение проф. Виктора Стеффена, польского филолога, родившегося в Вармии: «Когда я приехал к своим сестрам, какой-то старый мазур обратился к властям местной госбезопасности с просьбой освободить из-под ареста его жену. Он рассказал мне обо всей геенне, через которую прошел вместе со своей половиной. Какой-то приезжий из Мазовии вопреки протестам вселился в его квартиру, заявив, что забирает у него всё хозяйство. И начал там распоряжаться, как в своем доме. Насиловал на глазах мужа его жену, а впоследствии обвинил легальных владельцев хозяйства в принадлежности к гитлеровской партии. Обоих супругов арестовали, но мужа через несколько недель освободили».

Защититься было трудно даже тем, кто до войны высказывался в пользу Польши и выбирал ее. Освальд Гуральский, житель деревни Стембарк, вспоминает сегодня человека из-под

Млавы, въехавшего в его родной дом. Доказательством сотрудничества Гуральского с гитлеровцами должны были послужить обнаруженные там книги на немецком языке, в том числе «Крестоносцы» и «Огнем и мечом» Сенкевича.

Эрвин Крук, известный мазурский писатель, живущий сегодня в Ольштыне, был лишен отцовского наследия более хитроумным способом: новые поселенцы позаботились о том, чтобы уничтожить старые книги регистрации прав на недвижимость, а в новую вписать свои фамилии. До сего дня суд не знает, как поступить, и дело тянется до бесконечности. Крук описал его в книге «Наследство» и радуется, что по крайней мере благодаря собственным разысканиям в приходских книгах хотя бы восстановил родословную своей семьи.

Огонек мазурского духа

Записей в книгах регистрации прав на недвижимость во многих случаях не меняли по причине самого обыкновенного разгильдяйства. Сегодня некоторые мазуры приезжают на старые места и требуют возвращения домов и хозяйств. Знаменитую Агнес Травны, которая получила назад свой дом в деревне Нарты, в СМИ изображали немкой, между тем как эта женщина, которая самостоятельно ищет исторической справедливости, родом из мазуров.

После таких испытаний мазуры уже не хотели оставаться в Польше. Большинство отказывалось подписывать бумаги о лояльности к новому государству и не принимало паспортов ПНР, чтобы иметь право добиваться выезда в Германию. В первые послевоенные годы туда отправилось несколько десятков тысяч мазуров, с момента оттепели 1956 года и до падения ПНР — еще 100 тысяч. В эмиграции у них не возникло никакой отдельной организации, так как этому противились другие члены «Союза изгнанных» — из числа тех, кто тоже вел свое происхождение из Восточной Пруссии. «Всё равно мазуры в Германии в любом случае стали стопроцентными немцами. Волю Гитлера исполнили до конца», — говорит проф. Саксон.

Сегодня в Польше обитает 6–10 тыс. законных жителей этой земли, больше всего — в гмине Сорквиты, где сохранился единственный деревенский приход Евангелической церкви Аугсбургского исповедания. Они-то и поддерживают последний огонек мазурского духа. Дачники из Варшавы шутят, что хотя мазуров осталось так мало, но настоящих легко распознать: они не пьют на работе и во всём проявляют солидность.

МИХАИЛ ЧЕХОВ В ПОЛЬШЕ

1. Выступления Михаила Чехова в Польше: 16–26 апреля 1933 года

В «Летописи жизни и творчества М.А.Чехова», составленной Мариной Ивановой, под датой 14 апреля 1933 г. зафиксирован факт приезда знаменитого артиста в Варшаву^[1]; сведения о его выступлениях в Польше автор приводит на основании тех сохранившихся в архивах телеграмм, которые Чехов отправлял из Польши жене. Марина Иванова установила, что во время гастрольных выступлений в Варшаве Михаил Чехов сыграл следующие произведения А.П.Чехова: «Ведьма», «Утопленник», «Забыл!!», «Торжество победителя», «Жених и папенька», «Свидание хотя и состоялось, но...», — а также сцену из «Преступления и наказания». Последняя телеграмма, которую привлекает исследовательница, носит дату 19 апреля; далее в Летописи указано, что в апреле–мае Чехов работал над постановкой «Ревизора» в Литовском государственном театре.

Ни программы, ни афиши представлений Чехова в Польше не сохранились. Однако из газетных сообщений и рецензий вытекает, что, во-первых, Чехов выступал не только в Варшаве, но и в Лодзи, а во-вторых, что его гастроли продолжались почти до самого конца месяца: согласно одной заметке в прессе, два выступления на сцене Городского театра в Лодзи прошли 25 и 26 апреля^[2]. В сценках по рассказам Антона Павловича Чехова выступили также, в частности, Александра Давыдова, Виктор Громов, И.Брандт, Б.Климов, Б.Кременецкий. Газеты сообщали, что во время следующих вечеров Михал (повсеместно употреблялся полонизированный вариант имени русского актера) Чехов «выступит (...) с полностью измененной программой»^[3]. Из русской газеты «Наше время» известно, что — кроме вышеперечисленного — Чехов и его коллеги показали еще, как минимум, две миниатюры А.П.Чехова: «Отец» и «Хороший конец»^[4].

А в Познани обещанные выступления «величайшего актера современной эпохи», чья «мастерская игра (...) везде вызывает невиданный энтузиазм», не состоялись — речь идет о представлениях, которые планировались на субботу и воскресенье 22 и 23 апреля в зале местного театра музыкальной комедии и характеризовались как «небывало интересные и

привлекательные в художественном смысле», а также как «одно из крупнейших театральных событий»^[5]. «Курьер познанский» от 22 апреля 1933 г. сообщал, что причиной отмены приезда Чехова в столицу Великопольши стала «невозможность получить право на въезд, несмотря на настойчивые усилия дирекции»^[6].

В Варшаве Чехов вместе со своей маленькой труппой давал представления в театре «Новости» на Белянской ул., 5. Состоялось пять спектаклей, начиная с пасхального воскресенья 16 апреля и вплоть до четверга 20 апреля. Объявления, анонсы и рецензии поместили многие столичные газеты: «Иллюстрированный курьер цодзенный» («Иллюстрированный ежедневный вестник»), «Курьер червоный» («Красный вестник»), «Курьер варшавский», «Курьер поранный» («Утренний вестник»), «Наш пшеглэнд» («Наше обозрение»), «Польска збройна» («Вооруженная Польша»), «Роботник» («Рабочий»), а также издававшиеся в Варшаве русские эмигрантские газеты, такие как «Русское слово», «Наше время» и «Молва».

1932–1933 годы — это период интенсивной работы Чехова в Латвии и Литве, который подробно описала Лийса Бюклинг^[7]. О выступлениях Чехова в Польше нигде, кроме уже упомянутой «Летописи», до сих пор не сообщалось, хотя сам Чехов помнил про свое путешествие в Польшу, о чем свидетельствует предисловие к русскому изданию написанной им книги «О технике актера». Но его спектакли в Варшаве и Лодзи прежде всего имели значение для польских зрителей — об этом русском актере высказывались такие известные личности из мира польской литературы и театра, как Эугениуш Сверчевский, Тадеуш Бой-Желенский, Виктор Брумер или, наконец, Якуб Аппеншляк — критик, главный редактор выходившей на польском языке еврейской газеты «Наш пшеглэнд».

Первое газетное объявление о предстоящих выступлениях Чехова появилось уже 6 апреля в газете «Польска збройна»^[8]; четыре дня спустя Эугениуш Сверчевский в той же газете опубликовал портрет актера в цикле «Актерские силуэты» — «Михаил Чехов. В связи с приездом в Польшу»^[9]. 16 апреля в «Нашем пшеглэнде» вышел другой очерк Сверчевского — «Михаил Чехов как актер и театральный деятель»^[10].

Сверчевский знал русский язык и оперативно отслеживал книжные новинки советских издательств, появлявшиеся на тамошнем рынке. В обоих своих очерках он ссылаясь на

опубликованную в Ленинграде в 1928 г. книгу Чехова «Путь актера» и писал, что она «представляет собой человеческий документ с необычайно интересной силой самоанализа»^[11]. Обе указанных публикации — отличающиеся одна от другой — компетентно представляют облик артиста; Сверчевский, явно находившийся под впечатлением от прочитанной книги, привлекает также многочисленные факты из жизни актера, в том числе рассказывает о его алкогольных проблемах, подчеркивая, что искусство помогло Чехову преодолеть депрессию и алкоголизм. В первом очерке он знакомил польского читателя с наиболее важными актерскими работами Чехова, созданными на сценах МХТ и МХТ 2-го, одновременно подчеркивая, что «Чехов — это крупное явление современного театра. Не только гениальная актерская индивидуальность, но и «в словесности ученый», не только художник-практик, но и теоретик, учитель, искатель новых путей, центр, кристаллизующий в себе чаяния самых лучших, самых глубоких актеров сегодняшней эпохи»^[12].

Прежде всего, однако, Сверчевский излагал особенно важные театральные идеи русского художника, указывая на их оригинальность и обособленность от других явлений русского театра и объясняя, в чем заключается чеховский проект будущего театра.

«Чехов пришел к выводу, что необходимо найти новую форму театра, новое его выражение. Он имеет при этом в виду театр духовно углубленный, мистический, освобожденный от оков приземленного натурализма. С этой целью Чехов рекомендует режиссуре пользоваться в слове и жесте совместным гармоничным взаимодействием театральной фантазии и декоративно-музыкальных элементов, чтобы раскрыть всю полноту исполняемого драматического произведения. Такой театр Чехов называет театром гармонии.

Чехов говорит: «Разные элементы драматического действия, жест, слово, фантазия, ритм, цвет, декорации, стиль обычно создают опасно не скоординированные связи. Поэтому мы стремимся открыть органические законы, которые ими управляют и руководят и применение которых позволит создать гармоническое целое. Мы хотим осуществить гармонию формы и духа, мы враги гипертрофии внешней формы и сторонники координации всех элементов в идеальной пропорции, композиции, которая может придать очарование спектаклю».

Мечтая о создании идеального театра, театра международного, Чехов движется дальше: «Много лет я мечтаю о создании свободного в путях своего развития театра образов, хотя с виду и реалистического, по сути своей далекого и от натурализма Московского художественного театра, и от Мейерхольда, и от исканий Таирова, — театра гармонии, абсолютной гармонии жеста, слова, мимики и красок в декорационном смысле. Театральное действие должно приниматься всеми зрителями одинаково интенсивно, и ради этой цели нужно найти абсолютную правду высокого морального и духовного напряжения». (...)

Чехов мечтает о театре, в котором исполнение артистов не должно зависеть от языка, на котором они играют. Должен возникнуть международный театр, построенный на ассоциациях между словом, жестом и фантазией. Эти три элемента в совокупности должны создать спектакль, понятный и для публики, не знающей языка, на котором играется пьеса»^[13].

Статья в «Нашем пшеглёнде» выдержана в таком же восторженном тоне. Здесь Сверчевский сосредотачивается не только на пути Михаила Чехова в русском театре, но и на его достижениях после отъезда из Советского Союза: на сотрудничестве с Рейнхардтом, а также с театром «Габима». Вспоминая о постановке шекспировской «Двенадцатой ночи»^[14] в 1930 г., он подчеркивает восторженный прием этой постановки немецкой критикой. И, наконец, возвращается к идее международного театра, вспоминая при этом о парижском периоде в деятельности русского художника и попутно переоценивая то влияние, которое Михаил Чехов якобы оказал на французский театр^[15].

Издаваемая на польском языке еврейская газета «Наш пшеглёнд» принадлежала к числу печатных органов, более всего открытых миру; там охотно публиковались материалы, касающиеся русского искусства как в Советском Союзе, так и в эмиграции. При этом — по очевидным причинам — особым интересом издания пользовались темы, касающиеся еврейской культуры. И как раз «Нашему пшеглёнду» Чехов дал обширное (по газетным меркам) интервью, озаглавленное «Пионер нового сценического искусства. Беседа с замечательным русским актером Михаилом Чеховым. Чехов о своем сотрудничестве с “Габимой” и о будущем “Габимы”» (беседу провел анонимный автор)^[16]. Первый из заданных вопросов касался репертуара выступлений в Варшаве. Вот ответ:

«Это вещи (...) совершенно новые для Варшавы, частично даже вообще не ставившиеся до сих пор на сцене, которые я сам выбрал из богатого наследия моего великого дяди. Чтобы разнообразить программу, я составил ее таким образом, что наряду с драматическими произведениями в ней найдут себе место и веселые, юмористические. Но и в них сквозь смех звучит серьезная нота, боль и сарказм»^[17].

Следующий вопрос относился к творческому пути Михаила Чехова. В его ответе мы можем, в частности, прочитать:

«Трудно разъяснить это в нескольких словах (...). Попробую выразить так. До сих пор было принято идти от частных к целому. Актер начинал с частных и лишь под конец мог действительно охватить духовное содержание пьесы и своей роли. Мы переворачиваем очередность. Надо начинать с духовного понимания пьесы и переживания роли. Надо создать целое в духовном плане. Только потом опускаешься к частностям постановки.

Кроме того, — добавляет г-н Чехов, — я делаю большой упор на значение музыки, слова и ритма в театре. Я убедился, насколько велика [их] роль, когда работал с труппами, играющими на таких совершенно чуждых мне языках, как французский, латышский, древнееврейский. (...)

— А каково ваше мнение о «Габиме»?

— Считаю самым существенным, что это коллектив, который трактует сценическое искусство очень серьезно, и благодаря этому их театр серьезен. Теперь, как мне пишут из Палестины, в «Габиме» сталкиваются два течения: одни хотят продолжать идти по прежнему пути — по пути, на котором «Габима» достигла таких замечательных результатов, другие проявляют некоторый оппортунизм, говорят о необходимости приспособиться, а скорее — опуститься до уровня публики. Что касается меня, я бы советовал не делать таких «уступок» и удерживаться на существующей высоте. Последние известия из Палестины успокоили меня в этом отношении. «Габима» по-прежнему останется подлинной выразительницей еврейской души.

— Судя по тому, о чем вы говорите, мы видим, что вы не порвали контактов с «Габимой»?

— Не только не порвал контактов, но, вероятно, в будущем году поеду в Палестину и буду там работать с «Габимой»^[18].

После первых выступлений артиста польская пресса не жалела похвал. Рецензенты подчеркивали большой наплыв зрителей, вызванный прежде всего актерским искусством Михаила Чехова, которое сравнивали с игрой Казимежа Юноши-Стемповского и Людвика Сольского, повсеместно считавшихся тогда самыми выдающимися польскими актерами. Это написал в газете «Иллюстрированный курьер цодзенный» Тадеуш Бой-Желенский^[19]. Попытку охарактеризовать феномен актерства Чехова предприняли также Виктор Брумер (в «Курьере поранном») и Якуб Аппеншляк (в «Нашем пшеглэнде»). Брумер обращал особое внимание на способность Чехова к трансформации:

«Чехов играет всем телом. В его исполнении характерно не только выражение лица, но и движения рук, ног, даже пальцев. В этом состоит своего рода актерская виртуозность, но актерское искусство Чехова не ограничивается такой виртуозностью. Его одушевляет взгляд в глубину человеческой души, основанный как на превосходной наблюдательности актера, так и на глубоком переживании. Школа Станиславского принесла здесь великолепный результат»^[20].

Самое обширное и самое пластичное описание актерского мастерства Чехова оставил Якуб Аппеншляк:

«Чтобы полнее показать себя, Михаил Чехов (...) выбрал цикл коротких рассказов своего дяди Антона Чехова. (...) Но это не этюды, а тщательно отделанные, композиционно законченные, в мельчайших подробностях отточенные произведения великого мастера прозы. В каждом таком коротком рассказе Чехова есть весь человек, драма или комедия в миниатюре. (...) Исходной точкой для образного представления действий, отношений, смешных сторон или трагизма жизни у Чехова служит (...) человек, «первый встречный». Характер представляет собой линзу, в которой сходятся лучи действительности и концентрируются в определенной точке в фокусе света.

В этом писательском стиле Михаил Чехов находит стиль своей игры, родство текста с типом актерского таланта. Действие менее важно, события имеют второстепенное значение. Человек высказывается частой сеткой характерных черточек, полным жестом или же полу- либо четверть- жестом, а то едва лишь намеченной склонностью к каким-то рефлексам. Михаил Чехов разбивает пластику действующего лица на атомы. То же он делает с текстом роли. Он разгрызает слова, дробит их, придает смысл каждой литере — высказывается не столько

содержанием слов, сколько способом их выговаривания. Дикция его так утончённа, так обдуманна в каждом пунктуационном движении, что доходит до изощренности — и извращённости. Кажется, что Чехов играет на своих голосовых связках-струнах, как виртуоз. Не всегда мы в состоянии уловить слухом такую изысканно изощренную вибрацию произношения. Моментами мы не понимаем актёра. Лишь наблюдаем, как он вытворяет со словами нечто невероятное, как взвешивает их во рту, давит, задерживает, превращает в звуки — хриплые, шипящие, свистящие. Тело его претерпевает столь же поразительные эволюции. В маленькой сценке «Ведьма», в сконденсированной драме пригожей жены дьячка, которую раздирает жажда любви, Михаил Чехов достигает необыкновенных эффектов пластики, корчится и извивается, будто змея»^[21].

А Эугениуш Сверчевский в рецензии, напечатанной в «Польске збройной», представлял Чехова не только как гениального «трансформиста», перебрасывающего себя в полярно контрастные фигуры, но и как «глубокого психолога», погружающегося «до самого дна в пучины человеческой души», дающего «в своих одухотворённых пластических откровениях глубочайшие течения человеческих переживаний». По мнению Сверчевского:

«Гениальный скульптор характеров творит не фикции, облечённые в зримые видимости жизни, но акты самоотречения, в которых он как крупная индивидуальность жертвует собой и пропадает без остатка»^[22].

В заключение этого обзора газетных откликов на искусство русского маэстро заглянем в русские эмигрантские газеты, издававшиеся в Варшаве. О предстоящем приезде Михаила Чехова сообщали — за несколько дней до начала выступлений — варшавская газета «Молва», которая напечатала, в частности, фотографию актёра в роли Ивана Грозного^[23], а также варшавско-виленская газета «Наше время», которая сравнивала Чехова с величайшими актёрами предшествующей эпохи: Элеонорой Дузе или Томмазо Сальвини^[24]. Чехова с нетерпением ожидали все круги российской эмиграции — его визит рассматривался в качестве исключительной возможности познакомиться с русским искусством; ведь в 30-е годы непосредственные культурные контакты Польши с Советской Россией по существу полностью замерли, да и русские эмигранты с Запада тоже редко приезжали в Польшу (хотя — надо это подчеркнуть — польская пресса незамедлительно информировала о самых важных событиях в

российском искусстве, в том числе также о театре). Артистические круги русской эмиграции в Варшаве были не слишком многочисленными. После отъезда из Польши в 20-х годах Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус, Александра Амфитеатрова наиболее активными русскими литераторами были здесь писатель Михаил Арцыбашев, литературный критик и публицист (в начальном периоде эмиграции — сотрудник и друг Мережковских) Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940), а также поэт, прозаик, критик и график Лев Николаевич Гомолицкий (1903–1988)^[25]. Последний оставил самое любопытное, а также наиболее пластическое и оригинальное, если учесть привлекаемый контекст, описание творчества русского актера, какое только появилось в Польше после его выступлений^[26]. Исходной точкой для своих размышлений над природой актерства Чехова Гомолицкий делает краткие рассуждения об индуистском эпосе и том месте, которое занимает в нем бог Кришна — способный превращаться в двойника каждого живого существа. Далее автор рецензии констатирует, что Михаил Чехов как актер способен вызывать к жизни двойников некогда действительно существовавших людей и создавать новые сущности, бытующие независимо и самостоятельно:

«...он входит все в новые и новые личины, торопясь как можно полнее и шире проявить себя, свою невидимую сущность в видимой случайной форме. Вы забываете, что существует артист, большой искусник и мастер своего дела, Михаил Чехов. Маска роли так тесно прирастает к его настоящему лицу, что становится живою плотью.

Особенно подчеркнута эта его способность в инсценировках чеховских рассказов, с которыми он сейчас выступает в Варшаве, и где он на протяжении одного спектакля появляется на сцене в самых разнообразных ролях.

Я хотел говорить о гриме М.Чехова, но грима у него, собственно, нет. Кажется, у него в запасе множество живых человеческих лиц, которые он надевает по желанию. Чем достигается такое, я бы сказал, «одухотворение грима»? Тем ли, что каждая проведенная гримировальным карандашом черточка не случайна, но до конца продумана и обоснована ролью, художественным ли мастерством исполнения и мимикой, но каждый раз перед вами новые черты лица, то изможденные, то одутловатые, и кажется, даже новые формы головы. Но на этом не кончается его метаморфоза. Не только голова, но все тело у него способно менять свою форму, сжиматься и вырастать по желанию. Вы не знаете, какие у него в действительности руки,

потому что в каждой роли они меняются, становясь то костлявыми руками старика, то дрожащими потными руками пропойцы, то безвольными рассеянными руками обывателя. Но что самое удивительное – вместе с внешним обликом меняется и его голос, точно он обладает несколькими тембрами и может по желанию менять его высоту. Костюм его продуман до последней ниточки, последней пуговицы. Здесь мы присутствуем перед чудом оживления мертвой материи. Петля истрепанного сюртука «бывшего человека» недаром застегнута пуговицей жилетки, недаром подкладка торчит из-под полей соломенной шляпы обывателя – все эти мелочи выводят нас из рамок театра, заставляют верить в несуществующий мир, куда уходят, удаляясь за кулисы, эти создания творческой фантазии, верить, что и в этом призрачном мире они продолжают жить. (...)

Натурализм М.Чехова не самоцель, но средство. Заставив поверить в созданный им образ, он одной точечкой, нарушающей реальность в гриме ли, в косноязычии ли, в жесте ли, переносит вас за грань действительности, где образ этот вырастает в жуткий символ, в намек на какую-то высшую тайну. И здесь, на этой вершине, вы как бы сознаете, что перед вами не артист, меняющий маски, но оборотень, и что общим для всех этих оживленных творческою волей людей является не телесная индивидуальность артиста, но неуловимая, невидимая сила, стихийный дух, творческий гений.

О Кришне говорится в одной древней поэме, что он, утисячерившись, сошел к тысячам девушек, чтобы дать жизнь племени человекобогов. Так же и артист М.Чехов, дробя во множестве воплощений свое творческое «я», оплодотворяет своим искусством наши души, преображая жалкую повседневность, находя в малом великое и возвышенное в униженном и оскорбленном»^[27].

19 апреля в Русском доме, находившемся на Маршалковской ул. в Варшаве, был устроен торжественный банкет, в честь актера, о чем сообщали русские газеты.

Несмотря на то что выступления Михаила Чехова в Польше критики признали крупным событием, это мнение, в общем-то, не вылилось в польских театральных кругах в прочную заинтересованность самим актером, а также его исканиями или актерской техникой. Не сохранилось никаких свидетельств, подтверждающих, что Чехова смотрели польские актеры либо режиссеры и что увиденное имело последствия для их творчества. А ведь оно безусловно могло бы их иметь —

хотя бы в случае Юлиуша Остервы; однако Остерва почти наверняка Чехова не видел — в это время он находился в Кракове, даты выступлений русского актера наложились на пасхальные праздники. Во всяком случае, в заметках Остервы нет отсылок к этому русскому артисту, хотя он непременно должен был о нем слышать, сначала в Москве, а потом, быть может, — от Сверчевского. Идея о театре гармонии должна была бы стать близкой создателю театра-лаборатории «Редута» в некоторой степени *ex definitione*. Подобно Чехову, Остерва считал, что работа актера или режиссера служит выполнению задач, которые выходят за рамки индивидуальных целей, а также, что путь художника обязан быть путем духовного развития.

Выступления Чехова в Польше подтвердили его величие как актера, но не построили такую легенду о нем, которая бы сохранилась до послевоенных лет.

2. Долгая дорога Чехова в Польшу: послевоенный период

В 60-е — 70-е годы знания о Михаиле Чехове проникали в Польшу неофициальными каналами. Роль «посланца» исполнял, среди прочих, Леонидас Осетынский — американский актер и режиссер польского происхождения, живописная и колоритная фигура, сотрудник Чехова в Голливуде, которого этот русский актер упоминает во введении к американскому изданию своей работы «To the Actor» под фамилией: Леонидас Дударев-Осетынский. Этот эмигрант впервые навестил родину в 1966 г. и провел тогда в Польше десять месяцев, из чего несколько недель — в Театре-лаборатории Гротовского во Вроцлаве^[28]. В следующие годы он возвращался в Польшу со своими студентами и привозил их прежде всего на стажировку во Вроцлав.

По прошествии многих лет Гротовский в «Парижских лекциях» вспоминал, что сведения о Михаиле Чехове он черпал не из книг, а из разговоров с учениками и сотрудниками русского артиста. Ничто не указывает на то, чтобы Гротовский глубоко интересовался Чеховым (точно так же он сохранял отчужденное отношение к антропософии и Штайнеру). О Чехове он мог услышать во время своей учебы в Москве, где встретился с Марией Кнебель, ученицей актера. Впрочем, он сам ответил на этот вопрос во время встречи с актерами Школы драматического искусства Анатолия Васильева в Понтедере (Италия) 25 февраля 1989 года. Когда его спросили: «Что вы думаете о Михаиле Чехове и его отношении к Станиславскому?», — Гротовский ответил:

«Никогда я перед собой этого вопроса так не ставил. Несомненно, у Михаила Чехова было очень много чего сказать. Я знал нескольких его учеников в Америке, и то, что они говорили о нем, было самым интересным — гораздо интереснее его книг и той главной книги Михаила Чехова, где он говорит о «психологическом жесте». Так бывает нередко, нередко это так. Например, Станиславский написал целый ряд книг, а для меня самый интересный материал применительно к Станиславскому — книга Топоркова «Станиславский на репетиции»»^[29].

В данном случае нет речи о каком-то непосредственном влиянии, но всё-таки трудно устоять и не поставить вопрос: можно ли усмотреть какие-либо более глубокие соотнесения между пониманием творческого акта Чеховым и Гротовским (в театральный период его деятельности)? Наверняка обоих художников связывала трактовка искусства как пути внутреннего развития и самопознания. Для обоих искусство представляло собой процесс преодоления собственных ограничений. Обоих поглощали поиски метода, правил актерского искусства; связывало их и стремление преодолеть противопоставление телесности актера и его психологичности. Однако даже столь обобщенные формулировки не должны стирать и затушевывать различий между ними. Хотя бы по отношению к пути самопознания. Обоих интересовало, каким образом добраться до самых скрытых сторон человеческой натуры, но Гротовский — в отличие от Чехова — не отвергал темной стороны существования, не отбрасывал ее. Его притягивала и увлекала сфера проступка; интересовали крайние ситуации. В области искусства Гротовский не разделял неприязни Чехова к авангарду, который воспринимался русским актером как пространство действия почти демонических сил (вспомним хотя бы замечания Чехова о Мейерхольде во введении к книге Елагина «Темный гений»^[30]). Ну, и следует также помнить, что для Чехова конечным пределом его устремлений был театр, причем театр, вырастающий из литературы, верный драме.

По сути дела после войны Чехов в Польше был фигурой отсутствующей — вплоть до 1980-х, когда начали появляться переводы его текстов в журналах «Диалог», «Квартальник фильмовый», «Театр». В 1991 г. в «Диалоге» был впервые опубликован перевод «Психологического жеста» — одной главы из книги «О технике актера»^[31], — сопровождавшийся редакционным комментарием, а также коротким эссе Тадеуша Ломницкого^[32]. В польском театроведении существует совсем немного таких критических высказываний о методе Михаила

Чехова, которые бы исходили от практиков сцены. Суждения Тадеуша Ломницкого тем любопытнее, что его считают мастером искусства трансформации, почти польским Чеховым.

Польский актер признаётся, что с фамилией Михаила Чехова столкнулся лишь после 1956 года. Перед этим он не только не слышал о Чехове, но отметал всё, что ассоциировалось с кругом МХАТа, потому что, как и многие артисты его поколения, аллергически реагировал на «систему» Станиславского, внедренную (в сталинский период) в польские театральные училища как главный оплот соцреализма^[33]. Ломницкий вспоминает, что, когда он в 1950 г. изучал в Варшаве режиссуру, то день за днем подвергался «помазанию таинствами Константина Сергеевича Станиславского», и это в результате вызвало в нем бунт: «Не осознавая подлинного величия метода, ведущего «от внешнего через внутреннее к подсознанию [у Станиславского — сверхсознанию]», я высматривал всё, что казалось мне противоречащим ему»^[34]. Наряду с французским экзистенциализмом, наряду с эпическим театром Брехта, наряду с Мильтинисом или Жаном-Луи Барро Тадеуш Ломницкий — по неведению (что он сам подчеркивает) — относил тогда к явлениям, отличающимся от традиции Станиславского, и американское актерство. Лишь после 1956 г. он начал понимать, что вызывавшая у него такое восхищение «американская школа» выросла из свершений Станиславского и как раз Михаила Чехова.

Характерно, что Ломницкий рассматривает Чехова как распространителя и популяризатора «системы» Станиславского. Тем временем Михаил Чехов пропагандировал в Америке собственный «метод», который возник, опираясь на самый разнообразный опыт, и о котором сам он говорил в начале 30-х годов — о чем напомнил его латышский ученик Вольдемар Пуце, — что на шестьдесят процентов обязан им Станиславскому, на двадцать — Мейерхольду, Вахтангову, Рейнгардту и другим представителям разных культур, а еще на двадцать — самому себе^[35]. В этом перечислении (процитированном латышским актером и режиссером лишь в конце 80-х годов) не хватает, понятное дело, фамилии Рудольфа Штайнера, да и значение сотрудничества Чехова с Вахтанговым тоже можно сегодня воспринимать иначе^[36].

Ломницкий, который, как он сам признавал, столкнулся с Михаилом Чеховым поздно, пожалуй, не до конца осознавал принципиальное различие, отделяющее Чехова от Станиславского, хотя это различие вырисовывается уже в его описании тех основанных на методе Чехова практических

упражнений, которые он наблюдал в Америке. Во время тогдашнего пребывания (Ломницкий не уточняет, когда это было) польский актер впервые столкнулся с методом Чехова, применяемым в театральной педагогике. Будучи приглашенным в театральную школу Гудмена в Чикаго, он стал свидетелем следующих упражнений:

«Я увидел группу людей, сидевших в полном молчании, без единого слова, у стен и словно бы внутренне углубленных в себя: время от времени кто-нибудь делал какой-то незначительный жест, наклонял голову, закрывал или открывал глаза. В этом были сосредоточенность и напряжение, очень убедительные и производившие сильное впечатление, хотя, разумеется, непонятные для меня. Я узнал, что эта группа упражнялась по методу Чехова, а упражнение заключалось в том, что участники старались «переступить границы прошедшего дня и в своем воображении рисовать картину близкого или отдаленного будущего», тогда как их жесты должны были говорить о важных желаниях и были выражением воли, означая — во внутреннем театре упражнявшихся, наполненном сценами, которые они себе воображали, — к примеру отталкивание, притягивание, указывание или даже абстрактное действие, такое как «отвертеться от ответственности», «прийти к выводу» либо «порвать отношения». Всё это — в соответствии с методом Чехова»^[37].

Свое сообщение актер завершал восклицанием, выражающим одновременно изумление и радость по поводу совершённого открытия: оказывается, что тому же его учил Остерва (Ломницкий принадлежал к числу послевоенных учеников создателя «Редуты») — воображать самого себя в качестве участника сценического действия. Актер замечает иронию в том факте, что, не зная Михаила Чехова (и отвергая Станиславского), он находился — сам того не ведая — в кругу воздействия их идей.

С книгой «О технике актера» Тадеуш Ломницкий познакомился, пользуясь циркулировавшим по польским театральным училищам на рубеже 80-х — 90-х годов и размноженным на ксероксе ее переводом с русского издания^[38] (первое книжное издание работы «О технике актера» вышло на польском языке в 1995 г.^[39]). Это чтение вызвало в нем, как он пишет, «смешанные чувства». Книгу Чехова Ломницкий воспринимает как интересную, но вместе с тем наивную. Он настроен скептически по отношению к возможности применения технических приемов Чехова в современном

театре — нелитературном и далеком от натурализма (в том смысле, в каком это понятие функционировало еще в первой половине XX века): в театре Брука, в The Living Theatre, в театре Гротовского или Кантора. Иными словами, Ломницкий, сам мастер искусства трансформации, создания образа, для которого отправной точкой служит действующее лицо, но одновременно и художник, открытый тому, что отличается от его собственного опыта, сомневается в актуальности метода Чехова, утверждая, что сегодняшний театр требует совсем иной актерской выразительности. Однако в первую очередь Ломницкий отмежевывается от самой идеи создания «системы», от замыкания неуловимой тайны актерского творчества в словесные формулировки, ибо, по его мнению, «семантика — враг чувственной, миметической правды театра».

Говоря о наивности книги Чехова как учебника актерской игры, Ломницкий вместе с тем замечает в ней страсть, а также неисчерпаемый источник вдохновения для собственных исканий. Многие формулировки Чехова, даже — а может быть, особенно — те, которые наиболее просты и касаются необходимости постоянно искать новые ответы, упражняться в систематичности и выносливости, выглядят для Ломницкого обоснованными: и как актер, и как педагог он ценит скрывающийся в них стимул к непрерывному самоочищению «от штампов, от грязи, привычек, пустых фраз и лицемерного комедиантства (...) которые успешно закрывают внутренние и внешние пути, ведущие к подсознанию»^[40].

В первой половине 1990-х много хорошего для популяризации Михаила Чехова в Польше сделал журнал «Театр» — благодаря деятельности главного редактора Анджея Ваната, который живо интересуется русским театром, причем в равной мере как его прошлым, так и современностью. К числу самых интересных начинаний — помимо публикации переводов «Уроков для профессионального актера»^[41], а также текста авторства Мариуша Орского, близко знакомящего нас с личностью русского актера^[42], — следует отнести перепечатку датированной 1923 г. анкеты о психологии актерского творчества (которую составил Павел Марков) с параллельно размещенными ответами Михаила Чехова и Збигнева Запасевича^[43]. Польский актер во многих вопросах соглашается с Чеховым, хотя иногда бывает ироничен, потому что, как он сам подчеркивает в постскриптуме, язык заданных в 1923 г. вопросов кажется ему старосветским и не всегда понятным для современного актера. Запасевич (как и Ломницкий) придерживается мнения, что попытки конкретизации,

вербализации актерской «тайны» обречены на неудачу, и призывает к праву на недоговоренности, на сохранение каких-то профессиональных секретов. Здесь надо подчеркнуть, что этот призыв исходит от художника, повсеместно считающегося актером-интеллектуалом, рационалистом, для которого характерна некая ясно ощутимая отчужденность от исполняемой роли и который за пределами сцены — как мало кто — способен говорить о своей профессии дельно, толково и по существу. В своем скептицизме по поводу возможности уложить актерство в рамки взаимоувязанной и непротиворечивой системы (и эта позиция тоже сближает его с Ломницким) Запасьевич выражает более широкий взгляд, который стал результатом изменения культурной парадигмы, а именно: растущего с 80-х годов недоверия ко всяким системам (не только в сфере театра или даже культуры).

Самыми любопытными в упомянутой анкете оказались расхождения между отвечающими. То есть те пункты, по которым Запасьевич не соглашается с Чеховым, так как они доказывают, что основания ремесла польского актера ближе скорее к «системе» Станиславского (хотя фамилия самого Станиславского не звучит здесь ни разу). Актеров разделяет их подход к участию воображения в творчестве актера (хотя, разумеется, для обоих это вопрос принципиального значения). Запасьевич понимает работу воображения скорее как развитие того, что дано; воображаемые им представления о действующем лице укоренены в конкретном. Чехов же, говоря о воображении или фантазии, имеет в виду полную открытость самого себя сверхиндивидуальной сфере, импульсам, поступающим из какой-то непонятной среды, которую невозможно назвать. Картины фантазии живут у Чехова самостоятельной жизнью.

Интересно, что поборник тайны актерского творчества, скептически настроенный по отношению к возможности изложить принципы актерской игры в виде системы, в анкете проявляет себя как сторонник процессуальной концепции возникновения роли, как профессионал, который работает исключительно на репетициях, а в роль начинает «входить» за час до спектаклем. И, наоборот, актер, который постоянно обращается к интуиции, к воображению, который утверждает, что образ рождается из фрагментов неизвестного происхождения, новых и неожиданных, становится создателем метода, вдобавок такого метода, практическая полезность и применимость которого (другое дело — для всех ли?) не подлежит сомнению. Этот парадокс позволяет осознать, что прочитывание подлинных намерений художников на

основании их высказываний по поводу актерства требует огромной бдительности и бывает отягощено риском недоразумений.

Сравнивая ответы обоих актеров на вопросы анкеты, следует, разумеется, помнить, что в 1923 г. на них отвечал молодой Чехов, тогда как спустя семьдесят лет свое отношение к ним выражает зрелый Запасевич. Сам Чехов, впрочем, по прошествии лет, вероятно, сформулировал бы ответы на некоторые вопросы по-иному. Но суть различий между обоими художниками осталась бы такой же. И здесь перед нами встает вопрос об актуальности и универсальности взглядов Чехова на психологию творчества актера. Известно, что сам Чехов (подобно Станиславскому или Гротовскому) не утверждал, будто его метод обладает универсальными достоинствами. Существует также мнение, что метод Чехова лучше помогает актерам талантливым (в смысле — наделенным врожденной интуицией, обладающим развитым воображением). В то же время у Запасевича репутация актера, который с течением лет развивался благодаря систематическому, упорному труду (сам он, кстати, говорит, что не имел особых данных для своей профессии), а это может подтверждать тезис, что в профессии актера к величию можно приходить разными дорогами.

*

Казалось бы, Михаил Чехов в Польше разминулся со своим временем. Его довоенный визит не запечатлелся в памяти и сознании послевоенных поколений; у Чехова как у актера нет в Польше своей легенды. Его сочинения, особенно «О технике актера», начали появляться поздно — после опыта авангарда второй половины XX века, после Гротовского и Кантора. Однако театр — это, как известно, сложный организм, где всё время происходят скрытые процессы. Оказывается, что зерно, посеянное на рубеже 80-х — 90-х годов (в виде напечатания некоторых текстов Чехова), принесло урожай — в области педагогики. Это, однако, такая сфера, доступ к которой для исследователей в исключительной степени затруднен. Что же тогда известно на данную тему? Оказывается, что в варшавской Театральной академии уже много лет интересуется методом Чехова актер и педагог Ярослав Гаевский^[44]. А прежде всего — что в краковской Театральной школе ведутся занятия с актерами на основе опыта Михаила Чехова. Их ведет Ян Пешек, который проявляет интерес к Чехову с начала 90-х — он, кстати, поделился тогда своей заинтересованностью с Петром Фоменко^[45]. Известно, что к Михаилу Чехову обращаются также — наверно, под воздействием Пешека — и другие

педагоги этого краковского училища, одновременно известные актеры Ян Фрыч и Роман Ганцарчик. Тем самым оказывается, что постановка вопроса об актуальности Чехова неудачна, что созданная им техника актерской игры представляет собой надвременное явление и отнюдь не должна противоречить эстетике или вступать с ней в конфликт. Зато одновременно остается аксиомой, что Михаил Чехов не универсален, другими словами, не может рассматриваться как метод, пригодный для каждого.

Примечания:

1. Чехов М. Литературное наследие. Т.2. М.: Искусство», 1995, с. 542.
2. Teatr Miejski. Dwa występy Michała Czechowa // Republika. 25.04.1933. См. в той же газете: Dwa występy M.Czechowa w Teatrze Miejskim // 22.04.1933; Występy Michała Czechowa // 23.04.1933; Teatr Miejski // 26.04.1933.
3. Teatr Miejski // Republika. 26.04.1933.
4. Наше время. 19.04.1933.
5. Dwa występy Czechowa w Poznaniu // Kurier Poznański. 21.04.1933.
6. Z Komedii Muzycznej // Kurier Poznański. 22.04.1933.
7. Бюклинг Лийса. Михаил Чехов в западном театре и кино. СПб: Академический проект, 2001.
8. Występy Michaiła Czechowa w Warszawie // Polska Zbrojna. 6.04.1933.
9. Michaił Czechow. Z powodu przyjazdu do Polski // Polska Zbrojna. 10.04.1933.
10. Świerczewski E. Michaił Czechow jako aktor i działacz teatralny // Nasz Przegląd. 16.04.1933.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Этот спектакль Михаил Чехов поставил с актерами «Габимы» в Берлине.
15. См. Świerczewski E. Michaił Czechow jako aktor i działacz teatralny.
16. Pionier nowej sztuki scenicznej. Rozmowa ze znakomitym artystą rosyjskim Michaiłem Czechowem. Czechow o swej współpracy z Habimą i o przyszłości Habimy // Nasz Przegląd. 15.04.1933.

17. Там же.
18. Там же. Добавим, что планы сотрудничества «Габимы» с М.Чеховым в 1933–1934 гг. не осуществились. Шире на тему работы Чехова в «Габиме» в процессе постановки «Двенадцатой ночи», а также по поводу упомянутых планов см.: Иванов В. Русские сезоны театра «Габима» // Артист. Режиссер. Театр. М.: АРТ, 1999, с.182–191.
19. B. [Boy-Żeleński Tadeusz]. Z teatrów warszawskich. Gościnny występ Michaiła Czechowa w teatrze «Nowości» // Ilustrowany Kurier Codzienny. 20.04.1933.
20. Brumer W. Felieton teatralny. Występy Michaiła Czechowa // Kurier Poranny. 19.04.1933.
21. Appenszlak J. Prezentacja gry realistycznej. Michał Czechow w teatrze «Nowości» // Nasz Przegląd. 19.04.1933.
22. Świerczewski E. W kalejdoskopie wrażeń teatralnych // Polska Zbrojna. 28.04.1933.
23. Молва. 10.04.1933.
24. Наше время. 9.04.1933; другое объявление о предстоящих гастролях появилось также в этой газете за 13.04.1933.
25. Лев Гомолицкий, родившийся в Петербурге и умерший в Лодзи, после Второй Мировой войны стал польским писателем.
26. Фрагмент рецензии Гомолицкого цитирует в летописи жизни и творчества Чехова Марина Иванова, не приводя, однако, ни автора, ни источника цитаты, а только инвентарный номер описи в ЦГАЛИ — см.: Чехов М. Литературное наследие. Т.2. М.: Искусство», 1995, с. 542.
27. Гомолицкий Л. К спектаклям Михаила Чехова в Варшаве // Молва. 19.04.1933.
28. Об этом факте Осетынский вспоминал в интервью, которое дал местной газете, издаваемой в Люблине: Po ćwierć wieku nieobesności. [С Леонидасом Осетынским беседовал Збигнев К. Роговский] // Kurier Lubelski. 27–28.01.1967.
29. Zapis spotkań Jerzego Grotowskiego ze Szkołą Sztuki Dramatycznej z Moskwy kierowaną przez Anatolija Wasiljewa. Spisali B.Chojak i Z.Osiński, opracowanie tekstu i przypisy Z.Osiński // Pamiętnik Teatralny. 2001. Zeszyt 1–2 (197–198).
30. «Образы Мейерхольда — темные, ужасающие, они напоминают кошмар. Мейерхольд “видел” дьяволов», — эта последняя фраза относится к мейерхольдовскому «Ревизору». При этом надо подчеркнуть, что Михаил Чехов восхищался Мейерхольдом как режиссером — см.: Ю. Елагин. Темный гений (Всеволод Мейерхольд). Предисл.

М.А.Чехова. Нью-Йорк: Изд во им. А.П.Чехова, 1955
(российское переиздание: М.: Вагриус, 1998).

31. Czechow M. Gest psychologiczny. Przeł. D.Cisek. // Dialog. 1991. №12, s.83-96.
32. Łomnicki T. Michaił Czechow: teorie, praktyka, ironia // Dialog. 1991. №12, s.97-99.
33. На тему восприятия и функционирования «системы» Станиславского в послевоенной Польше — см. Tyszką J. Między prawdą a doktryną. «System» Stanisławskiego w Polsce 1944-1956. Poznań: Wyd. Fundacji Humaniora, 2001.
34. Łomnicki T. Цит. соч., с.98.
35. См. Бюклинг Л. Цит. соч., с.152.
36. О значении совместной работы с Вахтанговым — см. Lindovská N. Jewgienij Wachtangow i Michaił Czechow, albo Żenia i jego malutki fantom // Jewgienij Wachtangow — co zostaje po artyście teatru? Wstęp, kronika, red. K.Osińska. Wrocław: Instytut im. Jerzego Grotowskiego, 2008, s.189-209.
37. Łomnicki T. Цит. соч., с.98.
38. Об этом факте вспоминает не только Тадеуш Ломницкий, но и режиссер Мариуш Орский в своем письме в редакцию журнала «Диалог» // Dialog. 1992. №4, s.142.
39. Czechow M.A. O technice aktora. При подготовке польской публикации переводчик Марек Солек пользовался следующими изданиями: Chekhov Michael. To the Actor. New York: Harper&Row, 1953; Čekhov Michael. Werkgeheimnisse der Schauspielkunst. Zürich: Classen Verlag, 1979; Чехов Михаил. О технике актера. М.: Искусство, 1985; Chekhov Michael. Die Kunst des Schauspielers. Stuttgart: Urachhaus Verlag, 1990, а также неопубликованной рукописью на английском языке «To the Actor» (1942); в результате возникла книга, в некоторых местах отличающаяся от российского издания «О технике актера». Последнее, расширенное издание перевода этой книги вышло в 2008 г. в краковском издательстве «Arche». Другой ее перевод — на этот раз с русского издания, — сделанный Гжегожем Газдой, появлялся в виде последовательных отрывков в журнале «Квартальник фильмовый», однако при этом текст Чехова не был опубликован в полном объеме. См. Czechow Michaił. O technice aktora // Kwartalnik Filmowy. 1994. №5, s.20-44; 1994. №6, s.16-28; 1994. №7/8, s.15-22.
40. Łomnicki T. Цит. соч., с. 99.
41. Czechow M. Lekcje dla aktora zawodowego. Lekcja 1. Dlaczego metoda jest potrzebna w dzisiejszym teatrze? (Wykład w dniu 7

listopada 1941 r.). Przeł. G.Janikowski // Teatr. 1994. №9, s.19–22; Lekcja XI. (Wykład 12 grudnia 1941 roku). Przeł. G.Janikowski // Teatr. 1995. №1, s.27 (переводы с английского). Русский перевод см.: Чехов Михаил. Уроки для профессионального актера: На основе записей уроков, собранных и составленных Д.Х.Дюпре. Пер. с англ. М.И.Кривошеев. М.: Российский университет театрального искусства — ГИТИС, 2011.

42. Orski M. O Michaile Czechowie // Teatr. 1991. №5, s.29–31. См. того же автора: Warsztaty Michaiła Czechowa // Teatr. 1994. №2, s.47; Kryzys i przemiana, czyli wstęp do metody Michaiła Czechowa // Notatnik Teatralny. 1991. №1, s.91–100; Miłość i technika (aktorska) // Didaskalia. 2003. №54–55–56, s.97–100.
43. Psychologia twórczości aktorskiej. Ankieta z udziałem Michała Czechowa i Zbigniewa Zapasiewicza // Teatr. 1994. №10, s.11–15.
44. См. Gajewski J. Ars longa // Dialog. 2003. №6, s. 168–187; Gajewski J. Michaił Czechow — geniusz, szaleństwo, metoda. // Scena. 2005. №2–3 (39–40); №4–5 (41–42).
45. В 1995 г. в интервью краковскому журналу «Didaskalia» Петр Фоменко сказал, в частности: «Михаил Чехов и МХТ–2, с которым был связан Чехов, — это для меня очень важная традиция. Два года назад я разговаривал о Михаиле Чехове с польским актером Яном Пешekom, которому Чехов тоже очень близок. Следовательно, то явление, которое было боковым ответвлением Станиславского или же возникало как бунт по отношению к нему, временами имеет особенно большой вес». — Szkoła jako indywidualna droga. Z Piotrem Fomienko rozmawia Katarzyna Osińska // Didaskalia. 1995. №7, s.33. Слова русского режиссера продолжают более ранние его высказывания, в которых он также ссылается на разговор с Яном Пешekom — см.: Teatr w bufecie. Z Piotrem Fomienko rozmawia Grzegorz Janikowski // Teatr. 1994. №2, s.43.

МЫ — НЕ БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

— *Что вы подумали о Польше и поляках после матча с Россией?*

— Нам кажется, что все нас притесняют, а сами мы — чудесная, невинная страна. Однако события перед матчем показали, что это неправда. Мы — отнюдь не белая лилия в центре Европы. Мицкевич писал, что поляки подобны лаве. Но иногда эта лава вырывается наружу, и тогда просто мороз по коже.

— *Если бы вам нужно было рассказать россиянам, каковы поляки на самом деле, что бы вы сказали?*

— Трудно обобщать — ведь потасовки спровоцировали несколько сот бандитов, ненавидящих всех и вся. Но ненависть к России, разжигаемая, например, у креста на Краковском предместье, в конце концов взорвалась.

С другой стороны, не стоит преувеличивать серьезность положения — ведь в беспорядках участвовали маргиналы, нули без палочки, которые по всему миру ищут тех, кто «хуже» их. «Плохими» могут оказаться евреи, русские — кто угодно. Снаружи у нас костюм от Армани, но подкладка все еще совершенно азиатская.

— *Нас возмутил фильм Би-Би-Си о польском расизме.*

— Оказывается, в нас дремлет немало всякой дряни. А иногда она даже вылезает на поверхность.

— *Стал ли этот чемпионат успехом, или инцидент перед матчем с Россией омрачил его?*

— Это огромный успех. СМИ раздули матч с Россией до размеров какой-то войны. Но ведь большинство российских болельщиков — совершенно нормальные люди. Вдобавок Россия сыграла с нами вничью, за что мы должны быть ей благодарны. А мы на них с кулаками...

Один из российских болельщиков говорил потом полякам, что не любит Путина так же, так и мы. Нам удалось вырваться из этого блока, россиянам — еще не совсем. Мы должны сочувствовать им, а не бить.

— *Останется горечь, или мы забудем об этом происшествии?*

— Надеюсь, что все будет так же, как с оплошностью президента Обамы, когда он сказал о «польских лагерях смерти». Может быть, отношение государства к псевдоболельщикам наконец изменится. «Право и справедливость», Качинский и «Газета польска» считают, что это соль нашей земли, наш авангард. С этим давно пора разобраться.

Благодаря ошибке Обамы весь мир узнал о Яне Карском. Может быть, благодаря беспорядкам после матча с Россией Польше удастся решить проблему псевдоболельщиков? Ведь клубы их лелеют, а власти терпят. Этому надо положить конец.

— В Польшу приехали испанцы, греки, итальянцы, англичане, чехи. Почему побили только россиян?

— Потому что часть наших политиков продолжает культивировать миф, что нужно расквитаться с русскими за разделы, Катынь, а теперь еще и Смоленск. Так думают наши националисты. Немцам они сумели простить, поскольку у тех есть «Мерседесы», а России простить не могут, хотя русская литература в десять раз лучше нашей.

Слонимский писал, что формулировка: «Не плюнет немец нам в лицо»^[1], — в сущности, минималистична — ведь она предполагает, что нас может оплевать кто-нибудь другой. В свою очередь мы оставляем за собой право плевать на других без всяких ограничений. И еще страдаем, когда кто-нибудь напоминает нам о темных делишках из нашей собственной истории. Они были, и ничего тут не поделаешь. Но часть политиков все еще убеждает нас, что мы ангелы. А потом эти ангелы бьют на улице морду ни в чем не повинным россиянам.

Может быть, это отрезвит нас, и мы поймем, что ни один народ не состоит исключительно из ангелов.

Беседу вел Мартин Войцеховский

Януш Гловацкий, писатель, драматург. Автор, в частности, «Охоты на мух», «Антигоны в Нью-Йорке», «Четвертой сестры».

1. Строка из стихотворения Марии Конопницкой «Присяга», положенного на музыку и ставшего польским патриотическим гимном.